

Рудольф Штайнер

Антропософия и Мистерии Нового времени
Введение в антропософское мировоззрение

Anthroposophie - Eine Zusammenfassung nach einundzwanzig
Jahren
(Антропософия - итог 21 года развития)

GA 234

Девять лекций, прочитанных в Дорнахе
с 19 января по 10 февраля 1924 года

Первая лекция

Дорнах, 19 января 1924 г.

АНТРОПОСОФИЯ — ИСКАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Дорогие друзья, раз уж я собираюсь прочесть своего рода введение в самую антропософию, пусть, насколько позволяют лекции, в нем будет и руководство к тому, как можно сегодня представлять антропософию перед миром. Но прежде чем начать, я хочу сказать о нашем предмете несколько вступительных слов. Все духовное дышит жизнью, а это обычно как раз и упускают из виду. Но если что-то живет, то и постигать его нужно как нечто живое, во всей его глубочайшей жизненности! Нам, ответственным за антропософское движение внутри Антропософского общества, просто не к лицу исходить из допущения, будто антропософское движение может каждый день начинаться заново. Оно существует более двух десятилетий, и у мира выработалось собственное к нему отношение. Отсюда: в какой бы области, в антропософском смысле, мы ни вступали в контакт с миром, нас не должно покидать ощущение, что мир занял собственную позицию. И пусть это ощущение будет постоянным фоном нашей деятельности. Не чувствуя этого и попросту полагая, что можно отстаивать перед миром интересы антропософии в каком-то абсолютном смысле, поступая, как можно было поступать двадцать лет тому назад, мы будем все больше и больше представлять антропософию в неверном ее формате, и тогда как раз хватаемся за избыток мира, в одной старомодной, пошлой и концевидной «соковухе» для дарами микрокосмоса и начертанному Новому, благодаря Рождественскому, Тобольскому и Боварскому движению Штайнера, вероятно, уже не раз дававшему с Землей образ зодиакального круга. Ось Рыбы — Лева, невозможно требовать от каждого члена Антропософского в направлении полдень — полночь (см. Штайнер Р. Индивидуальные духовные существа и их действие в душе человека. ПСС. Т. 1-78).

* В начале XX века потребность человека в белках была определена физиологом Рубнером в пределах 30-40 граммов в день, в противовес Флюору, предлагавшему до того существенно более высокие нормы. Но тот, кто в той или иной форме хочет принять участие в изрешетании антропософическому миру, не может равнодушно отнестись к такому отношению. В будущем, если бы мы могли определить влечение человека к природе и к нейтральной правдивости, их натуры или же внешних обстоятельств. Как бы друзья отклонялись от этого, будучи обращены к вам, и вступили бы в контакт с вами, в конечном счете перейдем к своему рода части, которую антропософия предлагает другим в своем. Во внешних ли воздействиях либо же во внутренних побуждениях четко проглядывает рука судьбы, сколь бы сокрытой она ни была, хотя противоречивые мотивы нередко отклоняют линию судьбы. Но пусть нас не обманывает ее извилистый ход — мотив и направление — непременно слушайте. Никогда не стремитесь к нему, либо иному, просматриваясь. Из «Литературного наследия и переписки Кнебеля», 2 изд., т. 3, с. 152.

Поэтому при изложении антропософии основным тоном должны быть восторженность и восторженность. Штайнер, Эннузиаст научный и философский материализации» (1914) и «Физикальные феномены медиумизма» (1920).

тех, кто в антропософий нуждается.

Стоит только посмотреть на нынешних людей, сумевших возвыситься над обыденностью существования, и становится ясно, что *для* каждой души старинные, проходящие через века ощущения приняли новую форму; что в подсознании живут непростые вопросы — и вопросам этим до сих пор не дано было облечься в ясно выраженные мысли, не говоря уже о том, чтобы с помощью имеющегося в распоряжении у современной цивилизации опять найти на них приемлемые ответы. Однако эти вопросы существуют. Они глубоко скрыты в душах многих. Они присутствуют, собственно говоря, в душах всех по-настоящему мыслящих современных людей. Если выразить эти вопросы словами, то поначалу покажется, что они взяты с потолка. Однако они близки нам. Мыслящей человеческой душе, думающему человеку они ближе всего на свете.

Из всего спектра загадок, тяготящих нынешнего человека, можно выделить, прежде всего, два вопроса. Первый вопрос возникает тогда, когда человеческая душа созерцает бытие человека и окружающий его мир. Душа видит: человек вступает в область земного бытия через рождение. Она видит, что жизнь протекает между рождением — или зачатием — и физической смертью. Она видит: жизнь состоит из многообразных внутренних и внешних переживаний. А еще — там, вовне — человеческая душа видит природу, источник полноты впечатлений, подступающих к человеку и мало-помалу наполняющих его душу.

И вот душа человеческая, обитающая в теле человека, видит: природа поглощает все явленное человеческой душе из физического земного бытия. Когда человек прошел через врата смерти, природа с помощью той или иной стихии — совершенно неважно, предано тело огню или земле, — принимает человеческое физическое тело в сферу своих сил. Но что же она делает с ним? Она уничтожает его. Человеческая душа обыкновенно не прослеживает, куда уходят отдельные субстанции физического тела. Но если побывать в местах захоронений особого рода и осмотреть их, то созерцание того, что природа совершает с чувственно-физической оболочкой человека, перешедшего порог смерти, может произвести сильное впечатление. Ибо существуют подземные крипты, где герметично хранятся человеческие останки, правда, все же в воздушной среде. Что происходит с этими останками потом, когда они высыхают? Они принимают сморщенное обличие человека, состоящее из превратившейся в порошок углекислой извести. И если слегка притронуться к этой массе, еще сохранившей отдаленное подобие человеческого образа, то она моментально рассыплется в прах.

Глубокое впечатление производит овладевающее душой чувство, когда она воочию видит, что происходит с телом, посредством которого человек совершает все, что способен совершить между рождением и смертью. И тогда человек вглядывается в природу, которой обязан своими познаниями, — из них он, собственно, и черпает все, что называет пониманием вещей, — и говорит себе: эта природа, в лоне которой возможно чудо кристаллизации, эта природа, волшебна пробуждающая по весне пробивающуюся всходами растительность, эта природа, что десятилетиями сохраняет защищенные корой деревья и наполняет землю животным царством, от огромных млекопитающих до скромных бацилл, эта природа, создающая из той своей части, что называется водой, в небе облака, природа, на которую нисходит все то неведомое, что излучают звезды, — эта же самая природа уничтожает все, что человек, находясь внутри нее, заключает в себе между рождением и смертью. И все это превращается в прах. Природа с ее законами губительна для человека. Вот мы стоим перед человеческим обликом: перед тем обликом, который можем лицезреть, со всеми чудесами, заключенными в нем (а в нем ведь полно чудесного, ибо он совершеннее любого другого облика на Земле), таковым он, облик человеческий, предстоит нам. С другой стороны — природа с ее минералами, растениями, животными, с ее облаками, реками и горами, со

всем тем, что излучает звездный океан, что приходит на Землю с Солнца вместе с теплом и светом. И эта природа, повинувшись собственным закономерностям, совершенно не терпит человеческого облика. Если предать человека силам природы, он моментально рассыплется в прах. Вот что видит человек. И хотя он может и не строить теорий на сей счет, это зрелище глубоко западает ему в душу. Всякий раз зрелище смерти глубоко трогает его. Не из простого эгоистического чувства, не из немотивированной надежды жить после смерти — глубоко в душе подсознательно снова и снова встает вопрос, бесконечно значительный для души, ведь от ответа на него зависит ее счастье или несчастье, пусть ответ и не складывается в слова. И все, что для сознания человека на Земле может судьбоносным образом стать счастьем или несчастьем, — все это ровным счетом ничего не значит по сравнению с вопросом, возникающим из созерцания смерти, выбивающего у человека почву из-под ног. И тогда вопрос формулируется так: откуда приходит этот человеческий облик? Вот я смотрю на чудесно выросший кристалл, на формы растительного и животного мира, вижу, как текут по земле реки, смотрю на горы, вижу все, что обращено ко мне с облаков и звезд. Я вижу все это, говорит себе человек, но из всего этого человеческий облик проистечь не может: во всем действуют силы, лишь уничтожающие, разрушающие его.

И тогда перед душой, перед сердцем человеческим встает тревожный вопрос: а где он, тот мир, откуда приходит человеческий облик? Где он? Из созерцания смерти вытекает этот тревожный вопрос.

Не говорите, друзья мои, что так поставленного вопроса вы до сих пор не слышали. Если прислушаться к тому, что люди берут из головы и поверяют языку, подобного вопроса в сформулированном виде вы не услышите. Но если в разговоре люди поверяют нам жалобы и печали, — ведь они иногда высказывают стенания сердца, видя какую-нибудь жизненную мелочь и размышляя над ней, и эта мелочь только умножает общую загадку судьбы, — то тот, кто понимает этот язык сердца, слышит, как оно вопрошает из глубин подсознания: каков он, тот мир, откуда приходит человеческий облик, ибо человеческий облик не есть порождение мира сего?

И вот перед человеком простирается мир, который он видит, который он созерцает, воспринимает, о котором создает свою науку, который составляет основание чудесной силы его искусства, который дает ему основание для религиозного благоговения; так предстает перед ним мир, а человек стоит перед ним на Земле, и в глубинах его души — одно чувство: здешнему миру я не принадлежу. Значит должен быть какой-то другой, волшебным образом вызвавший меня из своего лона в моем теперешнем облике. Какому же миру я принадлежу? Вот что терзает сердце нынешнего человека. Этот вопрос всеобъемлющ. И если люди не удовлетворены тем, что дает им современная наука, то у них есть на то веские причины: наука слишком далека от того, чтобы хотя бы как-то коснуться этого вопроса, рождающегося в глубинах души. Каков же он, тот мир, которому человек реально принадлежит? Ибо видимому миру он не принадлежит.

Друзья мои, я прекрасно понимаю: то, что я вам сказал, не мои слова, — я дал прозвучать голосам сердец. И суть именно в этом, а совсем не в том, чтобы принести людям нечто самой их душе неизвестное, — это можно почерпнуть из любой сенсации. Дело в том, чтобы выразить словами то, что говорит их душа. И никак иначе. Видимая человеком часть собственного существа, видимая им часть существа окружающих людей — насколько она явлена, — не относится к остальному зримому миру. Ни малейшей частицей, — может сказать себе человек, — не принадлежу я зримому миру, ибо этот мир видимого даже и для нее несет в себе одни только силы уничтожения.

И вот первоначально человек поставлен перед великим неведомым. Но он поставлен перед этим неведомым так, что себя самого вынужден считать гражданином этого неведомого мира. Иными словами: все, что окружает человека и чем он не является, озарено духовным светом. Но в то самое

мгновение, как он обращает взор на самого себя, весь мир погружается во тьму, воцаряется мрак, и человек блуждает на ощупь, неся в этом мраке загадку собственного существа. Так обстоит дело, когда человек смотрит на себя как бы со стороны, видя себя в лоне природы как существо внешнего мира. И будучи человеком, к этому миру он подступиться не может.

И опять: не из головы, а из глубин подсознательного складываются вопросы, соподчиненные этому общему, который мы только что обсуждали. В то время как человек рассматривает свое физическое бытие, служащее ему орудием в промежутке между рождением и смертью, он знает наверняка, что без этого физического мира прожить свою жизнь между рождением и смертью он совсем бы не смог, потому что все время должен брать взаймы у этого бытия, у этого зримого мира. Каждый съедаемый кусочек, каждый глоток воды — из этого видимого мира, которому человек, однако, не принадлежит. Без него же он не может жить в физическом бытии. Вот я проглотил кусочек вещества, — рассуждает человек, — чья принадлежность этому миру очевидна, и вот, допустим, проглотив, я прошел через врата смерти: мгновенно то самое, что было во мне этим кусочком, становится причастно силам уничтожения из видимого мира. Мое существо, мое собственное существо должно оберегать его от того, чтобы во мне он не становился причастен этим силам уничтожения. Но нигде снаружи в видимом мире невозможно найти мое собственное существо. Что же делаю я с проглоченным кусочком, с глотком выпитой воды, что делаю я с ними силами собственного существа? Так кто же тогда я, кто это существо, поглощающее и претворяющее природные субстанции? Кто же я все-таки? Вот он, дополнительный, соподчиненный первому и из него вытекающий вопрос.

Я не только блуждаю во мраке, когда соотношу себя с миром зримого, но и действую во мраке, не зная, *кто* действует, не зная, что же это за существо, которое я обозначаю как мое "Я". Я полностью отдан видимому миру — но я не принадлежу ему.

Вот что выделяет человека в видимом мире. Вот что позволяет ему представлять перед самим собой гражданином совершенно иного мира. И тут возникает тревожный, полный сомнений вопрос: где он, тот мир, которому я принадлежу?.. И чем дальше развивается цивилизация, чем лучше научаются люди мыслить интенсивно, тем больше тревоги приносит с собой этот вопрос. И сегодня он запал в самые глубины души. Люди, принадлежащие к цивилизованному человечеству, по отношению к этому вопросу делятся на два типа. Одни загоняют его внутрь, подавляя его в себе, не доводят до ясности, но ужасно страдают, томясь подспудным стремлением разгадать загадку человека. Другие, напротив, одурманивают себя в отношении этого вопроса, убеждают себя примерами из того же внешнего бытия, чтобы заглушить голос собственного существа. И насколько одурманивают себя, настолько же искореняют в самих себе уверенное чувство собственного существования. Ничтожность последнего овладевает их душами. И это чувство ничтожности, незначительности существования угнездились ныне в подсознании бесчисленного количества людей.

Это одна сторона — один большой вопрос с упомянутым соподчиненным ему вопросом. Он зарождается, когда человек смотрит на себя как бы снаружи и, пусть совершенно смутно, подсознательно, воспринимает также и свое положение: как человек соотносится с миром в промежутке между рождением и смертью.

Другой же вопрос возникает, когда человек смотрит внутрь самого себя. Туда, где находится противоположный полюс человеческого бытия. Внутри живут мысли. Они отображают внешнюю природу. Человек представляет себе внешнюю природу с помощью мыслей. Относительно внешней природы он развивает ощущения и чувства. Человек воздействует на внешнюю природу своей волей. Прежде всего он видит в своем внутреннем мире, как волны мышления, чувствования и воления встают перед его душой. Так своей душой

он вплетен в настоящее. К этому добавляются воспоминания о пережитом, о вещах, виденных раньше в нашем теперешнем земном существовании. Все это вместе наполняет человеческую душу. Что же это такое?

Итак, человек не составляет себе ясного понятия о том, что, собственно, вмещает в себя его внутренний мир, но понятие об этом формируется его подсознанием: одна-единственная мигрень, которая прогоняет все мысли, немедленно ставит под вопрос сам внутренний мир человека. И каждый сон ставит его под вопрос — когда человек лежит неподвижно и лишен возможности соприкоснуться с внешним миром посредством органов чувств. Человек ощущает, что его физическое тело должно прийти в движение, и тогда в душе явятся мысли, чувства и волевые импульсы. Но вот минерал, который я только что рассматривал, сохраняет свою кристаллическую форму, — я отвожу взгляд и через какое-то время вновь смотрю на него: камень остался таким, как есть. Но моя мысль — она возникла, предстала в душе как образ и снова погасла. Мысль я ощущаю бесконечно более ценной, чем мускулы и кости человека, но ведь она — нечто эфемерное, она чистый образ. Она еще слабее, чем изображение, картина. Мысль ведь не повесишь на стену — картина же просуществует какое-то время, пока не распадется ее вещество. А мысль мимолетна. Мысль — это такая «картина», которая все время возникает и исчезает, зыбкий образ, который приходит и уходит, образ, довольствующийся своим тенеподобным бытием отображении. И тем не менее, когда человек смотрит во внутренний мир своей души, он не находит там ничего, кроме образов-представлений. Ничего иного он не может сказать о себе: его душевное существо состоит из этих образов-представлений.

Я снова смотрю на камень. Он *находится* снаружи, в пространстве. Он пребывает... Я представляю его себе сейчас, я делаю это через час, я делаю то же самое через два часа. Мысль о нем в промежутке между этими моментами исчезает, ее нужно всякий раз строить заново. Камень же во внешнем мире остается. Что переносит камень от одного часа к другому? Что час от часу заставляет мысль вспыхивать и угасать? Что час от часу поддерживает камень в сохранности? Что снова и снова уничтожает мысль, так что ее нужно заново подогреть, обращая взгляд на внешний предмет? Что же это такое, что сохраняет камень? Мы говорим: он *есть*. Ему присуще бытие... Мысли же бытие не присуще. Мысль может вместить цвет камня, форму камня, однако нечто, благодаря чему сохраняется камень, мысль уловить не может. Оно остается вне нас. В душу вступает лишь образ.

И так со всеми объектами внешней природы в их сравнении с человеческой душой. Человек смотрит на душу человеческую, на собственный внутренний мир. Вся природа отражается в душе человека. Но в душе его живут лишь зыбкие образы, до известной степени вбирающие поверхность вещей, внутренняя же сторона вещей в эти образы не проникает. Я прохожу через этот мир, и со мной — мои представления. И всюду вбираю внешнюю сторону вещей. Но их суть остается вовне. Я проношу свою душу сквозь мир, обступающий меня отовсюду, но он все равно остается снаружи. К тому же, что находится внутри меня, внешний мир со всем присущим ему бытием не подступает. И когда человек, созерцая смерть, стоит перед обступающим его миром, он должен сказать себе: этому миру я не принадлежу, ибо не проникаю в него, мое существо принадлежит какому-то иному миру; пока я живу в физическом теле, в этот мир я не могу проникнуть. И даже после смерти, когда мое тело проникает в этот мир, вступить в него оно не сможет, потому что каждый шаг к этому будет для него только новым шагом к уничтожению. Этот мир — снаружи. Едва человек проникает в него, как уже уничтожается, мир уничтожает его, он не выносит в себе его существа. Но и внешний мир, при всем желании, не может проникнуть в человеческую душу. Ведь мысли — только образы, существующие вне существа, вне естества вещей. Бытие камней, растений, животных, бытие звезд и облаков не проникает в человеческую душу. Мир охватывает человека, а подступиться к

нему не может, оставаясь снаружи.

По одну сторону — это выясняется при созерцании смерти — человек, остающийся вне природы. По другую сторону — природа, остающаяся вне его души. Человек созерцает природу в ее внешнем обличье. И в нем неизбежно возникает пугающий его вопрос об ином мире. Человек смотрит на самую сокровенную, наиболее безотказную часть своего внутреннего существа. Он рассматривает каждую мысль, каждое представление, каждое ощущение, каждое чувство, каждое волевое побуждение: сюда не проникает природа, среди которой он живет, природы в нем нет.

Именно здесь отчетливо пролегает граница между природой и человеком. Человек не может подступить к природе, не будучи уничтоженным ею. Природа не может проникнуть во внутренний мир человека иначе, как превратившись в видимость. Мысленно поместив себя в природу, человек не находит ничего, кроме беспощадного уничтожения, какое только можно вообразить. Заглядывая же в себя и спрашивая: как соотносится природа с моей душой? — человек не находит в своей душе ничего иного, кроме бессущностной видимости природы.

Но неся внутри себя эту видимость, — отображения минералов, растений, животных, звезд, Солнца, облаков, гор и рек, — находя в воспоминаниях эту видимость всего пережитого в царствах внешней природы, — человек, переживая все это как свой текучий внутренний мир, обретает всплывающее в этом потоке чувство собственного бытия.

Как это происходит? Как переживает человек чувство собственного бытия? Он переживает его примерно так. Быть может, это лучше всего выразить образно. Представим себе безграничное море. Встают и падают волны. Здесь волна, там волна, всюду волны, рождаемые вздымающейся водой. Но взгляд приковывает какая-то одна особенная волна. Она особенная, потому что по ней видно: в ней что-то живет, это не просто волнуется море, за волной стоит что-то живое. Но его облекает вода. Мы знаем только, что внутри этой волны что-то живое, однако видим лишь воду, скрывающую жизнь. Внешне волна выглядит точно так же, как и другие волны. Только по силе подъема, по тому напряжению, с каким она идет, можно почувствовать, что в ней живет нечто особенное. Вот наша волна падает. Затем вновь появляется в другом месте, и снова вода, из которой она состоит, скрывает ее внутреннюю жизнь. Так и с жизнью души человеческой. Волной встают представления и мысли, другой волной — чувства и ощущения, третьей волной — побуждения воли. Всюду волны и волны. Одна же волна является то в виде мысли, то в виде решения воли, то в виде чувства. В этой волне присутствует "Я" человека. Но и мысли, и чувства, и волевые импульсы, — все они скрывают "Я" человека, как вода скрывает живое в морской волне. Они скрывают то, что заключено в них как "Я". И потому человек не знает, что такое он сам. Ибо все, что показывается на том месте, о котором он знает только: это волной встает моя самость, это волной встает мое бытие, — все, что является ему, это только видимость. Видимость в его душе скрывает бытие, — бытие, несомненно существующее, ибо человек ощущает, внутренне переживает его. Но видимость скрывает от него его собственное бытие, как вода скрывает поднимающуюся волнами неведомую жизнь пучины. И человек чувствует, что его собственное истинное существо скрыто за кажущимися образами его собственной души. И все происходит так, как будто человек все время хочет зацепиться за собственное бытие, будто хочет где-то его уловить. Человек знает: оно существует. Но в то мгновение, как он подумал, что достиг его, оно ускользает, уносится. Человеку не дано постичь то, о чем он знает, что это он — существо пребывающее, не в состоянии уловить свое истинное существо в волнах своей души. И когда человек понимает, что эта игра волн, эта изменчивая видимость его душевной жизни имеет отношение к иному миру, вступающему в его представления при созерцании мира природы, — тогда-то перед ним действительно встает пугающая загадка. Загадка, связанная с природой, по

меньшей мере, такова, что она занимает место в его переживании. А загадка его собственной души отсутствует в его переживании, ибо загадка собственной души — нечто отдельное, живущее само по себе, поскольку на вековечный вопрос человека: что я есмь? — она преподносит ему только то, что является сплошной видимостью.

Созерцая свой внутренний мир, человек обнаруживает, что он, этот внутренний мир, дает один и тот же ответ: я показываю тебе только видимость тебя самого, и если ты приписываешь себе духовное бытие, являю тебе в твоей душевной жизни одну лишь видимость духовного бытия.

С двух сторон подступают сегодня к человеческой жизни испытующие ее вопросы. И первый вопрос возникает, когда человек обнаруживает следующее:

Вот природа, но человек только тогда может подступиться к ней, когда позволит ей себя уничтожить.

И второй:

Вот человеческая душа, но природа только тогда может подступиться к ней, когда превратится в образ, в видимость.

Оба эти опыта живут в подсознании современного человека.

И тогда человек обращает свой взор к тому, что еще живет в наше время, но перенесено из древних времен. Вот неведомая природа — губительница человека, вот кажущаяся картина человеческой души, к которой невозможно приблизить природу, несмотря на то что путь свой в физическом бытии человек может свершить, только заимствуя нечто у природы. И вот человек — в двояком, так сказать, мраке. И из мрака всплывает вопрос: где он, тот мир, которому я принадлежу?

И тут слово берет историческая традиция. Некогда существовала наука об этом неведомом мире. Люди обращают взоры вспять, к стародавним временам. Их охватывает глубокое благоговение оттого, что древность путем научного исследования хотела возвестить о реальности потустороннего мира, повсюду проникающего в природу. Ведь если умеешь правильно подойти к природе, этот иной мир открывается человеческому взору.

Однако сознание новейшей эпохи отступилось от древней науки. Она потеряла все свое значение. Она жива в предании, но несостоятельна. Человек не способен больше верить, что узнанное некогда людьми о мире путем научного исследования даст ныне ответ на терзающий его вопрос, вытекающий из описанных двух фактов подсознательной жизни человека. И тогда еще одно заявляет о себе человеку: искусство.

В свою очередь нечто проявляется и в искусстве. На примере искусства видно, как из седой древности выступает художественный подход к действительности — одухотворение физической материи. В силу традиции человек может еще воспринять многое из того, что уцелело из этого древнего художественного одухотворения. Но если в подсознании присутствует нечто от истинной природы художника, то именно тогда современный человек чувствует себя неудовлетворенным, потому что он больше не располагает теми чарами, которые еще Рафаэль вносил в земной человеческий облик как отсвет иного мира, коему человек принадлежит своим подлинным бытием. Где же ныне художник, который умел бы работать в столь совершенном стиле, чтобы на физической, земной, субстанции лежал бы отсвет иного мира? Того мира, которому человек истинно принадлежит.

И третье, что в силу традиции сохранилось из древности, — это религия. Она указывает человеческому чувству, человеческому благочестию на тот самый иной мир. Религия возникла благодаря тому, что человек удостоился откровений природы, хотя сама природа, по сути, весьма далека от него. И когда мы духовным взором обратимся на тысячелетия вспять, мы найдем там людей, также ощущавших: существует природа, но человек только тогда может подступить к ней, если позволит ей уничтожить себя самого.

И тысячелетия назад люди также ощущали это в глубинах своей души;

египтяне смотрели на мертвое тело, уходящее во внешнюю природу, как в какого-то поглощающего прах мирового Молоха, когда труп подвергнулся уничтожению. Они видели это; но они видели также, что через те же врата, за которыми уничтожается труп, проходит и человеческая душа. Никогда эти древние египтяне не стали бы делать мумий, если бы человек древности, провожая взглядом душу, не видел: через те же врата, за которыми, проходя в них, уничтожается труп, проходит и душа. Только она идет дальше. Люди древности чувствовали, что душа все растет, растет и восходит в космос. И затем они видели: то, что исчезло в земле, исчезло в царстве стихий, как бы вновь возвращается из мировых далей, со звезд. Они видели сначала душу человека, проходившую через врата смерти, исчезающую в момент смерти, затем — за вратами смерти — они видели душу, находившуюся на пути к иному миру, и наконец — душу, возвращавшуюся со звезд. Вот чем была древняя религия — вселенским откровением. Откровением мира в смертный час, откровением мира в час рождения. Сохранились их слова. Сохранилась их вера. Но ее содержание, имеет ли оно ныне какое-либо отношение к миру?

В оторванной от жизни литературе, в религиозной, отстраненной от мира литературе и традиции это сохранилось. Все это далеко от действительности. И человек современной цивилизации не может больше усмотреть никакой связи между тем, что передано ему религиозной традицией, и мучающим его жутким вопросом. Ибо он, обращаясь к природе, при зрелище смерти видит только, как физическое тело, пройдя через врата смерти, становится добычей тления. Он видит также, как человеческий облик вступает в бытие посредством рождения. И человек спрашивает себя: откуда этот облик. Ведь куда бы я ни обратил свой взор, я не вижу ничего, откуда мог бы явиться человеческий облик. Потому что человек больше не видит, чтобы человеческий облик приходил со звезд, так же как не может увидеть, что происходит с этим обликом за вратами смерти. Религия стала набором ничего не значащих слов. В окружающей его цивилизации человека повсюду встречает то, что было в древние времена наукой, религией и искусством. Но наука древних оставлена. Древнее искусство во всей его сокровенной глубине не воспринимается современным человеком, а то, что его заменило, таково, что человек не может возвысить его из мира физической субстанции до востания духа в физической материи.

И еще от древних времен остался мир религии. Но религия ныне нигде не соприкасается с миром. Вопреки содержанию религии мир в отношении человека остается загадкой. И тогда человек обращается взором к своему внутреннему миру. Он слышит голос совести. В древности голос совести был голосом того самого Бога, который выводил душу оттуда, где уничтожался труп, гласом Бога, ведшего душу и наделявшего ее обликом для земной жизни. Это и был тот Бог, который впоследствии говорил в душе как голос совести. Теперь же и голос совести стал чем-то внешним. Законы морали не восходят уже к божественным импульсам. Человек обращается прежде всего к истории. Он смотрит на то, что осталось ему от древних времен. И он лишь смутно предощущает: оба великих вопроса бытия древние переживали иначе, чем ты переживаешь их сегодня: вот почему они каким-то образом находили ответ. Ты же не в состоянии дать себе ответ. Загадки стоят перед тобой, губительные для тебя загадки, потому что после смерти тебя ждет лишь уничтожение и тлен, а во время жизни в душе присутствует сплошная видимость.

Так теперешний человек предстоит миру. И антропософия должна ответить на вопросы, возникающие именно из этих ощущений. Голос сердца исходит из обоих этих ощущений. И сердца зывают: где же миропонимание, отвечающее этим ощущениям?

Таким миропониманием хотела бы стать антропософия. И она хотела бы так говорить о человеке и мире, чтобы вновь смогло существовать нечто, доступное пониманию современного сознания, как древним сознанием

понимались древняя наука, древнее искусство, древняя религия. Самим голосом человеческого сердца антропософии поручена огромная задача. Антропософия ведь не что иное, как искание современного человека. Она должна жить, потому что она — искание людей современности. Вот чем, друзья мои, хочет стать антропософия. Она отвечает тому, чего человек так страстно ждет — как от внешней, так и от внутренней жизни. И возникает вопрос: может ли сегодня существовать подобное мировоззрение? Антропософское общество должно дать миру ответ. Антропософское общество призвано найти пути, которые позволили бы человеческому сердцу говорить из глубины его сокровенных томлений. Тогда человеческие сердца и почувствуют глубочайшее томление по ответам.

Вторая лекция

Дорнах, 20 января 1924 г.

МЕДИТАТИВНОЕ СОЗНАНИЕ

Во вчерашней лекции я указал на то, что человек может рассматривать себя в двух аспектах и как в тех же двух аспектах поступает к нему загадка мира и человека. Еще раз обратившись к тому, что выяснилось вчера, мы, с одной стороны, видим нечто, вначале воспринимаемое так же, как и внешний физический мир. Мы видим физическое тело человека. Физическим мы называем его потому, что для наших физических чувств оно дано так же, как и внешний физический мир. Но в то же самое время мы должны иметь в виду, что как раз между физическим телом человека и внешним физическим миром существует громадное различие. И это громадное различие вчера мы увидели в том, что в момент прохождения через врата смерти человек должен предать физическое тело стихиям внешнего физического мира, и тогда физическое тело немедленно уничтожается внешней природой. Таким образом, воздействуя на физическое тело человека, внешняя природа делает это с помощью не своих созидательных сил, но сил разрушительных. Следовательно, то, что в период между рождением — или зачатием — и смертью придает облик физическому телу, мы должны искать совершенно вне физического мира. Мы вынуждены предположить иной мир, создающий физическое тело человека, поскольку физическая природа может только разрушать, а отнюдь не создавать его.

Однако есть две вещи, благодаря которым физическое тело оказывается тесно связанным с природой. Так, с одной стороны, для своего восстановления физическое тело нуждается в природных веществах, играющих роль как бы «строительного материала», хотя и не в собственном смысле этого понятия; оно нуждается в веществах внешней природы, или — мы можем, по крайней мере, сказать так: оно нуждается в принятии в себя веществ внешней природы.

Если мы рассматриваем то, что физическое тело являет глазу — будь то выделения физического тела или само физическое тело целиком, выступающее как труп после смерти, — это опять будут вещества внешнего физического мира. Ибо все равно, как ни подходи к физическому телу — к отдельным ли его выделениям, либо же к выделению всего физического тела, наступающему со смертью, — всюду оно представляется являющим те же субстанции, которые мы обнаруживаем и во внешнем физическом мире. Так что мы вынуждены признать: что бы в этом существе человека ни происходило — начало и конец внутренних процессов, начало и конец происходящего внутри него сродни внешнему физическому миру.

Однако материалистическая наука из вышеприведенных фактов делает невозможный вывод. Так, видя, что человек с едой ли, с питьем или дыханием поглощает субстанции внешнего физического мира, что выдыхая, выделяя из себя или умирая, он вновь возвращает внешнему миру эти субстанции, которые совпадают с субстанциями внешнего физического мира, — наблюдая все это, мы вправе сказать только, что дело здесь идет лишь о начале или о

конце процесса. А то, что между этим началом и концом происходит в физическом теле, всем этим отнюдь еще не определяется.

Так, например, легкомысленно рассуждают о крови в человеке. Но исследовал ли кто-нибудь и когда-нибудь эту кровь в самом живом организме? Физическими средствами сделать это невозможно. Так что не следует просто так делать материалистический вывод: то, что входит в человеческое тело и что выходит из него, идентично тому, чем все это является внутри человеческого организма.

Но, как бы то ни было, мы видим, что с самого начала поглощения внешних физических субстанций, скажем, уже во рту, могут происходить превращения. Стоит нам положить крупинку соли на язык, как она тут же растворится. Преобразование начинается немедленно. Физическое тело в своем внутреннем естестве не тождественно внешней природе. Оно трансформирует все, что поглощает, а затем совершает обратное преобразование. Так что нам следует искать в физическом организме человека то, что при входе в него физических субстанций напоминает внешнюю природу и что напоминает внешнюю природу при выходе их наружу. В промежутке же между двумя этими состояниями лежит процесс, который в человеческом существе еще должен быть познан.

Представьте себе все только что сказанное мной в виде схемы (см. рис.). Мы имеем то, что физический организм человека поглощает, и то, что он отдает, включая и тот случай, когда он отдает все тело целиком. Между тем и другим в человеческом организме протекают процессы в промежутке от поглощения до выделения. Мы ничего не можем сказать о соотношении человека с внешним миром, исходя лишь из того, что человеческий организм поглощает. Ибо напрашивается следующее: раз внешняя физическая природа уничтожает, растворяет, распыляет труп человека, то и человек, на уровне собственного организма, платит природе той же монетой. Он так же растворяет все принимаемое им в себя из внешней природы. Итак, начав с рассмотрения тех органов, посредством которых человек принимает в себя физические вещества, мы не постигнем соотношения человека с внешней природой, ибо эти органы уничтожают ее. Это соотношение мы постигнем только тогда, когда примем во внимание то, что человек выделяет. Что касается облика, вносимого человеком в физический мир, то природа — его губительница. А в отношении выделяемого человеком она принимает поставляемое ей человеческим организмом. Так что физический организм в конце протекающего в нем процесса становится совершенно непохожим на себя, но весьма подобен внешней природе. Значит, физический организм только и делается похожим на внешнюю природу благодаря тому, что выделяет.

Поразмыслив над этим, вы скажете себе: снаружи, в природе, находятся субстанции разных царств природы. Ныне они таковы, какими и стали; но совершенно ясно, что они не всегда были такими. С этим согласно и физическое естествознание: если, обращаясь к прошлому, мы обнаруживаем древнейшие состояния Земли, то эти состояния совершенно иные, нежели нынешние. Итак, то что нас окружает вовне, в царствах природы, только стало таким, каково оно ныне. И когда мы рассматриваем физическое тело человека, мы должны сказать себе: физическое тело человека сначала уничтожает внутри себя все поглощенное, превращает это в себе, — мы еще увидим, что именно уничтожает, но пока как бы трансформирует. Во всяком случае, оно приводит поглощенное им в определенное состояние, исходя из которого может потом довести его до состояния нынешней физической природы. Это означает, что если мы, с одной стороны, представляем себе где-то в человеческом организме начало процесса трансформации субстанций, в результате которого они становятся выделениями, и затем нарисуем образ Земли (см. рис.), то нужно представлять себе Землю в том состоянии, в

котором она некогда была и в котором сейчас находятся недра физического организма человека. Конечно, для этого потребуется вернуться вспять через длительный промежуток времени. Приходится сказать себе: когда-то в прошлом вся Земля, по-видимому, была в том состоянии, в каком ныне находится что-то из внутреннего естества человека. И за тот короткий промежуток времени, когда в организме человека органически поглощенные им вещества превращаются в выделения, за этот короткий промежуток времени внутренние процессы человеческого организма повторяют то, что в течение огромных эпох произошло с Землей.

Поэтому, рассматривая внешнюю природу, мы говорим себе: то, что ныне является внешней природой, было когда-то совсем другим. Но если мы хотим увидеть состояние, в котором некогда пребывала эта внешняя природа, и найти нечто подобное, мы должны всмотреться в наш собственный организм. Там, внутри, все еще есть изначальное состояние Земли. Всякий раз, когда мы едим, вещества, составляющие нашу пищу путем претерпеваемых ими превращений, возвращаются внутри организма в состояние, в котором пребывала некогда вся Земля. В течение огромных промежутков времени Земля развивалась и стала такой, какой является ныне. То, что существует в человеке как состояние съеденной им пищи, проходит дальнейшую трансформацию вплоть до выделений. Такая трансформация, происходящая за краткий промежуток времени, повторяет вкратце весь процесс развития Земли.

Видите ли, можно следить за точкой весеннего равноденствия — за тем местом на эклиптике, где каждую весну восходит солнце. Эта точка сдвигается, смещаясь вперед. Тысячелетия назад, скажем, в древнеегипетскую эпоху, солнце всходило весной в созвездии Тельца. И точка весеннего равноденствия прошла созвездие Тельца, затем Овна и теперь находится в созвездии Рыб. Эта точка смещается дальше и дальше. Она обращается по кругу. И через какое-то время она вернется на прежнее место. Точка восхода проходит небесный круг за 25920 лет. Само же солнце проходит этот круг ежедневно. Оно восходит и заходит, проходя тот же путь, который проходит точка весеннего равноденствия. Возьмем огромный промежуток в 25920 лет — время, за которое точка весеннего равноденствия делает полный оборот. И возьмем короткий отрезок времени, за который солнце восходит, заходит и возвращается к точке своего восхода — двадцать четыре часа. В последнем случае солнце совершает тот же самый оборот за гораздо более короткое время*.

Так и с физическим организмом человека. В течение долгих веков Земля состояла из субстанций, тождественных тем, которые содержатся в нас, когда переваривание достигает определенной стадии, именно в переходном пункте между поглощением и выделением, где принятое переходит в выделение. Здесь мы заключаем в себе изначальное состояние Земли. За короткий промежуток мы добираемся до процесса выделения. И тут становимся подобны нынешнему состоянию Земли. А вещества в той форме, в какой они существуют теперь, передаются Земле. Своим процессом питания мы совершаем нечто подобное тому, что совершает солнце, обращаясь по пути, проходимоу точкой весеннего равноденствия. Поэтому ничто не мешает нам, глядя на физический мир Земли, сказать: ныне земной шар развился до законов, которые разлагают форму нашего физического организма. Но эта Земля некогда была в таком состоянии, что подчинялась тем же законам, что приводят сегодня наш физический организм в известную стадию, которую проходит пища в середине указанной трансформации, между процессами поглощения и выделения. Это значит, что в нас заключены законы изначального земного бытия. Мы повторяем то, что когда-то было на Земле.

Таким образом, можно сказать: коль скоро мы рассматриваем наш физический организм как нечто, поглощающее внешние вещества и снова выделяющее их в виде внешних же веществ, то в определенном смысле он и

устроен для поглощения и выделения нынешних субстанций. Между тем в нем имеется нечто, существовавшее в начальном состоянии Земли, то, чем она теперь не обладает, что исчезло с Земли, поскольку на ней есть конечные, а не начальные продукты процесса. Итак, в нас имеется что-то, что в существе Земной планеты приходится искать в древнейшие эпохи ее развития. И то, чем мы, таким образом, обладаем, отсутствует теперь у Земли как целого, и есть то, что ставит людей выше земного бытия. Это и позволяет человеку сказать себе: я сохранил в себе изначальное состояние Земли. Вступая посредством рождения в физический мир, я обязательно заключаю в себе то, чем Земля не обладает, но что было у нее миллионы лет назад.

Отсюда вы видите: называя человека малым миром, микрокосмом, следует иметь в виду не только, каков мир, окружающий нас сегодня, но мы должны перенестись через его нынешнее состояние и вернуться в указанные эпохи развития. Чтобы понять человека, нужно учитывать древнейшие состояния Земли.

То, что указанным образом еще существует в человеке и уже не присуще Земле, все же поддается человеческому наблюдению. И это происходит благодаря тому, что человек предается так называемой медитации. Мы привыкли к тому, что представления, посредством которых мы воспринимаем внешний мир, образуются совсем стихийно; что эти представления нам отображают внешний мир. И за последние столетия люди настолько привыкли отображать только внешний мир, что они абсолютно далеки от внутреннего осознания, что и сами способны свободно образовывать представления изнутри. А это значит медитировать: то есть проникаться в сознании представлениями, идущими не от внешнего мира, но полученными изнутри, принимая во внимание преимущественно ту силу, которая производит эти представления. Тогда мы начинаем чувствовать, что действительно в нас есть «второй» человек, что в человеке нечто может стать внутренне ощутимым, подобно, скажем, мускульной силе при движении руки — мы знаем эту мускульную силу в себе. Обычно, когда люди размышляют, они в этом смысле ничего не испытывают. Однако медитирование делает возможным настолько «укрепить» мыслительную силу, с помощью которой мы строим мысли, что мы внутренне переживаем ее, подобно силе мышц, приводящей руку в движение. Медитирование успешно, если мы в конце концов можем сказать себе: в моем обычном мышлении я, собственно говоря, остаюсь совершенно пассивным. Я позволяю, чтобы со мной что-то происходило. Я позволяю природе «набивать» меня мыслями. Но впредь я не хочу позволять наполнять меня мыслями, но сам буду помещать мысли в сознание такими, какими хочу; я буду переходить от мысли к мысли только с помощью силы самого внутреннего мышления... И тогда мышление становится все более и более сильным, как возрастает мускульная сила при упражнении руки. И в конце концов мы замечаем, что подобное мышление настолько же является напряжением, осязанием, внутренним переживанием, как и ощущение силы мышц. И если человек настолько внутренне ощутил собственное существо, что ощущает свое мышление, как в других случаях ощущают внутреннюю силу, — перед его сознанием тотчас выступает то, что он хранит в своем существе как повторение древнего состояния Земли. Он учится постигать силу, совершающую в физическом теле превращение поглощенной пищи, и последующее обратное превращение. Если ему удастся ощутить в себе этого высшего человека, столь же реального, сколь реален человек физический, он одновременно обретает способность созерцать внешние объекты с помощью того же «укрепленного» мышления.

Теперь, дорогие друзья, представьте себе: этим «укрепленным» мышлением я созерцаю камень, допустим — кубик каменной соли или кристалл кварца. С такой внутренне «укрепленной» способностью смотрю я на камень. И тогда бывает, как при встрече с человеком, когда чувствуешь: где-то я его уже видел. И оттого, что видишь его снова, вспоминаешь

испытанное при встрече с ним — десять ли, двадцать ли лет тому назад. Эти годы он жил, допустим, в Австралии или где-то еще. Появление этого человека волшебным образом вызывает испытанное мной десять или двадцать лет назад и связанное с ним переживание. И если я созерцаю каменную соль или кристалл кварца «укрепленным» мышлением, то передо мной тотчас вырисовывается, каким был некогда этот кубик соли или кристалл, точно всплывает воспоминание об изначальном состоянии Земли. Но тогда кубик соли не имел еще формы гексаэдра, не был шестигранным — он, как и все, пребывал в волнах вздымающегося минерального мирового моря. Первобытное состояние Земли встает перед нами подобно воспоминанию о существующих сегодня вещах.

Тогда я вновь обращаюсь к человеку, и точно такое же впечатление, какое у меня было от первозданного состояния Земли, производит на меня «второй» человек, заключенный в «первом». И точно такое же впечатление возникает, когда я созерцаю, но не камень, а растение. И я прихожу к тому, что с известным правом можно говорить не только о физическом, но и об эфирном теле. Земля была некогда эфиром. Будучи сначала эфиром, она стала такой, какой ныне предстает в своих неорганических, безжизненных объектах. Растение еще содержит в себе то, что было неким древнейшим состоянием Земли. И я сам храню это в себе в качестве «второго» человека — как эфирное тело.

Все описанное мною может стать объектом наблюдения для «укрепленного» мышления. Поэтому можно сказать: если человек потрудится приобрести «укрепленное» мышление, тогда в себе самом, в растении (а когда он смотрит на минералы, то в вызываемых ими воспоминаниях о первозданных эпохах) — во всем этом, кроме физической реальности, человек увидит и эфирную.

А что мы узнаем на этой более высокой ступени созерцания? Мы узнаем, что Земля некогда пребывала в эфирном состоянии, что эфир сохранился, что еще и ныне им проникнуты растения, животные — ведь он воспринимается и в них, — что им проникнут и человек.

Далее выясняется следующее. У минералов мы эфира не видим. Растения мы видим наделенными эфиром. Но в то же время мы учимся видеть эфир повсюду. Он и теперь существует. Он заполняет собой мировое пространство. Он не причастен только бытию внешней минеральной природы. Но он — повсюду. Стоит мне лишь поднять рукой кусочек мела, как я замечаю, что в эфире разыгрываются всевозможные процессы. О, это весьма сложный процесс — поднятие кусочка мела! Моя рука и кисть поднимают кусочек мела. То, что совершает моя рука, — это силовое проявление. Эта сила существует во мне в состоянии бодрствования — в состоянии сна ее нет. Если я прослежу за тем, что делает эфир, то есть описанное выше превращение питательных веществ, выяснится, что действие его имеет место в состоянии бодрствования, а также в состоянии сна. При поверхностном взгляде на вещи тут можно было бы усомниться, во всяком случае, в том, что касается человека, что же касается змей — нет, ибо они спят, чтобы переваривать пищу. Но то, что происходит, когда я поднимаю руку, может происходить только в состоянии бодрствования. Эфирное тело помогает мне поднять руку. И тем не менее, всего лишь поднимая мел, я уже преодолеваю эфирные силы, я уже воздействую на эфирную среду. Но мое собственное эфирное тело этого не может. Стало быть, я заключаю в себе «третьего» человека, способного на это.

Этого «третьего» человека я не нахожу так просто в чем либо, ему подобном во внешней природе. Этого «третьего» человека, способного двигаться, поднимать вещи, двигать руками и ногами, я во внешней природе не нахожу. Но внешняя природа, в которой повсюду разлит эфир, все же взаимодействует с этим, скажем так, силовым существом человека, с тем существом, в которое сам человек вливает силу своей воли.

Сначала это внутреннее проявление силы можно воспринимать лишь в себе самом, во внутреннем переживании. Но если мы развиваем медитацию дальше, если внутренне мы не только сами создаем представления и переходим от одного представления к другому, «укрепляя» таким образом мышление, но если, добившись такого «укрепленного» мышления, мы сможем снова его внутренне устранить, сделать сознание совершенно пустым, — мы приходим к чему-то особенному. Освобождаясь от обычных мыслей, приобретаемых нами пассивно, мы засыпаем. В тот момент, когда человек перестает воспринимать, перестает думать, он засыпает, так как обычное сознание получено нами пассивно. Когда обычное сознание отсутствует, человек засыпает. Если же мы развиваем силы, благодаря которым видим эфирное, в нас оживает внутренне «укрепленный» человек. Мы чувствуем силы мысли так, как чувствуем силу мышц. Но если мы вновь отринем этого «укрепленного» человека, то не погрузимся в сон, а откроем наше опустошенное сознание миру. И тогда в человека объективно вступает то, что он чувствует, когда двигает рукой, когда идет, когда проявляет волю. В мире пространства нигде не найти того, что действует тогда в виде сил в человеке. Но оно вступает в пространство, если вышеописанным образом мы порожаем пустотное сознание. И тогда уже соответственно объективным образом мы обнаруживаем в нас «третьего» человека. И если мы тогда вновь взираем на внешнюю природу, то замечаем: да, у человека есть эфирное тело, у животных есть эфирное тело, у растений есть эфирное тело. У минералов же — нет. Они лишь вызывают воспоминание об изначальном эфире Земли. Но эфир — повсюду. Куда ни помотришь, куда ни отправишься — везде эфир. Но он как бы аннигилирует, отрицает сам себя. Почему? Потому, что не проявлен в виде эфира.

Видите ли, если медитативным сознанием, каким я его описал сначала, вы обращаетесь к растениям, то воспринимаете эфирную форму. Смотрите на человека — находите эфирную форму. Но если вы обращаетесь ко всеобщему эфиру, разлитому в мире, это похоже на то, будто вы плывете в море: всюду — один эфир. Он не являет форм; но он являет форму в тот момент, когда я поднимаю мел: тогда в эфире возникает образ, в котором проявляет свои силы мой «третий» человек.

Представьте себе такую картину: лежит кусочек мела, моя рука берет мел и поднимает. Все это при желании можно изобразить в виде серии моментальных снимков. И все, что при этом происходит, имеет свой противоположный образ. Но этот противоположный образ в эфире виден только тогда, когда я способен воспринимать посредством пустотного сознания, воспринимать «третьего» человека, а не «второго», эфирного человека, когда я могу воспринимать именно «третьего» человека. Это означает, что всеобщий мировой эфир воздействует не как эфир, но действует как «третий» человек.

И я могу сказать: вот перед нами физическое тело (овал), затем — эфирное тело, воспринимаемое мною посредством медитативного сознания (желтый), затем — «третий» человек, которого я назову астральным человеком (красный). А всюду кругом я имею то, что здесь, в мире, было вторым: мировой эфир (желтый цвет). Сам по себе этот мировой эфир выглядит недифференцированным эфирным морем.

И вот, как только на этот эфир я воздействую чем-нибудь, исходящим от моего «третьего» человека, этот эфир отвечает мне, как будто он ровня моему «третьему» человеку. Не «эфирно» отвечает он мне в этом случае, но «астрально». Так что своей деятельностью в бескрайнем эфирном море я повсюду порожаю нечто такое, что подобно моему «третьему» человеку.

И если теперь я спрашиваю себя: что же это такое, порождаемое мной? Что же это такое, что в эфирной сфере стало бы противоположным? Я поднимаю мел, моя рука движется снизу вверх. Эфирный же образ движется сверху вниз. Это — настоящий противоположный образ. Сам образ вообще-то астральный, но в

сущности он — только образ. То же, что вызывает его, есть нынешний реальный человек. И если я так, как говорил раньше, научусь обращать взор на прошлое развитие Земли, если я научусь указанным образом краткий повторный процесс применять для постижения мировой эволюции, то окажется следующее:

Вот нынешнее состояние Земли (см. рис.). Я перехожу в прошлое, к эфирной Земле, в которой еще не нахожу того, что порождается мной в окружающем эфире. Я должен продвинуться дальше, чтобы прийти к более раннему состоянию Земли, в котором Земля была тождественна моему собственному астральному телу, где Земля была астральной, где она была сущностью, подобной моему «третьему» человеку. И эту сущность я должен искать в давно прошедших эпохах, более отдаленных, чем те, когда Земля была эфирной. Но возвращение в отдаленные эпохи эволюции на самом деле не отличается от случая, когда я вижу в пространстве отдаленный предмет, положим, достигающий досюда свет. Он — находится там и светит досюда, развивает образы, доходит до настоящего. В этой точке я его первоначально оставил; только вместо пространства мы здесь имеем дело со временем. То самое, что является подобным моему астральному телу, существовало в древнейшие эпохи эволюции, — и оно все еще находится там. Прошлое не исчезло, оно еще существует. И как в пространстве свет светит досюда, так действует и то, что покоится в давно прошедших эпохах, достигая сего дня, современности. Итак, по сути дела, все развитие во времени все еще существует. То, что было когда-то, не исчезло, хотя и представляет собой нечто подобное тому, чем во внешнем эфире является мое астральное тело.

Таким образом, здесь я подхожу к тому, что существует в духе и что превращает время в пространство. Дело обстоит примерно так, как, положим, при передаче по телеграфу сообщения на далекое расстояние: поднимая мел и создавая в эфире образ, я сообщаюсь с тем, что для внешнего созерцания представляется давно прошедшим.

Мы видим, что человек включен в мир совершенно не так, как ему поначалу кажется. Но в то же время мы понимаем, почему перед человеком возникают мировые загадки. Человек чувствует, что в нем (хотя сам он этого и не осознает, ведь сегодня наука не имеет об этом понятия) есть эфирное начало, превращающее субстанции съеденного им в другую форму и затем вновь делающее субстанции природными. В камне он этого не находит, камни в первобытные эпохи существовали еще в виде всеобщего эфира. И в этом повсюду разлитом эфире действует и то, что лежит еще дальше в прошлом. Таким образом, человек хранит в себе древнейшее прошлое, и, как видим, двояким образом: сравнительно позднее прошлое — в своем эфирном теле, а гораздо более раннее прошлое — в своем астральном теле.

Когда сегодня человек обращается к природе, то по сути дела он, как правило, осмысливает только безжизненные явления. А живое начало растений он осмысливает лишь посредством того, что исследованные им в лаборатории вещества и законы веществ он относит к растениям. Процесс роста он упускает из виду, сама жизнь в растении его не интересует. Ведь современная наука смотрит на растения, подобно человеку, который взял книгу, но не читает ее, а просто разглядывает буквы. Так рассматривает нынешняя наука все на свете.

Собственно, тому, кто не умеет читать, формы букв должны казаться чрезвычайно загадочными. И ведь действительно, никак нельзя взять в толк, почему тут стоит закорючка, которая выглядит именно как «с», затем «к», потом какое-то странное «о», затем «р» и опять — этот кружочек «о»! Что свело их вместе? И тогда говорят: это таинственно. Здесь скрывается загадка мироздания... То, что я изложил вам как способ рассмотрения — не что иное, как урок чтения: «чтения» мира и «чтения» человека. Учась читать, мы постепенно приближаемся к разрешению загадок.

Видите ли, дорогие друзья, я хотел сегодня дать представление об общем направлении размышлений человека, которое может вывести нас из описанного вчера отчаянного положения, в котором чувствует себя каждый. Поднимаясь со ступени на ступень, мы увидим, как, «читая» явления вовне, в мире, и «читая» явления в самом человеке, можно проникать все дальше и дальше.

Но тем самым мы, в конце концов, идем путями, совершенно непривычными современному человеку. А что ему привычно? Привычно, что люди в подобных случаях говорят: «Это странно, этого я не понимаю...» Но ведь эта фраза означает, что это не совпадает с тем, что мне втолковывали в школе, ведь я же приучен думать так, как меня научили. Вся школа строится на основе «точной» науки! Ох уж эта «точная наука»! Кто, как и я, уже состарился, достаточно встречался с этим. Так, например, мы слышали, что для процесса, о котором шла речь и сегодня, — усвоения пищевых продуктов, превращения их в человеческом организме, — необходимо многое. Перечисляют: белок, сахар и крахмал, жиры, вода и соль, — все это необходимо человеку. И вот проводятся эксперименты.

Если вернуться лет на двадцать назад, тогда эксперименты показали, что человек должен потреблять в день не менее 120 граммов белка, без этого его существование невозможно. Двадцать лет назад это было «научно». Что же говорит наука теперь? Теперь она говорит, что от 20 до 50 граммов белка совершенно достаточно. Сегодня научно это. Тогда она утверждала, что если человек потребляет менее 120 граммов белка в день, он заболевает из-за недоедания. Сегодня наука вынесла вердикт: для человека вредно потреблять более 50 граммов белка в день, а 20 граммов вполне достаточно*. И если он съедает больше, то в кишечнике образуются гниющие вещества, обуславливающие своего рода самоотравление организма. Следовательно, потреблять больше 50 граммов белка — вредно! Вот что на сегодняшний день признано «научным»!

Но если бы это была только научная теория, а это ведь еще и практическая жизнь. Подумайте только — двадцать лет назад, когда научным знанием была установлена необходимость минимального потребления 120 граммов белка в день, человеку вдалбливали: ты должен съесть продукты, которые могут дать тебе 120 граммов белка... При этом считалось, что люди способны это оплатить. А это уже затрагивает политэкономия. Тогда было подробно описано, что, например, из растительной пищи нельзя извлечь эти самые 120 граммов. Сегодня все знают, что необходимое количество белка доставляет человеку любая пища: даже если он питается одним картофелем, то и тогда ему не надо есть слишком много, — добавьте немного масла, и вы получите нужное количество белка. Считается, что это точно установленный научный факт. К тому же дело обстоит так: если человек набивает себя 120 граммами белка, его аппетит больше не показатель. А вот если он будет питаться так, чтобы получать 20 граммов белка, и съест пищу, в которой белка меньше 20 граммов, что могло бы грозить ему недоеданием, такая пища вряд ли не покажется ему особенно вкусной. Его инстинкт будет действовать безошибочно! Разумеется, существуют люди, которые недоедают. Верно. Но совсем по другим причинам, недостаток белков здесь ни при чем. Однако, несомненно, существует бесчисленное множество людей, перекармливающих себя белками и потому отравляющих себя и наносящих вред своему здоровью.

Я не хочу здесь касаться природы инфекционных заболеваний, но человеку легче всего стать жертвой так называемой инфекции, если он съедает 120 граммов белка в день. Тут уж проще простого подхватить дифтерию или даже оспу. Потребляя же 20 граммов белка в день, заразиться гораздо труднее.

Итак, еще недавно считалось научно установленным: нужно съесть столько белка, чтобы началось самоотравление организма и чтобы легче всего было подцепить какую-нибудь заразу! Вот что считалось двадцать лет назад

наукой. Да, дорогие друзья, думать так — значит разделять точку зрения науки. Но стоит сравнить то, что наука совсем недавно утверждала о весьма существенных вещах с тем, что она утверждает сегодня, то понимаешь, насколько ощутимо сотрясаются научные основы!

Вот с каким чувством надо приступать к антропософии, которая как раз и дает новое направление мышлению, всем помыслам человека, всему душевному настрою его, — направление, отличное от расхожего ныне. Итак, я хотел, что называется, указать на нечто такое, что сначала могло бы послужить руководством для вступления в сферу иных помышлений и иных идей.

Третья лекция

Дорнах, 27 января 1924 г.

ПЕРЕХОД ОТ ОБЫЧНОГО ЗНАНИЯ К ПОСВЯТИТЕЛЬНОМУ ПОЗНАНИЮ

Сегодня я прочту еще одну из ряда лекций, где мне хотелось бы, с определенной точки зрения, указать на отношение экзотерической жизни к эзотерической, или, скажем иначе, на переход от обычного знания к науке инициации, причем тут вполне имеет силу все изложенное мной в «Листке известий» для членов Антропософского общества при сообщении о Свободной высшей школе духовной науки, а именно: всякий непредвзято мыслящий человек может понять науку инициации, если она выражена в виде соответствующих идей. Так что не следует говорить, что нужно сначала приобщиться к инициации, чтобы уразуметь то, что может поведать наука посвящения. Но сегодня мне хотелось бы обсудить соотношение того, что выступает как антропософия, с ее источником — собственно наукой посвящения — источником антропософии, и тогда три прочтенные мною лекции, включая сегодняшнюю, составят известное введение к последующим чтениям во Всеобщем антропософском обществе, касающимся подразделению человека на физическое тело, на эфирное тело и так далее.

Рассматривая нынешнее сознание человека, мы должны сказать: он стоит здесь, на Земле, взирая в дали Космоса, не чувствуя связи своего земного окружения и собственной связи с этими далями Вселенной. Ведь только посмотрите, как абстрактно описывается, что представляет собой Солнце, всеми теми, кто претендует говорить от имени действительного познания. Посмотрите, как описывается этими людьми все, что представляет собой Луна, как мало собственно думают, — если не считать того, что Солнце летом греет, а зимой оставляет нас без тепла, и что Луна в известных случаях бывает излюбленным спутником влюбленных, — не считая этого, как мало думают о связи странствующего здесь, на Земле, человека с небесными телами.

Но, чтобы узнать об этих связях, нужно хоть немного выработать в себе духовное зрение, о котором я уже вам рассказывал в предпоследней лекции, — способность воспринимать то, о чем люди некогда знали, ибо были ближе нынешних к великому миру, Макрокосмосу. То были люди, обладавшие наивным сознанием, обладавшие скорее познавательным инстинктом, нежели разумным познанием, но тем не менее по-своему умевшие осмыслить отношения тех или иных светил с существом и жизнью человека.

И вот эта связь человека со звездами, и тем самым со всей Вселенной, должна вновь проникнуть в сознание человека. И она проникнет в него, если мы будем правильным образом заботиться о развитии антропософии.

Человек сегодня ошибочно считает, что его судьба, его карма, ограничена земными пределами. Он не поднимает взора к звездам, не ищет в них указаний на то, что представляет собой человеческая судьба. Антропософия должна принимать во внимание как раз причастность человека к сверхчувственному миру. Однако же все, что, на первый взгляд, окружает человека, имеет отношение лишь к его физическому телу, или, самое большее, к телу эфирному. И сколь бы далеко ни проникал наш взор в звездные миры,

мы видим звезды благодаря их свету. Все, что мы в мире воспринимаем благодаря свету, представляет собой явление в области эфирного. Свет — явление эфирное. Так что, насколько проникает во Вселенную наш взгляд, мы не можем выйти за границы эфирного, просто созерцая ее.

Человеческое же существо укоренено в сверхчувственном. Человек «приносит» свое сверхчувственное существо из предземного бытия — в земное, а после смерти опять «уносит» его как из физической, так и из эфирной оболочек.

В том, что обступает нас в просторах земного окружения или в Космосе, по сути дела, не содержится ничего из тех миров, где пребывал человек прежде, чем сойти на Землю, и куда он снова вступает, пройдя сквозь врата смерти.

Но существует двое врат, выводящих из мира физического и мира эфирного в область сверхчувственного. Первые врата — Луна, вторые врата — Солнце. И мы лишь в том случае правильно постигнем Луну и Солнце, если осознаем, что они — суть врата в сверхчувственный мир, в тот сверхчувственный мир, который весьма тесно связан с тем, что человек здесь, на Земле, переживает как свою судьбу.

Рассмотрим с этой точки зрения сначала бытие Луны. Кроме того, что благодаря Луне является отраженный солнечный свет, физик нам ничего больше о мире Луны не скажет. Физик знает: лунный свет — это отраженный свет Солнца. На этом все его знания заканчиваются. Он не учитывает, что то небесное тело, которое предстает нашему физическому взору как Луна, было когда-то связано с нашим земным бытием.

Луна входила некогда в земное бытие, была частью Земли. В прадревные эпохи Луна отделилась от Земли и стала самостоятельным небесным телом вовне, в мировом пространстве. Но дело не в том, что она стала самостоятельным небесным телом в мировом пространстве, — это, в конце концов, можно истолковать как факт сугубо физического порядка, — а в том, что за этим стоит нечто более существенное.

Кто серьезно и основательно проследит историю человеческой цивилизации и культуры, обнаружит, что в древности на Земле была распространена прамудрость, от которой, собственно, происходит многое, что встречается еще и сегодня и что, в сущности, гораздо более толково, чем возвещаемое современной наукой. И кто с этой точки зрения рассматривает, допустим, индийские Веды или философию йогов, испытает трепет и благоговение перед тем, что в них представлено, хотя и в поэтической форме, не больно-то привычной нашему времени, но что само по себе по мере углубления в их суть внушает тем большее благоговение перед ними. И если мы подходим к этим вещам не на нынешний сухой и трезвый лад, но испытывая внутреннее потрясение от их глубины, то приходим к тому, что и на основании внешних письменных свидетельств становится понятным, когда духовная наука, антропософия, утверждает в результате своих собственных исследований: когда-то, пусть и не в рассудочной форме, но более в поэтической, существовала распространенная по Земле прамудрость.

Однако современного человека его физическое тело принуждает понимать встречаемую им мудрость в меру того, насколько орудием этого понимания является мозг. Мозг как орудие понимания развился лишь с течением длительного времени. В ту эпоху, когда на Земле существовала прамудрость, сегодняшнего мозга не было. Мудрость в то время была свойственна существам, жившим не в физическом теле.

На Земле у человека были современники, жившие не в физическом теле. Это были великие Первоучителя человечества, позже исчезнувшие с лица Земли. Не только физическая Луна удалась в мировое пространство, с ней ушли во Вселенную и эти существа. И тот, кто с действительным пониманием смотрит на Луну, говорит себе: там, наверху, есть мир, где живут существа, когда-то жившие среди нас, на Земле, когда-то учившие нас в наших прежних земных жизнях, а ныне удалившиеся в свою колонию на Луне. Только если

рассматривать вещи таким образом, нам откроется истина.

Ныне, находясь в физическом теле, человек способен вместить, если можно так выразиться, в сущности, лишь жалкое подобие, бледную тень что человек здесь, на Земле, переживает как свою судьбу.

Рассмотрим с этой точки зрения сначала бытие Луны. Кроме того, что благодаря Луне является отраженный солнечный свет, физик нам ничего больше о мире Луны не скажет. Физик знает: лунный свет — это отраженный свет Солнца. На этом все его знания заканчиваются. Он не учитывает, что то небесное тело, которое предстает нашему физическому взору как Луна, было когда-то связано с нашим земным бытием.

Луна входила некогда в земное бытие, была частью Земли. В прадревние эпохи Луна отделилась от Земли и стала самостоятельным небесным телом вовне, в мировом пространстве. Но дело не в том, что она стала самостоятельным небесным телом в мировом пространстве, — это, в конце концов, можно истолковать как факт сугубо физического порядка, — а в том, что за этим стоит нечто более существенное.

Кто серьезно и основательно проследит историю человеческой цивилизации и культуры, обнаружит, что в древности на Земле была распространена прамудрость, от которой, собственно, происходит многое, что встречается еще и сегодня и что, в сущности, гораздо более толково, чем возвещаемое современной наукой. И кто с этой точки зрения рассматривает, допустим, индийские Веды или философию йогов, испытает трепет и благоговение перед тем, что в них представлено, хотя и в поэтической форме, не больно-то привычной нашему времени, но что само по себе по мере углубления в их суть внушает тем большее благоговение перед ними. И если мы подходим к этим вещам не на нынешний сухой и трезвый лад, но испытывая внутреннее потрясение от их глубины, то приходим к тому, что и на основании внешних письменных свидетельств становится понятным, когда духовная наука, антропософия, утверждает в результате своих собственных исследований: когда-то, пусть и не в рассудочной форме, но более в поэтической, существовала распространенная по Земле прамудрость.

Однако современного человека его физическое тело принуждает понимать встречаемую им мудрость в меру того, насколько орудием этого понимания является мозг. Мозг как орудие понимания развился лишь с течением длительного времени. В ту эпоху, когда на Земле существовала прамудрость, сегодняшнего мозга не было. Мудрость в то время была свойственна существам, жившим не в физическом теле.

На Земле у человека были современники, жившие не в физическом теле. Это были великие Первоучителя человечества, позже исчезнувшие с лица Земли. Не только физическая Луна удалась в мировое пространство, с ней ушли во Вселенную и эти существа. И тот, кто с действительным пониманием смотрит на Луну, говорит себе: там, наверху, есть мир, где живут существа, когда-то жившие среди нас, на Земле, когда-то учившие нас в наших прежних земных жизнях, а ныне удалившиеся в свою колонию на Луне. Только если рассматривать вещи таким образом, нам откроется истина.

Ныне, находясь в физическом теле, человек способен вместить, если можно так выразиться, в сущности, лишь жалкое подобие, бледную тень того, что было некогда прамудростью. Некоторой частью ее человек обладал в те древнейшие времена, когда учителями людей были именно эти учителя прамудрости. Человек инстинктивно, не пуская в ход рассудок, обретал прамудрость теми способами, какими ему могли открываться высшие существа, существа, которые лишь казались живущими в физических телах.

Так все, что имеет отношение к Луне, указывает нам на прошлое человеческого развития. Это минувшее для нынешнего человека — пройденный этап. Он завершился. Но люди несут его внутри себя. И тогда как между рождением и смертью мы не встречаем тех существ, о которых я только что говорил, что некогда они были земными существами, но теперь стали

существами лунными, — тогда как в нынешнем состоянии между рождением и смертью мы с ними, собственно, не встречаемся, мы непременно встречаемся с ними в предземном бытии, в бытии между смертью и новым рождением. И то самое, что мы несем внутри себя, то, что нам неизменно указывает за пределы рождения на предшествующее бытие, что звучит из нашего подсознания (не доходя до полной рассудочной ясности и потому многообразно переплетаясь с душевной жизнью человека и жизнью его чувств), — это не только направляет инстинкт влюбленных на лунный свет, но и направляет внимание на лунный свет именно того, кто может оценить эти подсознательные импульсы человеческой природы.

То, что мы подсознательно несем в себе, направляет наше внимание на Луну. И одно это уже свидетельствует о том, что именно Луна была когда-то соединена с Землей, и существа, обитающие на ней, также были когда-то соединены с Землей. Вот в каком смысле Луна — врата к сверхчувственному. И при правильном исследовании Луны даже из ее внешних физических свойств можно найти основания для понимания того, что Луна — это врата к сверхчувственному.

Попробуйте представить себе Луну в том виде, как она описывается, — с ее «морями», кратерами и так далее. Все вам укажет на то, что эти горы, эти лунные формации не могут быть такими, как на Земле. Ведь все время подчеркивается, что на Луне нет, к примеру, воздуха, нет воды. Там все по-другому. Лунный ландшафт таков, каковым был и земной, прежде чем Земля полностью минерализировалась.

Сегодняшнее наше рассмотрение совершенно отрывочное. Если бы я должен был резюмировать результаты всех наших изысканий по излагаемому вопросу, мне нужно было бы зачитать перед вами целый ряд моих книг и многое из циклов лекций. Для начала же я хочу только охарактеризовать тактику антропософии. Тем способом, который я вам показал, она вводит из физического мира снова в духовный. И с помощью антропософии человек учится мыслить сообразно природе вещей, а ведь ныне он не способен мыслить сообразно их природе.

Видите ли, современный человек знает, что физические субстанции его тела в течение жизни неоднократно сменяются. Мы непрерывно обновляем кожу. Постригаем ногти. Но и все остальное находится в таком движении: изнутри — наружу, к поверхности, и в конце концов то, что было в недрах тела, оказывается на поверхности. Происходит шелушение. И никто из вас, дорогие друзья, не должен полагать, что плоть и кровь, из которых мы состоим, мы, сидящие на этих стульях, — вся эта совокупность физических веществ, будь она здесь десять лет тому назад, была бы той же самой плотью и кровью. Все те вещества заменены другими. Что же осталось? Ваше душевно-духовное существо. Даже если мы не всегда задумываемся над этим, то, по крайней мере, сегодня знаем, что все люди, которые сидят сейчас здесь на стульях, будь они здесь десять или двадцать лет назад, состояли бы не из тех же самых мускулов, не из тех же самых костей.

Когда люди созерцают Луну, в их сознании живет примерно следующее: внешняя, физическая субстанция Луны — та же самая уже миллионы лет. Но она как раз осталась неизменной в той же мере, в какой нынешнее физическое тело человека было таким же двадцать лет назад. Разумеется, физические субстанции звезд сменяются не так быстро. Но для этого им не нужно столь продолжительного времени, как физики ныне рассчитали для Солнца. Точность расчетов не вызывает сомнения, но они — ложны по существу. Прежде я уже нередко упоминал об этом. Видите ли, вы можете вычислить, как изменяется, например, внутренняя конфигурация вашего сердца, скажем, из месяца в месяц. Вычислите то же самое для трехлетнего промежутка. А теперь вычислите так же точно, какой была конфигурация сердца триста лет назад или какой она будет через триста лет. Вы получите прекрасный численный результат. Ваши вычисления будут абсолютно

правильными, да вот только вашего сердца триста лет назад еще не было и через триста лет его уже не будет.

Однако именно так производят геологи свои расчеты. Они исследуют слои Земли, высчитывают, как эти слои менялись в течение столетий, умножают и говорят: вот как все было двадцать миллионов лет назад! Это точно такой же подсчет в точно таком же смысле — только всех этих слоев Земли двадцать миллионов лет назад не было, как и через двадцать миллионов лет не будет.

Но кроме того важно следующее: как подлечит обмену веществ человек, так же подлечат обмену веществ все небесные тела. Поднимите взгляд на Луну: ряд тысячелетий назад субстанции, которые мы видим сегодня, в той же мере составляли Луну, в какой составляющие вас субстанции находились в вас десять лет назад. То, что сохраняет Луну, — это существа, это духовно-душевная реальность в ней, и то, что сохраняет вас, — это духовно-душевное начало в вас.

А если мы признаем, что однажды физическая Луна ушла в мировое пространство! Но то, что физически покинуло Землю, все время сменяет свою субстанцию; существа же, обитающие на Луне, остаются на ней, они — неизменно сущее, несмотря на то, что они трансформируются, проходя через последующие друг за другом лунные жизни, и так далее; но сегодня мы не будем в это вдаваться.

Исследуя Луну таким образом, мы получаем род науки о Луне, науки, запечатлевающейся не только в голове, но и в сердце человека. Мы отыскиваем связь с духовным Космосом, рассматриваем Луну как врата, одни из врат в духовный Космос. Все, что заключено в глубине нашего существа, — не только смутное любовное чувство, позволим себе напомнить о нем еще раз, — но все имеющееся в подсознательных глубинах души, все, что является следствием предыдущей земной жизни, — связано с бытием Луны. Тем, что представляет собой наше нынешнее бытие на земле, мы вырываем себя из лунного бытия. Мы непрерывно вырываемся из лунного бытия. Когда же мы видим или слышим с помощью внешних чувств, когда мы мыслим посредством рассудка, когда, следовательно, мы наблюдаем не нечто, встающее из глубин души и отчетливо узнаваемое нами как прошедшее, действовавшее в нас прошедшее, когда мы наблюдаем не это, но то, что снова и снова ввергает нас в современность, — это обращает нас к солнечному бытию, равно как посредством прошедшего мы обращены к бытию лунному. Только Солнце воздействует на нас кружным путем — через физическое тело человека. Если мы хотим искусственно, по собственному желанию обрести то, что дарует нам Солнце, нам надо сильно активизировать собственную волю, собственный рассудок. А посредством того, что мы, люди, постигаем сегодня нашим приткким рассудком, нашим разумом, мы долго не достигнем того, к чему способны прийти инстинктивно, просто благодаря тому, что во Вселенной есть Солнце.

Всякий знает, или, по крайней мере, может узнать, что Солнце не только будит нас каждое утро, чтобы вызвать нас из мрака к свету, но является в нас самих источником сил роста, равно как и источником сил роста душевной жизни.

То, что действует в наших душевных силах, коренясь в прошедшем, связано с Луной. То, что действует в настоящем, но до чего мы еще, в сущности, только разовьемся в будущем благодаря нашей воле, — определяется Солнцем.

Солнце указывает на будущее точно так же, как Луна — на прошлое. И мы взираем на эти два светила, дневное и ночное, взираем на их родство, потому что оба шлют нам один и тот же свет. И мы обращаем взор в себя самих, на все, что вплетено в нашу судьбу, в связи с совершенным нами в прошедшем, и в ткани вплетенного в нашу судьбу былого видим заключенное в нас лунное бытие. В том же, что в настоящем непрерывно подступает к нам определяющим образом в виде судьбы, мы видим силы, действующие не

только в современности, но и простирающие свое воздействие в будущее. И мы видим, как переплетаются прошедшее и грядущее в судьбе человека.

Рассмотрим подробнее, как в человеческой жизни связаны прошлое и будущее. Представим себе, что два человека встречаются в определенном возрасте, чтобы совершить что-либо вместе. Кто над этим не задумывается, не размышляет о таких вещах, скажет: имелся я, имелся другой человек, имелось место, допустим, Мюльгейм, в Мюльгейме, там мы и встретились... Дальше думать не о чем.

Но тот, кто осмысливает вещи глубже, проследит жизнь первого, которому, скажем, тридцать, и проследит жизнь второго, которому было, скажем, двадцать пять лет к тому моменту, когда они встретились. Он увидит, что жизнь обоих со дня их рождения на Земле развивалась поразительным и примечательным образом, шаг за шагом, так что, наконец, привела их именно к тому месту, где они встретились. Можно сказать: из отдаленнейших мест привела их жизнь где-то в середине своей туда, где им суждено было встретиться. И это выглядит так, будто люди эти пролагали свои пути с расчетом встретиться.

Но они ведь не делали этого каждый со своей стороны сознательно, так как не знали друг о друге, и уж, по крайней мере, не принимали решения встретиться таким образом. Все это происходило в подсознании. К важнейшим периодам, к важнейшим мгновениям своей жизни мы пролагаем дорогу в глубочайшем подсознании. Исходя из этих глубин подсознания, в первую очередь, ткется ткань судьбы.

Если послушать такого человека, как друг Гёте, Кнебель, который в глубокой старости сказал: «Когда я оглядываюсь на прожитую жизнь, мне представляется, будто бы каждый мой шаг был направлен таким образом, чтобы в конце концов я пришел к определенной точке», — то мы начинаем понимать умудренных жизненным опытом людей*.

Затем, однако, наступает момент встречи, когда то, что разыгрывается между двумя людьми, начинает происходить совершенно сознательно. Они знакомятся, узнают душевные особенности, темперамент, характер друг друга, чувствуют симпатию друг к другу или же антипатию, и так далее.

Если же теперь испытать, как все это связано со Вселенной, то обнаружится: силы Луны влияли на тех путях, которыми прошли эти люди, пока не встретились. Далее начинается действие Солнца. Тут они, так сказать, вступают в ясный свет солнечного воздействия. Тут они всегда присутствуют со своим собственным сознанием, и тут будущее начинает освещать прошлое, как вовне, во Вселенной, Солнце освещает Луну. И поскольку будущее бросает свой свет на прошедшее, прошедшее, в свою очередь, озаряет будущее человека — так Луна отраженным светом освещает Землю.

Но, спрашивается, можем ли мы в жизни отличать солнечное в человеке от лунного в нем? Даже чувство способно кое-что различать, если отнестись к нему глубоко, а не поверхностно. Уже в детстве, в юности человек встречает других людей, оказывавшихся с ним лишь во внешних отношениях, людей, мимо которых мы прошли, а они прошли мимо нас, и все же, возможно, нас действительно многое связывало и объединяло. Все вы были в школе, но лишь некоторые могут сказать, что у них был учитель, с которым они чувствовали глубокую связь. Но все же всегда найдется такой человек, который скажет: «О, да! Был учитель, который произвел на меня такое впечатление, что я хотел стать таким, как он». Или наоборот: «Он произвел такое впечатление, что лучше всего было бы, если бы он провалился сквозь землю». Тут возможны симпатии, возможны антипатии.

Так бывает и в более поздние периоды жизни. Мы встречаем других людей. Они занимают, можно сказать, только наш ум, в лучшем случае — задевают наше эстетическое чувство. Подумайте только, как часто случается, что кто-то знакомится с каким-то человеком. Если после этого он встречается людей, тоже знающих его нового знакомого, то может в разговоре с ними

согласиться: да, этот человек — славный малый, или, напротив, он — отвратительный тип. Это суждение эстетическое, или же рассудочное. Но бывает и другое. Существуют человеческие отношения, не исчерпываемые одним лишь рассудком или эстетическим суждением, но затрагивающие волю, и даже очень сильно затрагивающие ее, и мы уже не просто по-детски скажем, что хотели бы стать такими, как этот человек, или, наоборот, хотели бы, чтобы он исчез с лица Земли, — я нарочно привожу крайние примеры, — но, когда в глубинах подсознания затронута наша воля, мы говорим себе: об этом встретившемся нам человеке мы не можем сказать только, добрый он или злой, глупый или умный, или что-то подобное, напротив, охотно, по собственному побуждению, мы сделали бы то, к чему стремится его воля, нам совсем не хочется умствовать, чтобы вынести о нем суждение, — мы хотели бы все производимое им на нас впечатление вобрать в свою волю.

Существуют два этих отношения к людям. Одни люди воздействуют на наш рассудок или, самое большее, на эстетическое чувство; другие влияют на нашу волю, проникая в глубины нашего душевного существа. О чем это свидетельствует? Видите ли, если люди воздействуют на нашу волю и мы не останавливаемся на симпатии или антипатии, но хотим волевым образом изжить ощущаемую нами симпатию или антипатию, то эти люди были как-то связаны с нами в нашей прошлой земной жизни. Если же люди просто производят определенное впечатление на наш рассудок или эстетическое чувство, они вступают в нашу жизнь, не будучи связанными с нами в наших прошлых земных существованиях.

Уже из этого вы видите: в человеческой жизни, именно в судьбе человека, прошлое и настоящее взаимодействуют, уходя в будущее. Ибо то, что мы переживаем в жизни с людьми, даже в тех случаях, когда эти люди оставляют нашу волю безответной, проявится снова в нашей будущей жизни на Земле.

Как Солнце и Луна, вращаясь по той же самой траектории, находятся в определенном отношении друг к другу, так в человеческом существе прошедшее (человечески-лунное) и будущее (человечески-солнечное) взаимодействуют друг с другом. И мы можем прийти к тому, что, взирая на Солнце и на Луну, увидим в них не только внешние световые тела, но нечто, отражающее для нас в космических далях нашу собственную судьбу во взаимопроникновении обеих ее сторон: как к определенному времени лунный свет переходит в солнечный, а солнечный — в лунный, так в нашей судьбе переходят друг в друга, сплетаются друг с другом прошлое и будущее. Ибо они сплетаются в реальных случаях человеческих взаимоотношений.

Возьмем жизненные пути, пройденные указанными людьми: один путь в тридцать лет, другой — в двадцать пять. Они встретились. Все, что совершили каждый: в одном случае до двадцатипятилетнего возраста, в другом — тридцатилетнего, принадлежит лунному бытию в человеке. Однако теперь, когда они познакомились, когда они строят отношения друг к другу сознательно, они вступают в солнечную область судьбы и переплетают теперь прошлое с будущим, чтобы дальше ткать полотно судьбы для будущих земных жизней.

Так наблюдаем мы, каким образом силы судьбы подступают к человеку, как в одном случае человек затрагивает только ум другого человека или его эстетическое чувство, а в другом случае — влияет на человеческую волю и на связанные с нею ощущения.

Видите ли, в той мере, в какой до сих пор я все это излагал, — а я уже говорил, что хочу только бегло коснуться некоторых вещей для того, чтобы описать вам путь антропософии и ее первоисточника, посвятительной науки (в будущем же мы осветим все детали подробнее), — в такой мере это способен пережить каждый путем непосредственного опытного познания. И вы можете взглянуть на судьбу проникновенным взглядом. Само это своеобразное, внутренне-интимное «всплывание» в человеке другого человека указывает на прошлую карму. Если я ощущаю человека таким образом, что это захватывает

меня внутренне, не только в уме и чувствах, но настолько внутренне, что захватывает мою волю, — значит, он кармически связан со мной в прошедшем. Каким-то тончайшим, интимнейшим чувством человек, следовательно, может ощутить, как он связан с другим человеком кармически.

Если же наступает то, что является для человека определенной ступенью познания, когда он проделывает описанное мною в книге «Как достигнуть познания высших миров?» или во второй части «Очерка тайноведения», рассматриваемые вопросы он переживает существенно иначе. То есть человек, проходя путь посвящения, переживает другого человека, с которым он оказался кармически связан, не только тем, что говорит себе: «Он воздействует на мою волю, он действует в моей воле», — но фактически переживает другого человека в себе как личность. И если посвященный стоит перед другим человеком, с которым он кармически связан, то этот другой человек так присутствует в нем со своей самостоятельной речью, своими самостоятельными воззрениями и откровениями, что говорит из его души, изнутри, как обычно обращался бы к нам человек, стоящий рядом. Так что для посвященного кармическое пересечение путей означает: другой человек не только затрагивает его волю, но действует в нем так сильно, как в обычных случаях действует стоящий рядом человек.

Вы видите: то, что обычно дает о себе знать в рамках обыкновенного сознания каким-то неопределенным образом, просто через волевые и эмоциональные проявления, при сознании более высокого порядка возвышается до совершенной конкретности. Вы скажете: да, но тогда посвященный тащит в своем внутреннем мире целую связку людей, с которыми он соединен кармически... Но ведь так оно на самом деле и есть. Достижение познания не в том, чтоб научиться говорить больше других, а по сути говорить то же самое, что они: наоборот, это по-настоящему обретение новых горизонтов мира.

Следовательно, если кто-то хочет поведать о том, как карма действует в людях, выстраивая их обоюдную судьбу, то подтверждение своих слов он должен уметь почерпнуть из знания о том, как другие люди говорят в человеке, как они действительно становятся частью собственного существа человека.

Если мы все это излагаем, то нет необходимости, чтобы для непосвященного эти вещи казались какими-то вестями оттуда; тот может сказать себе (что и сделает по здравому размышлению): конечно, живой речи кармически связанного со мной человека я в себе не слышу; но я чувствую его. Я чувствую его в моей воле и в том способе, каким моя воля захвачена им... И мы учимся понимать эту встряску, этот захват воли. Учимся понимать то, что, хотя и переживают в обычном сознании, но чего нельзя понять никаким другим способом, как только изучая науку посвящения, где эти переживания описываются в их истинном конкретном значении.

Но мне сегодня особенно важно сказать следующее: проявляющееся обычно в сознании довольно смутно то самое чувство кармической связанности с другими для посвященного действительно становится конкретным переживанием. И как все это можно описать в случае кармы, судьбы человека, так же можно описать соотношение обычного сознания и конкретного переживания для всего круга тем науки посвящения.

Человеку можно сообщить и иные вещи о том, как он кармически связан с другими людьми. Некоторые из вас, понаблюдав жизнь, наверняка будут знать: нам встречаются люди, которых мы никогда не видим во сне, — мы можем долго жить с ними рядом, но никогда не видеть их во сне. Но встречаем мы и других людей, и они не покидают наших снов. Стоит увидеть их хоть мельком, как они снятся той же ночью, снова и снова приходят в наши сновидения.

Сновидения — это то, что особенно сильно работает в нашем подсознании.

Люди, о которых мы видим сны сразу после знакомства, это наверняка люди, связанные с нами кармически. Другие же, кого мы не можем увидеть во сне, производят лишь поверхностное впечатление на наши чувства. Мы встречаемся с ними в жизни, не будучи связанными с ними кармически.

То, что живет в глубинах нашей воли, есть как бы «сон наяву». И для посвященного этот сон наяву как раз и становится полностью сознательным. Поэтому он слышит, как тот, кто кармически связан с ним, говорит внутри него. При этом, конечно, посвященный не теряет головы; он не станет расхаживать вокруг и отвечать каждому, кто обратится к нему, изнутри, как это в принципе доступно посвященному. Но у него может входить в привычку совершенно реальным образом — даже когда он пространственно не находится рядом с людьми, связанными с ним кармически и говорящими из него, — действительно вести с ними как бы диалог, при этом вполне возможно, что возникают вещи, имеющие и вполне реальное значение. Эти вещи я еще опишу.

Так можно углубить сознание человека, взирая во вселенские дали, и так же можно его углубить, погружая духовный взор во внутренний мир человека. И чем больше погружается наш взор в самого человека, тем больше учимся мы понимать существующее в даях Космоса. Поэтому можно сказать так: я уже не смотрю в мир небесных светил просто таким образом, что вижу одни лишь сияющие диски или светящиеся шары, но все, что есть вовне, в Космосе, предстает предо мной как космически сотканная судьба... Таким образом, человеческие судьбы на Земле суть отражения сотканых космически судеб. И если мы твердо знаем, что в небесных телах субстанция сменяется так же, как сменяется субстанция в человеке, то мы в то же время понимаем, что просто говорить об абстрактных законах природы нет никакого смысла. Пусть эти законы хороши, но не для познания. Нельзя рассматривать законы природы как нечто такое, что сообщает нам познания. С этим дело обстоит так же, как со страховыми компаниями. Люди страхуют в них свою жизнь. Благодаря чему такие компании могут существовать? Благодаря тому, что вычисляют вероятную продолжительность жизни человека. Учитывая долю людей, которые из такого-то количества двадцатипятилетних достигают тридцатилетнего возраста и тому подобное, можно вычислить, сколько лет, по всей вероятности, проживет еще тридцатилетний человек, после чего его страхуют. И страхование дает доход. Закономерность страхования имеет силу. Но никому не приходит в голову отнести этот закон к своему внутреннему существу; в противном случае, человек должен сказать: меня застраховали на тридцать лет потому, что моя вероятная смерть наступит в пятьдесят пять. Ему приходится сказать себе: теперь, в пятьдесят пять лет, я что, должен умереть? Он никогда не сделает такого вывода, несмотря на то, что вычисления были совершенно правильными. Вывод же этот для реальной жизни значения не имеет.

Законы природы также только вычислены. Они пригодны для использования их в технической области. Они дают возможность делать машины, как законы страхования позволяют страховать людей; но они не вводят нас в суть вещей. В суть вещей ведет только действительное познание самих сущностей.

Законы небесных явлений, которые вычисляют астрономы, в человеческой жизни значат не больше, чем законы страхования. То, что исследует подлинная наука посвящения о сути того, что существует в виде Солнца и Луны, подобно тому, как если я встретил бы живым человека, который согласно страховому полису должен был десять лет назад умереть. Но в его существе была заложена дальнейшая жизнь.

Действительное свершение не имеет, собственно говоря, ничего общего с законами природы. Законы природы описывают процессы обмена энергией. Существа же нужно познавать посредством науки посвящения.

И, таким образом, я прочел вам три лекции, в которых я всего лишь хотел

наметить, каким должен быть подход в антропософии. Теперь мы начнем описывать состав человека несколько иначе, чем это сделано в моей книге «Теософия», где я выстраивал с самого фундамента, собственно, антропософскую науку, антропософское познание. Рассматривайте эти три прочитанные мной лекции как своего рода пробное изложение, показывающее, насколько по-иному, чем обычное сознание, говорит сознание, проникающее в действительную суть вещей.

Четвертая лекция

Дорнах, 1 февраля 1924 г.

УКРЕПЛЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ И «ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. ДИНАМИКА ДЫХАНИЯ И «ВОЗДУШНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Начатые мной недавно элементарные, имевшие еще вводный характер рассуждения я разовью сегодня в определенном направлении. В первой лекции нашего цикла я обратил ваше внимание на то, что поистине восстающая из сердца внутренняя потребность найти для души путь в духовный мир, или, по крайней мере, искать его, проистекает у человека с двух сторон. Одна подступает к нам из мира природы, другая — из области внутреннего опыта, внутренних переживаний.

Сегодня мы еще раз совершенно элементарным способом будем описывать два эти аспекта человеческой жизни, чтобы увидеть, что в подсознании на самом деле действуют импульсы, подвигающие человека проникать во все, к чему он по своим жизненным потребностям стремится в сфере познания, к чему стремится в сфере искусства, к чему стремится в сфере религии, и так далее. Я хочу сказать, что подразумеваемую здесь противоположность вы можете во всякое мгновение запросто наблюдать в самих себе.

Возьмите простейший пример: вы смотрите на себя — видите какую-либо часть вашего тела. Вы рассматриваете свою руку. Смотрите на нее (это касается момента наблюдения, составной части познания) точно так же, как смотрели бы на какой-нибудь кристалл, растение или другой природный объект.

Видя эту часть своего физического человека и пронося это наблюдение через всю жизнь, вы сталкиваетесь именно с тем обстоятельством, что трагически вмещивается во все человеческое мироощущение. Я уже говорил об этом. Вы знаете: то, что вы видите, станет когда-нибудь трупом, станет тем, о чем приходится сказать: приняв этот труп, внешняя природа не будет способна, не будет властна сделать с ним ничего иного, как только уничтожить его. В тот момент, когда человек станет в физическом мире трупом и когда этот труп тем или иным способом будет предан природным стихиям, не будет уже и речи о том, чтобы человеческая форма, запечатленная в том материальном, что вы видите в самих себе, могла быть удержана.

Возьмите все природные силы, которые могут стать предметом исследования той или иной внешней науки: все эти природные силы только и способны разрушать человека, созидать же его тело — никогда. Всякое свободное от предрассудков рассмотрение, полученное не из теории, а почерпнутое из жизненного опыта, принуждает нас сказать: мы взираем на окружающую нас природу, которую мы понимаем (не будем сейчас вспоминать о том, что не может быть поначалу понято посредством внешнего познания), — мы видим природу, поскольку она подлежит нашему пониманию. Конечно, мы, человечество нового времени, стали гордиться тем, что научные данные, получаемые благодаря нашему прозрению в природный мир, считаем суммой законов природы. Мы чувствуем себя необыкновенно развитыми из-за того, что узнали уже столько-то законов природы. Говорить о прогрессе даже вполне оправданно. И все же дело в том, что все эти законы природы по самому образу своего действия способны лишь на одно — уничтожить человека, и никогда — созидать его. Человеческое же понимание не

предоставляет сначала никакой возможности находить через наблюдение окружающего мира что-либо другое, кроме уничтожающих человека законов природы.

Теперь рассмотрим наш внутренний мир — то, что мы называем душевной жизнью: это — наше мышление, которое ведь может представать душе с относительной ясностью. Менее отчетливо явлено душе то, что мы знаем как наши чувства. Наличествует и воля, но воля наша для души — полные потемки. Ибо первоначально, обладая только обычным сознанием, никто не может утверждать, что ему ясно, как, например, намерение взять какой-нибудь предмет в руки воздействует на весь самый сложный организм, состоящий из мускулов и нервов, чтобы в конечном счете произвести движение руки или ноги. То, что при этом воздействует на наш организм, — начиная с мысли и кончая тем мгновением, когда мы видим предмет, уже поднятый нами, — покрыто полным мраком. В ответ на мысль в нас откликается некий неопределенный импульс, как бы говоря нам: я хочу сделать вот это... Поэтому мы и приписываем себе волю. И, заглядывая в самих себя, мы говорим о нашей душевной жизни: итак, в нас есть — мышление, чувство и воля.

Но здесь проявляется другой аспект, в известном отношении ставящий нас опять в трагическое положение. Мы видим, что с засыпанием вся эта жизнь души пропадает, вновь возникая, когда человек пробуждается. Так что, если мы хотим воспользоваться образом, эту душевную жизнь вполне можно сравнить с пламенем, которое я разжигаю, а затем тушу.

Но мы видим больше. Мы видим, что, если в нашем организме наступают известные нарушения, параллельно уничтожается и жизнь души. Кроме того, мы видим, что душевная жизнь зависит от телесного развития организма. В маленьком ребенке душевная жизнь протекает словно на уровне сновидений. Постепенно отчетливость сознания растет. Но ясность душевной жизни всецело связана с развитием телесного организма. Когда же мы стареем, она снова блекнет. Жизнь души связана с развитием и дряхлением организма. Таким образом мы видим, как она разгорается и угасает.

Можно с определенностью знать, что тому, чем мы обладаем здесь в виде душевной жизни, несомненно, присуща собственная жизнь, собственное бытие, хотя в своих проявлениях и зависимое от физического организма, — тем не менее это не все, что можно сказать о жизни души. Потому что в ней есть компонент, который для человека должен быть драгоценнее всего на свете, ибо он определяет всю его человеческую сущность, все его человеческое достоинство. Речь идет о компоненте моральном.

Мы можем обойти весь мир природы, но моральных законов мы из нее не почерпнем. Моральные законы должны переживаться целиком внутри мира души. Но также внутри душевного мира должны существовать условия для их осуществления. Значит, это должен быть процесс, который происходит только внутри души. И в той человеческой способности, которая позволяет нам следовать таким нравственным принципам, которые нам не навязаны, следует видеть своего рода идеал нравственности. Пока мы вынуждены говорить себе, что в нас есть нечто, навязанное нам нашими побуждениями, инстинктами, страстями, влечениями, — человек (куда ему деваться!) неминуемо совершает что-то под их влиянием, он ведь не может стать бесплотным духом, подчиняющимся одним нравственным законам. Но все же нравственность начинает жить в человеке лишь тогда, когда эти влечения, побуждения, инстинкты, страсти, всплески темперамента, и так далее подчиняются тому, что соответствует чисто душевному диалогу с постигнутыми чисто духовным путем моральными законами.

В тот миг, когда мы действительно осознаём наше человеческое достоинство и чувствуем, что не можем жить как существо, понуждаемое только необходимостью, мы фактически достигаем того возвышенного мира, что совершенно отличается от мира природного.

То же, что нас волнует и что всегда, с тех пор, как существует человеческое развитие, приводило к стремлению возвыситься над данностью видимой жизни, собственно говоря, ведет свое происхождение, — сколь бы значительную роль ни играли при этом подсознательные и бессознательные факторы, — от этих закономерностей, согласно которым мы, с одной стороны, рассматриваем себя как существо телесное (но это телесное существо принадлежит природе, способной только разрушить) и согласно которым мы, с другой стороны, внутренне осознаем себя как существо душевное (но это душевное существо то разгорается, то угасает, и тем не менее связано с самым ценным в нас — с моральным началом).

И если люди, плененные страшной иллюзией, попросту не считаются с тем, что содержится в указанной диаметральной противоположности созерцания внешнего и восприятия внутреннего мира, — то это можно приписать одной только глубочайшей неправдивости нашей цивилизации. Если мы увидим себя взором, отринувшим шоры, надетые на нас нашим нынешним воспитанием, — воспитанием, клонящимся к совершенно определенной цели, — если мы хоть немного возвысимся над этим состоянием нашей жизни, сжимающим нас в тисках, то тут же придем к тому, что скажем себе: ты, человек, ты заключаешь в себе жизнь души, твое мышление, чувство и воление. Все это связано с миром, ценность которого для тебя должна быть превыше всего, с миром нравственности и морали и, может быть, с тем, с чем, в свою очередь, связан этот мир нравственности и морали, — с религиозным источником всякого существования. Но все существующее в тебе как душевная жизнь, как эти внутренние поиск, борьба, — где все это, когда ты спишь?

Разумеется, об этих вещах можно философски фантазировать или же фантастически философствовать. И тогда можно сказать: человек в своем "Я", то есть в повседневном самосознании, имеет твердую основу. Этот образ мыслей берет начало у Блаженного Августина, продолжается Декартом, с некоторым кокетством проявляется в современном бергсонизме, — но всякий раз сон опровергает его. Потому что от мгновения, когда мы засыпаем, до мгновения, когда просыпаемся, время для нас пропадает. Когда мы в бодрствующем состоянии оглядываемся на это время, то на всем его протяжении — "Я" в виде переживания как раз не существует. Наше "Я" погашено. И то, что при этом погашено, связано с самым драгоценным — с моральным началом в нашей жизни.

Так что мы должны сказать: то, в существовании чего мы убеждаемся самым грубым образом, — наше тело, — вне всяких сомнений, образовалось с помощью природы. Но природа в силах только уничтожить, рассеять его. А то самое, что мы узнаем с другой стороны, наша собственная душевная жизнь ускользает от нас во время всякого сна; она зависит от любого подъема или спада состояния, в котором пребывает тело. Как только мы хоть чуть-чуть высвободимся из того скованного положения, в которое поставлен нынешний цивилизованный человек условностями воспитания, так тут же увидим, что (пусть при этом сюда примешиваются многочисленные факторы подсознательного и бессознательного) всякое религиозное, всякое художественное, да и вообще всякое высшее стремление человека на протяжении всего человеческого развития связано с этими противоположностями.

Конечно, миллионы и миллионы людей всего этого себе не уясняют. Но разве необходимо, чтобы человек полностью уяснил себе все, что предстает перед ним как загадки жизни? Если бы люди должны были руководствоваться тем, что уяснили себе в жизни, они бы скоро умерли. Большая часть жизни протекает как раз в том, что из глубин подсознательного вливается в общее жизненное настроение. И мы не вправе сказать, что загадки жизни чувствует лишь тот, кто может сформулировать их в ясной интеллектуальной форме и разложить по рубрикам: загадка жизни номер один, загадка жизни номер два,

и так далее. На таких людей можно менее всего полагаться. То же, что разыгрывается где-то в глубине, и суть загадки жизни, — вот что переживается... Скажем, мы встречаем человека. Ему приходится разговаривать о том или ином, может быть, о чем-то совершенно обыденном. Но он говорит так, что понятно: он совсем не рад перспективе изменить своими словами что-то в жизни. Он сам не знает, чего хочет. Он не может прийти ни к какому решению. Со всеми своими мыслями он ощущает себя не вполне в своей тарелке. Почему это? Потому что в подсознательных глубинах своего существа он не обладает уверенностью в том, что именно составляет основу человека и человеческого достоинства. Он чувствует загадки жизни. И то, что он ощущает, проистекает из означенной мною диаметральной противоположности: с одной стороны, невозможно держаться телесности, с другой стороны, нельзя держаться духовности в той форме, в какой мы ее переживаем. Потому что духовное постоянно оказывается преходящим, вспыхивающим и гаснущим явлением, а телесность оказывается явлением, происходящим из природы, способной только уничтожить ее.

Таково положение человека. С одной стороны, обращая взор вовне, он созерцает свое физическое тело, которое постоянно задает ему загадку. С другой стороны — он созерцает свое душевно-духовное существо, и оно тоже постоянно задает ему загадку. И притом величайшая загадка заключается в следующем: если я действительно ощущаю некое моральное побуждение и ради его осуществления требуется привести в движение ноги, то я оказываюсь в таком положении, что привожу в движение свое тело по моральному импульсу. Допустим, у меня есть моральное побуждение, скажем, желание сделать что-то доброе. Сначала оно действительно переживается мной чисто душевно. И каким образом это, переживаемое мной чисто душевно, побуждение к добру сообщается телесности, — обычное сознание этого усмотреть не способно. Как моральному побуждению удастся с помощью мускулов привести в движение кости? Можно считать эту проблему чисто теоретической. Можно сказать: предоставим это философам, а уж они пусть разбираются. Нынешняя цивилизация обычно так и поступает: оставляет эти вопросы мыслителям, а то, что потом эти мыслители говорят, презирают или, по меньшей мере, не принимают всерьез. Ну да, сказанному ими рада одна лишь голова, а вовсе не человеческое сердце: сердце человеческое ощущает от всего этого какое-то нервное беспокойство и не способно обрести ни радости жизни, ни жизненной уверенности, ни твердого жизненного основания и тому подобных вещей. Подобное направление мышления, которое начиная с первой трети XV века было усвоено человечеством и достигло столь грандиозных успехов на поприще внешнего естествознания, как раз никак не может хоть как-то способствовать проникновению в оба указанных вопроса — в загадочность физического тела человека и в загадочность душевного опыта. И именно от ясного понимания этого факта отталкивается антропософия, говоря: разумеется, мышление в том виде, как оно сформировалось в человеческом развитии, совершенно беспомощно в отношении действительности, — сколько ни думай, но непосредственно воздействовать на внешний природный процесс нашей мыслью совершенно невозможно. Однако с помощью одного только мышления невозможно воздействовать и на наш собственный организм воли. Стоит только один раз по-настоящему ощутить все бессилие этого обычного мышления, как возникнет непреодолимое желание выйти за его пределы.

Однако нельзя выйти за эти пределы с помощью каких-нибудь фантазий, как нельзя начать осмыслять мир из какой-либо иной области, кроме мышления. Тем не менее оно-то и непригодно, такое мышление. Значит, дело в том, что просто сама жизнь требует, чтобы, исходя из этого мышления, найти путь, на котором оно глубже проникало бы в сущее, в действительность. И этот путь открывается лишь с помощью того, что называется медитацией, — ее описание вы найдете, к примеру, в моей книге «Как достигнуть познания

высших миров?»

Все это мы представим сегодня перед умственным взором лишь в общих чертах, потому что хотим самым элементарным образом набросать, так сказать, эскиз здания антропософии. Начнем с того, с чего начинали двадцать лет назад. Мы можем сказать: медитация состоит именно в том, чтобы переживать мышление иным способом, чем оно обычно переживается. В наше время мышление переживают так, что побуждение к нему получают извне, — просто отдаются внешней действительности. И когда люди видят, слышат, осязают и так далее, они замечают, что восприятие внешних впечатлений переживается таким образом, что находит продолжение в мыслях. Человек к своему мышлению относится пассивно. Он отдается миру, и к нему приходят мысли. Таким способом никогда не тронешься с места. Все дело в том, чтобы мы начали переживать самое мышление. Этому достигают тем, что, взяв легко обозримую мысль и удерживая ее в сознании, всем этим сознанием сосредоточиваются на ней.

Совершенно все равно, что эта мысль означает для внешнего мира. Все сводится только к тому, чтобы, ни на что не отвлекаясь, сконцентрировать сознание на этой мысли. Как я сказал, это должна быть обозримая мысль. Видите ли, однажды некий весьма ученый человек спросил меня, как следует медитировать. Я предложил ему одну исключительно простую мысль. Я объяснил, что дело не в том, означает ли эта мысль какую-нибудь внешнюю реальность. Ему нужно было думать: в сиянии света — живет мудрость... Он должен был вновь и вновь, прилагая все свои душевные силы, думать: в сиянии света — живет мудрость... Истинна эта мысль или ложна, суть не в этом. Изучающего принцип движения руки не интересует побуждение к движению: направлено ли оно на преобразование мира, или оно всего лишь элемент игры. Движением мы укрепляем мускулы руки. Мы укрепляем наше мышление, когда прилагаем усилия, чтобы опять и опять осуществлять указанную деятельность, независимо от значения мысли. Снова и снова напрягая душевные силы, чтобы удержать эту мысль в сознании, сосредотачивая на ней всю жизнь души, мы так же укрепляем нашу душевную жизнь, как укрепляем мускулы руки, заставляя руку сосредотачивать усилия на выполнении одного и того же движения. Но у нас должна быть легко обозримая мысль. Ибо, если мысль не будет легко обозрима, мы подвергнемся всевозможным подвохам со стороны нашего организма. Мы ведь даже и отдаленно не подозреваем о том, сколь неодолимым может быть внушение, исходящее от реминисценций прошедшей жизни и тому подобных вещей. Как только мы задаемся более сложной мыслью, откуда ни возьмись являются демонические силы, суггестивно воздействующие на наше сознание. Лишь тогда можно быть уверенным в том, что мы живем в медитации с полнейшей трезвостью, с какой мы обычно — находясь в полностью сознательном состоянии, — ориентируемся в жизни, когда перед нами действительно вполне обозримая мысль, в которой ничего не может скрываться, кроме того, что мы переживаем чисто мыслительно.

Если мы так строим медитацию, найдется немало тех, кто скажет: ты строишь все на самовнушении или на чем-либо подобном, — что, конечно же, вздор. Все зависит исключительно от того, удастся ли иметь обозримую мысль, или же мысль, которая так или иначе питается подсознательными импульсами. И, разумеется, все зависит от того, — я не раз это говорил, — каковы способности у человека. Кому-то нужно больше времени, кому-то меньше. Но человек, сосредотачивая мысль, укрепляет свою душевную жизнь, то есть ту ее часть, которая является мыслящей душевной жизнью, усиливает ее в себе. И через какое-то время человек неминуемо придет к тому, что будет переживать свое мышление не так, как в обычном сознании. В обычном сознании человек переживает свои мысли так, что они являются лишенными силы. Это — мысли, и ничего больше. Посредством описанной концентрации человек начинает и мысли переживать действительно как некое внутреннее

бытие — как он переживает напряжение мускулов, как переживает движение, когда берет предмет в руки. Мышление становится в нем реальностью. По мере того, как он все больше развивается, он как раз начинает переживать в себе «второго» человека, о котором до сих пор не подозревал.

И вот теперь наступает для человека момент, когда он говорит себе: ну, хорошо, я человек, я могу рассматривать себя внешним образом, как смотрят на встречающиеся в природе вещи. Внутренне я чувствую весьма смутно напряжение своих мышц, и, собственно говоря, ничего не знаю о том, как мои мысли сообщаются этому мышечному усилию. Однако если человек укрепляет свое мышление, как я это описал, он чувствует это укрепленное мышление как бы текущим, струящимся, пульсирующим в своем существе. Он чувствует в себе «второго» человека. Конечно, это пока абстрактно. Главное в том, что в то мгновение, когда у людей возникает ощущение в себе «второго» человека, их начинают затрагивать взвешенные вещи таким же образом, как до этого их волновали только земные. Я имею в виду пространственно взвешенные вещи. В то мгновение, когда вы чувствуете, что мысль стала внутренней жизнью, когда вы чувствуете динамику мысли, как чувствуют — если на него обращать внимание — дыхание, в этот момент вы прибавляете ко всей своей человеческой природе нечто новое. До этого вы, к примеру, чувствовали: я стою, опираясь ногами о землю. Земля держит меня. Если бы подо мной не было земли, служащей опорой, я бы упал в бездну. Я стою на чем-то.

После того, как вы укрепили мышление и чувствуете в себе «второго» человека, в тот момент, когда вы особенно заинтересуетесь этим «вторым» человеком в вас, — окружающая земная действительность перестает быть для вас столь же интересной, как прежде. Это не означает, что вы становитесь мечтателем. Вы не будете им, если внутренне ясным и искренним образом продвинетесь по таким ступеням познания. Мы вполне способны вернуться в мир повседневной жизни во всеоружии жизненного опыта. Не станем мы фантазерами, не станем говорить: ах, вот я познакомился с духовным миром, земной утратил для меня свою ценность и реальность, теперь я буду заниматься только духовным миром. На истинно духовном пути фантастами не становятся, но как раз наоборот: учатся еще больше ценить внешнюю жизнь, когда снова в нее возвращаются. И моменты, когда вышеописанным способом мы выходим за пределы внешней жизни и когда наш интерес оказывается прикован к обретенному в нас «второму» человеку, такие моменты все равно долго удерживаться не могут. Ибо если пытаться действительно, без самообмана, внутренне удерживать их, то для этого требуются значительные силы, собрать которые воедино можно лишь на некоторое время, как правило, не слишком надолго.

Однако это обращение ко «второму» человеку в нас связано с тем, что пространственное окружение Земли начинает становиться столь же ценным, как прежде было ценным то, что существует внизу, на Земле. Мы знаем, что земля дает нам опору. Знаем, что из разных своих царств природа дарит нам те субстанции, которые мы должны поглощать, чтобы посредством питания тело постоянно получало побуждения, в которых оно нуждается. Мы знаем, как в этом смысле человек связан с земной природой. И точно так же, как идут в огород, чтобы срезать пару кочанов капусты, сварить их и съесть, то есть подобно тому, как нам необходимо то, что растет в огороде, подобно тому, как все это связано с тем, что представляет собой первый, физический человек, — точно так же мы знакомимся теперь с тем, чем является для нас солнечный луч, чем — лунный свет, что такое для нас все это мерцание звезд вокруг Земли, и шаг за шагом получаем возможность отнести то, что пространственно окружает Землю, ко «второму» человеку, подобно тому, как прежде думали о первом, физическом теле и его связи с физическим земным окружением.

И тогда мы говорим себе: то, что ты в себе содержишь, — все эти мускулы, кости, легкие, печень и так далее, — все это связано с капустой, или с

фазанами и тому подобными вещами во внешнем мире. Но то, что ты заключаешь в себе как «второго» человека, что ты осознал благодаря укреплению мышления, — связано с Солнцем и Луной, со звездным мерцанием небес, связано с пространственным окружением Земли. Ты знакомишься с пространственным окружением Земли, знакомишься с ним даже ближе, чем обычно знакомишься с тем, что окружает тебя на Земле, если только ты не специалист по гигиене питания или кто-нибудь в этом роде. Так приобретают — поначалу в пространственном отношении — поистине второй мир.

Мы учимся расценивать себя как обитателей звездных миров, подобно тому, как прежде расценивали себя как жителей Земли. До этих пор мы именно не могли расценивать себя как обитателей звездных миров — потому что наука, не достигающая укрепления мышления, не способна дать человеку сознание, что касательно своего «второго» человека он так связан с пространственным окружением Земли, как в качестве физического человека связан с Землей. Этому наука не знает. Она занимается вычислениями. Но то, что следует из расчетов астрофизики и других дисциплин, говорит лишь о вещах, человека, в сущности, не затрагивающих, удовлетворяющих в лучшем случае его любопытство. Ибо какое, в конце концов, имеет значение для человека, для его внутреннего переживания, если мы знаем по новейшим представлениям, — хотя, кроме прочего, это не соответствует истине, — что в созвездии Гончих Псов возникла спиралевидная туманность или что еще и сегодня она находится в процессе образования. Это никак человека не затрагивает. Человек так относится к звездному миру, как относилось бы к миру земному какое-нибудь бестелесное существо, спустившееся погостить на Землю и не нуждающееся ни в питании, ни в чем-либо подобном, прекрасно существующее без всего этого, и так далее. В действительности же, укрепив указанным образом свое мышление, человек из гражданина одной только Земли становится гражданином Вселенной.

И тогда возникает совершенно определенное содержание сознания, которое можно охарактеризовать следующим образом. Мы говорим себе: то, что во внешнем мире есть капуста и хлеб, является для нас благом, это «строит» наше физическое тело, если воспользоваться в данном случае таким, впрочем, не вполне верным, выражением в соответствии с расхожим тривиальным представлением. И я обнаруживаю определенную связь между тем, что встречается вовне, в разных царствах природы, и моим физическим телом.

Но укрепленным мышлением я научаюсь обнаруживать точно такую же связь между своим «вторым» человеком и тем, что нас окружает во внеземном пространстве. Наконец, мы приходим к следующему: если выйти из дому ночью, то своим обычным зрением я ничего не увижу. Если же выйти днем, солнечный свет — сущность внеземная — делает видимыми все вещи. Сначала мне ничего не известно. Если ограничиваться одной Землей, то я знаю: здесь кочан капусты, а там кристалл кварца. То и другое я вижу благодаря солнечному свету, но на Земле меня интересует только различие между кочаном капусты и кристаллом кварца.

Однако теперь я начинаю понимать: я сам в качестве «второго» человека создан из того, что делает для меня зримым кочан капусты и кристалл кварца. И это очень значительный скачок, совершаемый в нашем сознании. Он означает полную метаморфозу сознания. Отсюда начинается следующее — человек говорит себе: когда ты стоишь на Земле, то видишь свое физическое окружение, связанное с твоим физическим человеком; но если же ты укрепишь мышление и пространственно внеземное существование станет для тебя миром, который непосредственно касается тебя, точнее, тебя и «второго» человека, которого ты в себе открыл, как прежде миром, который непосредственно тебя касался, был физический мир Земли, тогда ты станешь приписывать космическому эфиру, — подобно тому, как ты возводишь к

физической Земле происхождение своего физического тела, — ты станешь приписывать космическому эфиру, благодаря действию которого только и становятся зримыми земные вещи, свое «второе» бытие. И, говоря теперь, что у тебя есть твое физическое тело и что у тебя есть эфирное тело, ты исходишь из собственного опыта. Если заниматься одной лишь систематизацией данных и мыслить себе человека как существо, состоящее из разных принципов, и так далее, то, разумеется, это не даст еще содержания познания — но действительное понимание вещей приобретается тогда, когда мы имеем в виду всю метаморфозу сознания, возникающую благодаря тому, что мы действительно открываем «второго» человека в себе.

Я беру своей физической рукой вещь, ее охватывает кисть моей руки. Я как бы чувствую поток силы, вызывающий названное движение. Благодаря же описанному укреплению мысли чувствуют мысль — как она, став внутренне подвижной, обуславливает возможность также своего рода осязания, живущего в данном случае в некоем организме, именно — в организме эфирном, тончайшем сверхчувственном организме, существующем столь же реально, как и организм физический, однако связанном не с земным, а с внеземным окружением.

Тут наступает момент, когда приходится, я бы сказал, снова спуститься ступенью ниже: ибо при помощи того имажинативного мышления, которое я описал, люди оказываются способными чувствовать в себе это осязание, свойственное второму человеку, и способны видеть связь с далями мирового эфира, причем с этими словами не следует связывать никакого иного представления, кроме того, о чем я здесь говорил, не следует вкладывать в них невесть откуда заимствованное содержание. Но для того, чтобы продвинуться дальше, нам нужно вернуться опять к обычному сознанию.

Итак, видите ли, когда мы думаем о физическом теле человека таким образом, как я его только что описал, естественно спросить себя: в каком, собственно говоря, отношении находится физическое тело человека к земному окружению? Оно, вне всякого сомнения, определенным образом связано с ним — но как?

Возьмем труп, — а это верное отражение физического человека даже и при жизни, — и здесь мы увидим в виде четких форм печень, селезенку, почки, сердце, легкие, кости, мышцы, нервные волокна. Все это можно нарисовать, все имеет отчетливый контур, благодаря чему все это похоже на твердое, на то, что существует в твердых формах. Но с этими оконтуренными образованиями в человеческом организме дело обстоит так. Нет, собственно, ничего обманчивее сегодняшних руководств по анатомии и физиологии. Нет, потому что у людей складывается такой взгляд: это печень, здесь сердце, и так далее — они видят все это в четких контурах и думают, что четкие очертания — это нечто существенное. Человеческий организм представляют себе в общем-то в виде совокупности твердых тел. Но он совершенно не таков — в лучшем случае на 10 процентов, остальные 90 процентов состава человеческого организма не твердые, они — жидкие или даже газообразные. При жизни человек на 90 процентов представляет собой водяной столп. Так что можно сказать: разумеется, своим физическим телом человек принадлежит твердой стихии — земле, тому, что древние мыслители и называли «земля»; но далее начинается то, что в человеке является жидким. И во внешней науке к разумному воззрению на человека придут не ранее, чем снова будут отличать самого по себе человека твердой стихии от человека текучей стихии, — эти внутренние приливы и отливы, где все походит на миниатюрный океан.

Однако земной мир по-настоящему влияет на человека только в отношении того, что является в нем «твердым». Ибо и в окружающей природе вы можете увидеть, что там, где начинается жидкая стихия, тотчас выступает внутренняя формообразующая сила, проявляющая в своем действии сугубую целостность.

Возьмите жидкий элемент нашей Земли, всю ее воду: ведь это одна громадная капля. Если дать воде свободно формироваться, она становится каплеобразной — жидкое всюду превращается в каплю.

Все, что является «землей», твердым, как мы это теперь называем, выступает в фиксированных формах, которые мы и видим как твердые формы. Жидкое же всегда стремится стать каплеобразным, принять форму шара.

Отчего же это происходит? Изучая каплю, крошечную или величиной с земной шар, — вы увидите, что всякая капля есть отражение всей Вселенной. Само собой разумеется, что по нынешним расхожим понятиям это не так, однако это верно хотя бы на первый взгляд, — и в ближайшее время мы увидим, что такое понимание оправдано, — на первый взгляд, вышеуказанное справедливо: ибо вся Вселенная выглядит для нас как полый шар.

Всякая капля, мала она или велика, выглядит для нас отображением самой Вселенной. Возьмете ли вы дождевую каплю или представите себе все воды Земли — в их внешнем облике вы увидите образ Вселенной. Как только мы вступаем в область жидкого, мы уже не можем объяснить его на основе земных сил. Если вы вникнете в бесчисленные попытки объяснить шарообразную форму земных вод силами самой Земли, вы увидите, сколь тщетны все эти старания. На основе силы земного притяжения и тому подобного шарообразная форма земных вод необъяснима. Ее нужно объяснять не земным притяжением, а давлением извне. Тогда мы сразу приходим к тому, что даже и во внешней природе нам очевидно: для объяснения жидкого элемента мы должны выйти за пределы земного мира. А отсюда вы придете к пониманию того, как обстоит дело с человеком.

Пока вы остаетесь в рамках того, что в человеке является «твердым», вы можете ограничиваться земным миром — если хотите понять человеческий облик. Но в тот момент, когда вы обращаетесь к жидкому элементу, вы нуждаетесь в этом «втором» человеке, который действует в жидкой стихии и к которому вы приходите благодаря укрепленному мышлению.

Итак, мы снова пришли к земному. Мы находим в человеке «твердое». Его мы объясняем при помощи наших обычных мыслей. Но жидкое в человеке мы не можем понять в отношении его формы, если не мыслим действующего в жидкой стихии «второго» человека, которого в укрепленном мышлении мы ощущаем в нас самих — как эфирное тело человека.

Значит, можно сказать: физический человек действует в «твердом», эфирный человек действует в «жидком». Эфирный человек, кроме того, конечно, всегда представляет собой нечто самостоятельное, но посредник, через которого он действует, — жидкость.

А теперь вопрос в том, чтобы продвинуться дальше. Подумайте, мы дошли фактически до внутреннего переживания указанного укрепленного мышления, то есть до переживания эфирного человека, вышеописанного «второго» человека, а это предполагает, что мы развиваем энергичную внутреннюю активность.

И как вы знаете, если приложить некоторое усилие, можно не только привести мышление в движение, но можно запретить себе мысли. Можно перестать думать. Об этом заботится наш физический организм. Когда мы устаем и засыпаем, то перестаем думать. Но снова произвольно погасить то, что мы вложили в себя, напрягая все свои силы, — укрепленное мышление, возникшее в результате медитирования, — уже гораздо труднее. Обычную бессильную мысль погасить сравнительно легко. Но в гораздо большей степени мы внутренне-душевно привязаны к этому укрепленному мышлению, которое развили в себе. Тут нужно применить более мощную силу, чтобы суметь преодолеть суггестивное влияние этого укрепленного мышления. Но тогда наступает и нечто особенное.

Когда вы пользуетесь обычным мышлением, то ведь поводом для него служит окружающий мир или воспоминание о нем. Если вы погружаетесь в мысли, внешний мир для вас все же присутствует. Вы засыпаете, и тогда он

все еще существует. Но как раз этот мир видимого вы покинули, поднявшись до укрепленного мышления. Вы поставили себя в связь с внеземным пространственным окружением. Теперь вы наблюдаете отношение к вам мира звезд, как прежде наблюдали природные объекты из вашего окружения в отношении к себе. Со всем этим вы уже поставили себя в некоторую связь. Теперь вы можете это подавить. Но при подавлении всего этого внешний мир тоже перестанет существовать, ибо все свое внимание вы направляли на укрепленное сознание. И поэтому внешнего мира нет. Вы пришли к тому, что можно назвать пустотным сознанием. Сознание обычное имеет дело с пустотой сознания только во время сна — но тогда это состояние бессознательности.

Однако вот чего именно мы сейчас достигли: оставаясь в полноте сознания, не иметь внешних чувственных впечатлений, и при этом не спать, а всецело бодрствовать. Но мы не остаемся просто бодрствующими. Теперь, когда пустотное сознание мы раскрываем чему-то со всех сторон неопределенному, — в сознание проникает собственно духовный мир. Мы говорим: тут он приходит. Тогда как прежде мы взирали лишь на внеземное физическое окружение, являющееся, в сущности, окружением эфирным, тогда как прежде мы видели область пространства, — теперь, словно из неопределенных далей, сквозь эту космическую область проникает со всех сторон нечто новое: собственно духовный мир. Духовное проникает с окраин Вселенной только, если мы проходим описанный мной путь.

И здесь к прежней метаморфозе сознания прибавляется нечто третье. Теперь мы говорим себе (см. рис.): ты несешь в себе свое физическое тело (внутренний круг) и свое эфирное тело (синий), которое ты постигаешь в укрепленном мышлении, ты несешь в себе и другое — заметьте, я говорю здесь о мире видимостей. В ближайшие дни мы увидим, насколько все это обоснованно. Когда здесь говорится об эфирном: оно приходит из мира пространственного, а то, что находится здесь, далее, вовне (красный), проникает сюда из неопределенного. Мы утрачиваем всякое сознание того, что это приходит из пространственной области: оно проникает в нас как «третий» человек. Оно притекает сквозь эфир Вселенной, проникая в нас как «третий» человек. И мы начинаем с полным правом говорить об этом, опираясь на собственный опыт: «первый» человек в нас — физический человек, «второй» — эфирный человек, «третий» — астральный человек. Пусть вас не смущает терминология, вы знаете, это не должно быть камнем преткновения: мы несем в себе «третьего», астрального человека. Он приходит из духовного, а не просто из эфирного мира. Мы вправе говорить об астральном теле, об астральном человеке.

Пойдем дальше. Теперь мы говорим себе: я произвожу вдох, мой организм нуждается в этом, и произвожу выдох... Насколько же истинно представление людей, что при вдохе и выдохе в нас поступает и покидает нас смесь кислорода с азотом?

Видите ли, то, что проникает в нас при вдохе и уходит при выдохе, в соответствии с воззрениями современной цивилизации, составлено из физического кислорода, азота и кое-чего еще. Но тот, кто исходя из пустотного сознания достигает переживания, как сквозь эфир, я бы сказал, приливает духовное, переживает при вдыхании нечто, образованное не только из эфира, но еще из чего-то, кроме эфира, — из духовного начала. И постепенно мы учимся постигать в самом процессе дыхания духовный компонент в человеке. Мы учимся, познавая, говорить себе: у тебя есть физическое тело. Оно воздействует на твердую стихию, служащую ему посредником. У тебя есть эфирное тело. Оно воздействует на жидкость. Но поскольку ты — человек и не являешься существом только твердой и существом только жидкой стихии, но несешь в себе и воздушного человека, человека воздушной стихии, — на воздушное, газообразное в тебе может

воздействовать «третий», астральный человек. Посредством этой присутствующей на Земле субстанции, посредством воздушного действует астральный человек.

«Жидкий» организм человека, которому точно так же внутренне присуща упорядоченная, но беспрестанно изменяющаяся и превращающаяся жизнь, невозможно уловить обычным мышлением: то, что таким образом является «жидким человеком», постижимо только укрепленным мышлением — обычным мышлением мы улавливаем очерченного физического человека. И поскольку наша анатомия и физиология считаются лишь с «физическим человеком», они фиксируют лишь десятую часть всего человеческого существа. Но то, чем он является в качестве «жидкого человека», — это беспрестанно движется, никогда не застывает в жестком контуре. Здесь оно такое, здесь уже другое, тут надолго, тут нет. То, что пребывает в постоянном движении, не схватить с помощью исчислимых, имеющих четкие контуры понятий, вы улавливаете это только с помощью понятий, подвижных в себе, с помощью понятий, являющихся образами. Эфирного человека в «жидком человеке» вы улавливаете лишь в образах.

А «третьего», астрального человека, действующего в «воздушном человеке», вы постигнете лишь тогда, когда прибегнете к помощи не одних только образов, но и чего-то еще. Медитируя все успешнее и успешнее, — я описываю западный медитативный процесс, — с определенного момента ваших упражнений вы заметите, что ваше дыхание становится чем-то ощутимо музыкальным. Вы станете переживать дыхание, как внутреннюю музыку. Вы переживете ощущение, что пронизаны внутренней музыкой, что вы залиты ее волнами. «Третьего» человека, который в физическом отношении является «воздушным человеком», а в духовном отношении — астральным человеком, вы переживаете, как внутреннюю музыкальную стихию. Вы осознаете дыхание.

Тот, кто практиковал восточную медитацию, проделывал это непосредственно, сосредотачиваясь на дыхании, нарушая его регулярность и вводя особое дыхание йога, чтобы постичь, как протекает динамика жизни дыхания в человеке. Тем самым непосредственно стремились к постижению этого «третьего» человека.

Так мы приходим к тому, что представляет собой «третий» человек, и для начала сегодня можем сказать: посредством углубления нашего понимания мы приходим, прежде всего, к различению в человеке физического тела, имеющего на Земле «твердые» формы и находящегося в связи с царствами земной природы; затем — «второго», «жидкого» человека, в котором, однако, живет вечно подвижное эфирное начало, уловимое только с помощью образов, но образов подвижных, — живой пластики; затем «третьего», астрального человека, имеющего свое физическое отображение в потоке того, что проникает в нас во время вдоха. Этот поток входит в нас, воздействует на наш внутренний организм, распространяется, совершает работу, претерпевает превращение и изливается опять наружу. Это чудесное становление. Изобразить его нельзя, в лучшем случае — символически, реально же — нет. С таким же успехом вы можете изобразить, например, звуки скрипки. Вы можете сделать это символически, но реально должны «открыть» музыкальный слух так, чтобы внутреннему слуху явилась музыка. На это нужно направить не внешнее слушание, приспособленное для улавливания внешних звучаний, а внутренний музыкальный слух. Вы должны внутренне слушать динамику дыхания. Вам нужно внутренне слушать астральное тело человека. Это — «третий» человек. Это то существо, которое мы постигаем, когда приходим к пустотному сознанию и предоставляем ему наполниться тем, что инспирирует нас.

Да, язык и в самом деле разумнее людей, ибо происходит из прадревних времен. То, что дыхание было названо когда-то «инспирацией», имеет под собой глубокое основание, как и вообще слова нашего языка говорят гораздо

больше, чем мы чувствуем в словах нашим нынешним абстрактным сознанием.

Вот то, что может привести нас к уразумению трех принципов человеческой природы: к физическому телу, эфирному телу и астральному телу, обнаруживающих себя в «воздушном человеке», «жидком человеке» и «твердом человеке», чьи физические отображения находятся в образованиях «твердого человека», в превращающихся формах человека жидкой стихии и в том, что пронизывает человека как внутренняя, переживаемая в нашем чувстве музыка. Прекраснейшим отображением этой внутренней музыки является сама нервная система человека. Она создана из астрального тела, из внутренней музыки. Вот почему в определенном месте она являет это чудесное устройство (см. рис. на с. 95) — спинной мозг, от которого идут различные ответвления, как бы струны. Все вместе это составляет чудесное музыкальное устройство, постоянно действующее в человеке, — воздействие, достигающее головы.

Та прамудрость, которая была жива еще у древних греков, чувствовала во внутреннем существе человека этот чудесный инструмент, а он существует, потому что вдыхаемый воздух проходит через весь спинной мозг. Вдыхаемый нами воздух поступает в канал спинного мозга и воздействует на головной мозг. Музыка эта реально звучит, хотя остается неосознанной человеком. Он осознает лишь то, что выталкивается наверх. Такова лира Аполлона, внутренний музыкальный инструмент, о котором знала еще инстинктивная прамудрость. Прежде я уже обращал ваше внимание на эти вещи, и хотел теперь только дать своего рода резюме того, что было развито в нашем обществе за двадцать лет.

Завтра мы пойдем дальше и обратимся к четвертому принципу человеческой природы, — организации "Я" как таковой, — чтобы показать, как различные принципы человеческой природы связаны с жизнью человека на Земле и со сверхземной или внеземной жизнью — так называемой вечной жизнью человека.

Пятая лекция

Дорнах, 2 февраля 1924 г.

ЛЮБОВЬ КАК СИЛА ПОЗНАНИЯ. ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО "Я"

Я уже изложил, как следует подразделять человека на физическое тело, эфирное тело, астральное тело, и как, определенным образом упражняя свои познавательные силы, силы души и воли, можно прийти к более глубокому пониманию структурированности человеческого состава. Структурированность, которую мы находим в человеке, мы встречаем также и во внешнем мире. Однако мы должны ясно осознавать довольно значительное различие между тем, что мы видим в мире, вне человека, то есть во внечеловеческом мире, и во внутреннем мире самого человека.

Рассматривая, прежде всего, физический мир, — а рассматривать его мы можем, собственно говоря, только в связи с «твердой», «земной» формой бытия, — мы начинаем отличать друг от друга разные вещества. Я не буду входить в частности, вы сами знаете, что, когда анатом приступает к изучению того, что остается от человека, прошедшего сквозь врата смерти, то есть трупа, ему совершенно незачем, — по крайней мере, он сам так полагает, и, в известных пределах, полагает справедливо, — ему совершенно незачем думать ни о чем другом, кроме как о земных веществах, которые он обнаруживает и во внечеловеческом бытии. Он исследует имеющиеся в существующем вне человека мире соли, кислоты, другие соединения или простые вещества, а затем исследует то, что содержится в организме человека. И находит, что ему незачем выходить за рамки своих физических и химических знаний.

Ведь различие бросается в глаза только тогда, когда рассматривают вещи в более широком контексте, когда замечают то, что я особенно подчеркнул:

человеческий организм в своей общей конфигурации не может сохраняться как целое внечеловеческой природой, но подлежит уничтожению. Так что мы можем сказать: в «твердой», в «земной» физической стихии мы сначала не обнаруживаем столь уж больших различий между тем, что имеется вне человека, и тем, что содержится внутри него. Но уже в бытии эфирном мы должны признать это различие гораздо большим.

Я ведь уже обращал ваше внимание на то, как мир эфирного как бы взирает на нас сверху, собственно, из внеземного мира, и как, исходя из эфирного бытия, все, будь это большая или маленькая капля, делается округлым, принимает шарообразную форму. И эта тенденция всему придавать шарообразность, свойственная взаимоотношению сил эфирного бытия, — распространяется также и на эфирное тело человека. Собственно говоря, в отношении нашего эфирного тела, мы все время должны бороться за то, — разумеется, все это происходит в подсознании, — чтобы преодолеть шарообразную форму нашего эфирного тела. Эфирное тело человека, такое, каково оно ныне, по своей форме, по своему очертанию довольно точно приноровлено к физическому телу человека. У него нет таких твердых границ, как у физического тела, оно подвижно само по себе; но мы можем различать: здесь его головная часть, здесь — часть, относящаяся к туловищу; менее отчетливы части, относящиеся к конечностям, — здесь эфирное тело расплывается. Так что когда мы двигаем рукой, эфирное тело, в других местах «пригнанное» под форму человеческого организма, лишь едва выдается за пределы физического тела, тогда как книзу оно сравнительно широко расходится. Но благодаря Универсуму, благодаря Космосу, это эфирное тело стремится, по сути, принять шарообразную форму. Против шарообразности борется в человеке то, что присутствует как более высокая сущность, — его «астральный» человек и существо "Я". Это и приводит к тому, что из шара лепится та самая форма, которая подогнана к человеческому облику, поэтому мы можем сказать: в качестве эфирного существа человек включается во всеобщий эфирный мир так, что «отгораживает» себе из эфирного бытия собственную форму, тогда как весь эфир, разлитый вокруг, стремится к тому, чтобы — в плане формообразования — придавать «жидкому» форму шара... В человеке же «жидкое» становится, если так можно выразиться, как раз человекоподобным, но происходит это благодаря действующим в человеке внутренним силам. Тут внутренние силы человека противодействуют внешним космическим силам.

Еще сильнее такое противодействие в человеке астральном. Астральное ведь приходит, вливается, так сказать, как бы из неопределенного, как я это очертил вам вчера. Это астральное так воздействует на внечеловеческое бытие Земли, вливаясь в мир (см. стрелки в зеленом круге), что придает центробежное направление растительным формам земли, и те еще отчетливо несут на себе последствия этого вмешательства астральных сил. Ведь астральные силы — это и есть то, что «вытягивает» растения из земли. У самого растения есть лишь эфирное тело, но то, что вытягивает растение из земли — это как раз силы астральные. У человека астральное тело исключительно сложно, и его действительно воспринимают таким, как я вчера это описал — как внутреннюю музыкальную стихию, как живую круговерть, живое плетение, как внутреннюю подвижность и как все, что является, если можно так выразиться, воспринимаемой, внутренне осязаемой музыкой, тогда как всякую иную астральность мы находим радиально (центростремительно) втекающей извне. И это радиально вливающееся как раз и преобразуется в человеческую астральную форму. Здесь обнаруживаются сложнейшие вещи (см. рис.).

Скажем, к примеру: с той или другой стороны втекает астральное — человеческое существо «изгибает» этот астральный поток, придавая ему самые различные формы, чтобы сделать их пригодными для себя и включить в себя, так что человек своим внутренним существом, можно сказать,

конденсирует себе астральное тело из радиально втекающих астральных сил.

И все же можно сказать: когда мы, душевно-духовно обострив взор, обращаем его вовне, в Космос, мы приходим к восприятию эфирного и, кроме того, получаем впечатление: именно эфирному мы обязаны тем, что стремимся прочь с Земли — земная тяжесть связывает нас с Землей, но благодаря эфирным силам нас тянет прочь от нее. В этом нашем стремлении прочь деятельно, собственно, эфирное начало. Стоит лишь обратить внимание на следующее: человеческий мозг весит приблизительно 1500 граммов. Масса в 1500 граммов, надави она на тонкие кровеносные сосуды, располагающиеся под мозгом, раздавила бы их совершенно. Если бы мозг в живом человеке действительно весил 1500 граммов, никаких кровеносных сосудов под мозгом у нас не могло бы быть. Но внутри живого человека мозг весит самое большее 20 граммов. Он становится легче, невообразимо легче, по той причине, что плавает в мозговой жидкости, — разница в весе равняется весу вытесненной воды: стало быть, мозг, собственно говоря, действует так, что как бы порывается удалиться прочь от человека, — и в этом его устремлении деятельны эфирные силы. Так что можно сказать: на примере мозга особенно наглядно видно, что происходит в этой сфере.

Ваш мозг плавает в мозговой жидкости. При этом его вес уменьшается с 1500 граммов всего до двадцати. Итак, если мозг весит примерно 20 граммов, то доля его участия в нашей физической телесности исключительно мала. В этом случае у эфирных сил появляются невообразимые возможности тянуть вверх. Вес тянет вниз, но он компенсируется. В мозговой жидкости развивается преимущественно совокупность эфирных сил, поднимающих нас от земного. Если бы мы должны были нести наше физическое тело и при этом оно весило бы столько, сколько весит, нам пришлось бы волочить его, как тяжелый мешок. Но каждое кровяное тельце плавает в жидкости и поэтому теряет в весе.

Это очень древнее открытие — что в жидкости вещи теряют в весе. Вы ведь знаете, что в древности это открытие было приписано Архимеду. Однажды он купался в ванне и обнаружил, что нога, если ее высунешь из воды, намного тяжелее, чем когда она — в воде. Тогда он закричал: «Эврика! Нашел!» Он понял: тело, погруженное в жидкость, будет весить настолько меньше, сколько весит вытесненная им вода. Представьте себе Архимеда в ванне; вот физическая нога его (рисует), и вот эта же нога, но состоящая из воды. Физическая нога станет легче на столько, сколько весит вот эта водяная нога. На столько она станет легче. И таким же образом мозг, погруженный в мозговую жидкость, весит на столько меньше, сколько весит вытесненная им мозговая жидкость. В физике это называется силой выталкивания. Итак, в этом устремлении вверх в человеке посредством жидкого действуют эфирные силы, тогда как астральное начало активизируется посредством дыхания, посредством воздухообразной стихии, поступающей в человеческий организм. Поскольку воздухообразное внутри человека в невообразимо тонком, разреженном состоянии достигает головы, этим распределением воздуха по направлениям заняты в человеке астральные силы.

Так, в веществе, в «твердом», в земной стихии, можно, действительно, видеть физическое; в жидком, особенно проявленном в человеке, — эфирное; а в воздушном — астральное.

В том-то и трагедия материализма, что он ничего не знает о материи, о том, как она на самом деле действует в различных сферах бытия. Примечательно, что материализм так мало знает как раз о материи. Он совершенно ничего не знает о ее действии, потому что об этом мы кое-что узнаем, только если принимаем во внимание духовность, действующую в материи в виде разного рода сил.

И вот: если мы, продвигаясь в медитации, приходим к имагинативному познанию, о котором я уже вам говорил, то во всех проявлениях водной стихии

находим одновременно и эфирные силы. И перед лицом действительного познания совершенным ребячеством было бы думать, что во всех проявлениях водной стихии Земли — возьмем ли мы море, воду в реке, встающие туманы, падающие капли, образующиеся облака — присутствует лишь то, что физика и химия знают о воде: это совершенно наивно по сравнению с действительным познанием. Ибо во всем существующем в огромной водной капле земной планеты, во всем том, что беспрестанно поднимается в виде испарений, из чего образуются облака, что ложится в виде туманов или выпадает в дожде, во всем, что кроме этого совершается на Земле водой, — а ведь сколь многообразна роль воды в формировании земных образований, — во всем этом действуют эфирные течения, эфирная активность, открывающаяся нам, когда мы укрепим мышление указанным мной способом: в образах. За кулисами этой водной активности повсюду существует активность имажинации, мировой имажинации, и, проникая в эту мировую имажинацию как бы с обратной стороны, повсюду звучит астральная гармония мировых сфер.

Но внутри человека все соотношения проявляются совсем не так, как вне его. Если мы смотрим на внечеловеческий мир, обострив взор тем способом, который я вам описал, мы обнаруживаем мир, построенный, во-первых, из физической стихии, мир, непосредственно связанный с Землей; затем — из эфирного, наполняющего собой Космос; и потом — из астрального, по сути проникающего в него. Так что мы действительно имеем не просто некую общую абстрактную астральную активность, но в мир вступают существа — существа, душевно-духовные по своей природе, как человек в своем теле несет душевно-духовное начало. Вот что видит человек.

Если же мы теперь снова обратим взор на человека, то обнаружим и в человеке соответствующее внешнему эфиру — его эфирное тело. Но это эфирное тело выглядит не так, что вы могли бы сказать: вот — физический человек, а это — эфирное тело (рисует). Разумеется, так нарисовать можно, но это лишь застывшее сечение. Вы никогда не видите просто эфирное тело настоящего момента, но, рассматривая эфирное тело человека, — то сечение, которое можно зарисовать, вы увидите его примыкающим к тому, что ему предшествует. Вы всегда видите все эфирное тело целиком, до самого момента рождения. Временное — это нечто единое. Когда перед вами двадцатилетний человек, вы не можете видеть просто эфирное тело двадцатилетнего человека, но вы видите все, что произошло в его эфирном теле, вплоть до момента его рождения и даже раньше того. Тут время воистину становится пространством. Когда вы смотрите внутрь аллеи, то деревья благодаря перспективе сдвигаются все ближе друг к другу, то есть в пространстве вы видите всю аллею целиком; так же, созерцая эфирное тело, каково оно сегодня, вы ретроспективно созерцаете все это образование, которое есть образование временное. Эфирное тело — это временной организм. Физическое тело — организм пространственный. Ведь физическое тело в данный момент — вполне законченное образование. Эфирное же тело всегда существует как целое — на всем протяжении прошедшей жизни во время нынешнего нашего воплощения. Эфирное тело есть что-то единое. Поэтому вы могли бы, собственно говоря, зарисовать или написать красками эфирное тело лишь в том случае, если бы вы могли изображать сменяющие друг друга образы: только пришлось бы работать с невероятной быстротой. Зарисованное или изображенное в виде мгновенной формы есть всего лишь некое сечение, некий разрез, который относится к целому эфирного тела, как разрез ствола дерева относится к целому дереву. Так и в том случае, если вы изображаете эфирное тело в виде схемы — это только разрез его, ибо эфирное тело целиком — есть некое временное становление. И обозревая это становление во времени, мы выходим за пределы момента рождения, более того — момента зачатия, и приходим к тому моменту, где видим, как человек снизошел из своего предземного бытия в нынешнюю земную жизнь, и как он проделал, так

сказать, последнее, что он совершил до того, как был зачат родительской парой, — как он притянул к себе из всеобщего мирового эфира субстанциальность и образовал из нее свое эфирное тело.

Так что, коль скоро вы говорите об эфирном теле, вы не можете говорить иначе, как обозревая всю временную жизнь человека, даже выходя за пределы момента рождения. А то, что обычно считают эфирным телом данного момента времени, — только абстракция; конкретным является становление во времени.

С астральным телом все обстоит иначе. Астральное тело человека открывают для себя так, как я вчера вам рассказал.

Я могу вам нарисовать это только схематически. Но и на этом рисунке пространство для вас должно стать временем. Допустим, 2 февраля 1924 года вы созерцаете астральное тело какого-то человека. Пусть это будет человек (рисует), и мы созерцаем его астральное тело. Этот человек производит следующее впечатление: вот его физическое тело, вот его эфирное тело, а здесь мы можем видеть также и астральное тело. Такое создается впечатление, как я и описал это в моей книге «Теософия». Да, это так. Но если мы достигаем истинно инспирированного познания, о чем я рассказал вчера, явленного пустотному сознанию, то мы приходим к следующему. Тогда мы говорим: того, что видится как астральное тело в человеке, по сути, не существует 2 февраля 1924 года. Но если человеку, чье астральное тело мы созерцаем, исполнилось двадцать лет, нам нужно проследить время в обратном направлении. Вы приходите тогда, скажем, к январю 1904 года и понимаете: а вот, собственно, где только и существует в действительности это астральное тело, и движетесь ретроспективно дальше в то беспредельное, где оно изначально существует. Оно не прошло вместе с человеком через его жизнь, а осталось там. Здесь это только какая-то видимость. Это похоже на то, как если бы вы смотрели внутрь аллеи (рисует): все дальше, дальше, вот последние деревья, они уже почти сливаются; а позади них расположен источник света. Конечно, сияние света достигает и начала аллеи, и все же сам источник света — позади нее, и этот источник не перемещен сюда, здесь — одно только сияние света.

Так и астральное тело осталось там (показывает на рисунке), отбрасывая только свой ответ в эту жизнь. Астральное тело осталось, собственно, в духовном мире, оно не пришло вместе с человеком в мир физический. В отношении нашего астрального тела мы пребываем всегда до момента нашего зачатия и рождения — в мире духовном. Это так, как если бы достигнув в 1924 году двадцатилетнего возраста, в духовном отношении мы, по сути, как бы живем до 1904 года, и наше астральное тело еще только как бы протягивает щупальце.

Вы скажете: это трудно себе представить. Верно, но, как вы знаете, был некогда испанский король, которому описали, как сложно устроено мироздание, и тогда испанский король решил, что если бы он строил мироздание, то сделал бы его попроще. Человеку, конечно, хотелось бы думать так. Но мир в действительности совсем не прост, и сам человек — тем более, поэтому нужно определенное усилие, чтобы понять, что такое человек.

Итак, когда вы созерцаете астральное тело, вы заглядываете прямо в духовный мир. Астральное в своем окружении вы имеете только во внечеловеческом мире. Если же вы созерцаете людей, то в отношении их астрального тела вы заглядываете в духовный мир. Вы видите непосредственно то, что человек сам проделал в духовном мире, прежде чем сошел на Землю.

Вы скажете: но мое астральное тело все-таки действует во мне. Оно делает и это, само собой разумеется, оно это делает; но представьте себе, что здесь имеется некое существо (рисует), а у него разные веревочки, и с помощью этих механически прикрепленных веревочек оно совершает то или иное действие. Тогда воздействие существа проявляется на значительном

пространственном отдалении, а само оно находится здесь. Так происходит в данном случае и со временем. Ваше астральное тело осталось там, но свои воздействия оно простирает сквозь всю вашу жизнь. И если вы замечаете воздействие вашего астрального тела сегодня, его источник — в том времени, что уже давно прошло; в том времени, когда вы были в духовном мире, прежде чем сошли на Землю. Оттуда воздействует на человека время. Другими словами, что касается духовного, время осталось там. И тот, кто думает, что в настоящем времени прошлое больше не присутствует, подобен пассажиру, едущему в поезде, которому сосед говорит: как прекрасна, не правда ли, местность, через которую мы проехали, — и этот человек простодушно отвечает: местность-то прекрасна, да ведь она пропала, и ее больше нет... Такой человек, пронесшись на скором поезде мимо какой-нибудь местности, думал бы, что этой местности больше нет на свете. Столь же умно выглядит человек, полагающий, что прошедшего во времени больше не существует. Но оно как раз не перестает существовать и оказывает свое воздействие. Третье января 1924 года в своем духовном состоянии все еще существует, как существуют все пространственные вещи, оставленные позади поездом: оно здесь, и оно существует, и существует таким образом, что воздействует на настоящее.

Так что описание астрального тела, приведенное в моей «Теософии», необходимо для полноты картины дополнить следующим: действующее здесь, на земле, является отсветом того, что, собственно говоря, воздействует на вас с очень далекого, если двигаться во времени назад, расстояния. Будучи человеком, вы в действительности представляете собой как бы комету, хвост которой простирается далеко в прошлое. И никаким другим способом нельзя добиться действительного понимания человеческой сущности, как только прибегая к новым понятиям.

Люди, полагающие, что можно проникнуть в духовный мир при помощи тех же понятий, какие применяются для мира физического, должны были бы стать спиритами, а не антропософами. Ведь в спиритизме, не правда ли, пытаются все духовное втискивать — разве только в несколько более тонкой, разбавленной форме — в обычное пространство, в котором живут физические люди. Но тогда оно не является духовным. Это как бы лишь тонкие физические эманации, даже фантомы Шренка-Нотцинга* — всего лишь тонкие эманации физической действительности, очень тонкие выделения, которые в своей конфигурации имеют отзвуки эфирного мира. Это лишь фантомы, призраки — действительно духовными существами они не являются.

Если вы таким образом будете смотреть на вещи, вы скажете себе: во внечеловеческой природе высшие миры присутствуют и в настоящий момент. В случае с человеком мы тотчас вступаем в поток времени, рассматривая следующие друг за другом миры. Но в случае с человеком можно пойти в познании и дальше. И тогда познание подступает к тому элементу, который в наше нынешнее обывательски-материалистическое время мы почему-то ни за что не хотим признать элементом познавательным.

Я указал вам в качестве первой ступени познания ту, когда мы с помощью внешних чувств знакомимся с грубыми, обязательными вещами. Второй ступенью было «укрепленное мышление», когда мы воспринимаем в себе подвижные образы мира. Третьей ступенью является инспирация, когда мы воспринимаем то, что звучит, вливаясь как музыка сфер, но являясь при этом сущностным. И если мы воспринимаем в человеке эту музыку сфер, сущностно живую музыку, то мы не только покидаем область материи, но и выходим из настоящего времени в предземную жизнь человека, — в то бытие, которое было присуще ему, прежде чем он спустился на Землю. Такого инспиративного познания добиваются, создав пустотное сознание, после того, как сначала у нас уже было укрепленное мышление.

Следующего этапа нашего восхождения на пути познания мы достигаем, претворяя силу любви в силу познания. Но только это не та любовь, о которой

по большей части только в банальном смысле говорят в наше материалистическое время, но такая любовь, которая способна соединить нас с тем существом, которым сами мы не являемся в физическом мире. То есть уметь действительно чувствовать то, что происходит в другом существе — значит, уметь полностью покинуть себя и снова ожить в другом существе. В обыкновенной человеческой жизни любовь не поднимается на такую высоту, чтобы можно было сделать ее силой познания. Для этого нужно сначала создать указанное пустотное сознание, нужно, находясь в этом состоянии, приобрести некоторый опыт. Да, и тогда проходят через то, чего многие люди, стремящиеся к познанию высших миров, никак не ищут. Тогда проходят именно через то, что можно назвать болью, скорбью познания.

Если человек ранен, это причиняет ему боль. Почему? Потому что его духовное существо из-за повреждения физического тела не может правильно пронизать его в этом месте. Всякая боль происходит из-за того, что по какой-то причине мы не можем своим духовным существом пронизать физическое тело. И когда мы переживаем боль от чего-то внешнего, это происходит по той же причине: из-за невозможности воссоединения. Когда мы достигаем пустотного сознания, в которое вливается совсем иной мир, нежели тот, к которому мы привыкли, то в инспиративном познании мы лишены всего своего физического человека, становясь одной открытой раной, когда все болит. Через это нужно сначала пройти. Оставление физического тела нужно пройти как подлинную боль, как подлинное страдание, для того, чтобы достичь инспиративного познания, чтобы достичь его в непосредственном созерцании, а не просто в понимании. Разумеется, само понимание может происходить без всякой боли и должно быть доступно человеку и тогда, когда он не проходит через страдание посвящения. Однако для того, чтобы сознательно пережить то, что, собственно, есть в человеке из бытия до рождения, — то, что еще сохранилось в нем из духовного мира и что воздействует на него сейчас, — нужно сначала пройти через бездну неизбежного, я сказал бы, вселенского страдания, вселенской боли.

И тогда-то мы обогащаемся опытом нашего возрождения в совершенно другом существе, тогда-то мы только и учимся превосходящей все наивысочайшей любви, заключающейся в том, что действительно мы забываем о самих себе не абстрактно, но способны совершенно пренебречь собой и перейти в другого. И если такая любовь приходит в связи с высшим, инспиративным познанием, то, собственно, лишь тогда мы получаем возможность со всем жизненным теплом, со всей задушевной искренностью, со всей проникновенностью сердца, что, естественно, само по себе является чем-то душевным, вступить в мир духовный. И если мы хотим дальше двигаться по пути познания, мы должны осуществить это. В этом смысле любовь должна стать силой познания. Потому что когда любовь, выступая в качестве способности познания, достигает определенной высоты, определенной силы, то тогда, пройдя через ваше доземное бытие, вы вступаете в свою прежнюю земную жизнь. Миновав все, что вы прошли в промежутке между вашей последней смертью и нынешней земной жизнью, вы проникаете в вашу прежнюю земную жизнь, в то, что называется предыдущим воплощением.

Видите ли, в то время вы также ходили по Земле, само собой разумеется, в физическом теле. Но от всего того, что у вас было тогда как физическое тело, ничего не сохранилось. Все это поглощено стихиями Земли, ничего от него не осталось. То, что в то время было вашим внутренним существом, совершенно одухотворилось и живет в вас в совершенно духовной форме.

Поистине, наше "Я", проходя сквозь врата смерти, проходя сквозь духовный мир к новой земной жизни, совершенно одухотворяется. И тот, кто надеется постичь это "Я" при помощи обычных сил повседневного сознания, тот не сможет сделать этого. Его можно постичь, если только любовь в высшей степени усилена таким образом, как я изложил. Ибо тот, кем мы были

в прежней жизни, равным образом находится уже вне нас, как вне нас — всякий другой человек в этой жизни. Такая же степень внеположного бытия присуща нашему "Я". Несомненно, что это "Я" становится тогда нашим достоянием. Мы переживаем его как самих себя, но сначала должны научиться любить так, чтобы в этой любви не было совсем ничего эгоистического. Это было бы чем-то ужасным, если бы мы в обычном смысле слова влюбились в свое прежнее воплощение. Наша любовь должна в высшем смысле усилиться, так чтобы мы могли переживать именно это наше предыдущее воплощение в то же время и как инобытие. И когда сила познания посредством пустотного сознания восходит до силы познания посредством превосходящей все другое любви, тогда нам удастся подойти к четвертому началу человеческого существа, — к его подлинному "Я".

У человека есть физическое тело. С помощью этого тела каждое мгновение он живет в нынешнем физическом мире Земли. У человека есть эфирное тело. Благодаря ему он живет, собственно, непрерывно, начиная с того момента перед рождением, когда он собрал свое эфирное тело из всеобщего мирового эфира. Наконец, у человека есть астральное тело. Благодаря ему он живет на протяжении всего своего бытия между прошлой смертью и нынешним нисхождением на Землю. И затем у него есть его "Я". Благодаря ему его жизнь охватывает и прошлую земную жизнь. Поэтому, когда мы касаемся состава человека, мы должны говорить о его протяженности во времени. Наше прежнее сознание "Я" мы несем теперь в себе подсознательно. Но как мы несем его в себе? Если вы хотите исследовать это, обратите внимание на то, — и это будет также одним из путей, каким подступают к "Я", — что здесь, в физическом мире, человек является не только «твердым» телом, не только «жидким» человеком, не только «воздушным» человеком, но что человек является и «тепловым» организмом. На элементарном уровне это и так знает каждый: измеряя температуру, вы получите разные показания в зависимости от того, в каком месте организма вы ее измеряете. Это относится ко всему человеческому организму. Различна температура головы, верхней части тела, у большого пальца ноги, совершенно другая внутри — в печени и в легких. Вы ведь — не только то, что видите нарисованным в анатомическом атласе в виде твердых форм: вы — жидкий организм, находящийся в постоянном движении, вы — «воздушный» организм, который пронизывает вас, как если бы вас пронизывало могучее симфоническое, органически-музыкальное начало. А кроме того вы состоите из изменчивого, дифференцированного в отношении тепла и холода образования, из теплового организма, и внутри этого теплового организма живете вы сами. Это вы и чувствуете. В конце концов вы ведь не особо сознаете, что, живете, скажем, в вашей большой берцовой кости или другой кости, не осознаете сколько-нибудь заметно, что живете в вашей печени или же в текущих по кровеносным сосудам соках. Но то, что вы живете в вашем тепле, это вы сознаете весьма явственно: даже если вы не классифицируете это тепло, не говорите себе: вот моя тепловая рука, вот моя тепловая нога, вот моя тепловая печень и так далее: все это существует, и если наступает нарушение, если нет нормальной, присущей человеку дифференциации в тепловом организме, вы ощущаете это как заболевание, как боль. Когда созерцают эфирное, когда развитое сознание проникает к образности, к имажинации, перед человеком встают созидательные образы. Воспринимая астральное, слышат музыку мировых сфер. Она подступает к человеку или же пробивается из нас. Потому что наше собственное астральное тело ведет нас назад, в наше предземное бытие. И если мы идем дальше по пути познания, возвышающегося до интенсивнейшей любви, когда сила любви становится силой познания, когда сначала мы видим свое собственное бытие из нашей прошлой земной жизни вливающимся в нашу нынешнюю земную жизнь, тогда мы чувствуем эту предшествовавшую земную жизнь в правильном распределении тепла в тепловом организме, внутри которого мы живем. Это — истинная интуиция. Тогда мы живем

внутри этого. И когда в нас возникает какой-нибудь импульс, побуждающий нас сделать то или иное, то он ведь приходит не только из духовного мира, как это бывает в астральном теле, но из гораздо большего отдаления — из нашей прежней земной жизни. Прежняя земная жизнь действует в теплоте вашего организма и порождает то или иное побуждение. Если в «твердом» человеке земной стихии мы видим физическое тело, в «жидком» — эфирное тело, в «воздушном» — астральное тело, то в «тепловом» элементе человека мы созерцаем собственное "Я". "Я" нынешнего воплощения никогда не бывает «готово» — оно только формируется. Истинное, глубоко в подсознании действующее "Я" — это "Я" прошлой земной жизни. И перед созерцающим сознанием человек, которого вы встречаете, выглядит таким образом, что вы говорите: вот он стоит передо мною, сначала я вижу его таким, каков он стоит передо мной моими внешними чувствами. Затем я вижу его эфирное тело, я вижу астральное тело, но затем я вижу за ним другого человека, которым он был в прежнем воплощении

В действительности, чем дальше развивается это сознание, тем больше для него проявляется, — в перспективе это вырисовывается так (рисует): голова человека нынешнего воплощения, несколько выше — голова человека предыдущего воплощения, еще выше — голова человека еще более раннего воплощения. В цивилизациях, которые благодаря инстинктивному сознанию еще предчувствовали такие вещи, вы обнаружите рисунки, на которых за отчетливо нарисованным ликом, относящимся к данной земной жизни, виден другой, менее отчетливо прорисованный лик, и третий — еще менее отчетливый. Существуют такие египетские изображения. Кто видит, как за присущим в настоящий момент человеком возникает человек прежней и еще более дальних инкарнаций, тот понимает эти изображения. И только тогда разговоры о "Я" человека как четвертого начала человеческой природы являются реальными, когда бытие человека одновременно охватывает и его прежние инкарнации.

Все это действует в «тепловом» человеке. Инспирация может еще приходиться к человеку как изнутри, так и извне. В тепле же мы сами находимся внутри. Это — интуиция, подлинная интуиция. Тепло мы переживаем внутри себя совершенно по-другому, чем что бы то ни было.

Но теперь вы приближаетесь к тому, что составляет великую загадку именно для нынешнего человека, беспристрастно, с чистой душой относящегося к своей деятельности. Я уже говорил об этой загадке. Я говорил, что мы чувствуем моральный долг в отношении определенных принципов, данных нам чисто духовно. Мы хотим им следовать. Но как передается в кости и в мускулы то, с чем мы чувствуем себя морально связанными, этого мы сначала усмотреть не в состоянии. Однако если нам известно, что мы несем в себе наше "Я" из прежнего воплощения, ставшее уже совершенно духовным, что это "Я" действует на тепло, влияя на него, то в «тепловом» человеке мы имеем связующее звено. Моральные побуждения действуют круглым путем через "Я" прежней инкарнации. Только здесь вы получаете мост от морального к физическому. Но вы не отыщете никакого перехода, если будете наблюдать одну только современную нам природу и человека как фрагмент этой природы.

Ибо, созерцая современную нам природу, вы можете сказать следующее: ну, хорошо, там, вовне — природа; человек поглощает ее вещества, «строит» из них свой организм, — так по-детски наивно представляют эти вещи, — и таким образом является составленным из природных веществ фрагментом природы. Хорошо. Но тут вдруг человек чувствует: есть ведь еще и побуждения морального свойства, и он должен руководствоваться ими. Допустим, ему следует сделать хотя бы один лишь шаг в духе этих моральных импульсов. Хотел бы я знать, как этот фрагмент природы собирается справиться с этим? Камень этого не может, кальций не умеет, хлор не в

состоянии, кислота бессильна, азот беспомощен, — все они этого не могут. Но составленный из всего этого человек почему-то должен мочь: ощущая побуждения нравственного характера, он руководствуется ими, несмотря на то, что состоит из компонентов, к этому не способных.

Но в этой мозаике, в этом конгломерате возникает нечто, — главным образом, на кружном пути, через сон, — нечто, что проходит через смерть и становится все более и более духовным, и в следующий раз вступит в тело. Но оно уже есть и в данном теле, поскольку приходит из предыдущей инкарнации. Оно стало духовным. Оно воздействует на воплотившееся. То, что выглядит мозаикой из земных веществ, будет действовать в следующей инкарнации в «тепловом» человеке. Так нравственность из одной земной жизни «перетекает» в другую.

Здесь мы постигаем переход от физической природы к духовной и обратно — от духовной к физической. Имея дело с одной земной жизнью, это невозможно, если только не предаваться душевно-духовной нечестности в познании или если в отношении всего этого не одурманить себя.

Видите ли, то что мы считаем стихиями земного мира — «твердую» земную, «жидкую», «воздушную» или «газообразную», «тепловую», — все это насквозь пропитано физическим (это оно в беспримесном виде), эфирным, астральным и силами "Я". Таким образом мы получаем связанное с мировым бытием, с Универсумом, подразделение человеческого состава. И можно представить себе, в какой мере человек является фрагментом времени, а не одного лишь пространства. Фрагментом пространства он является лишь в отношении своей физической телесности. Но прошлое для духовного рассмотрения является неким непреходящим настоящим. Настоящее в то же самое время является истинной вечностью.

То, что я вам изложил, было уже когда-то содержанием инстинктивных форм сознания человека. Если мы правильно поймем древние писания, то обнаружим, что в них жило сознание указанного четырехуровневого строения человека в его соотношении с миром. Но за многие века человеческой истории это знание было утеряно человеком. Иначе он никогда не развил бы свой интеллект до сегодняшнего состояния. Но как раз теперь мы снова подошли к такому моменту в развитии человечества, когда опять должны от физического продвинуться к истинно духовному.

Шестая лекция

Дорнах, 3 февраля 1924 г.

СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ МИРОВЫЕ МЫСЛИ В ВЫДЫХАЕМОМ ВОЗДУХЕ. ДЕЯТЕЛЬНОЕ "Я" В ТЕПЛОМ ОРГАНИЗМЕ

Рассматривая ход земной жизни человека, мы обнаруживаем, что он проходит в своего рода ритме, выражающемся в смене состояний бодрствования и сна. С этой точки зрения — сна и бодрствования — надлежит рассматривать и то, что говорилось на последних лекциях о составе человека. Рассмотрим же чисто внешне то, что здесь наличествует, я бы сказал, средствами обычного сознания. Имеющиеся в бодрствующем человеке внутренние жизненные процессы протекают исключительно подсознательно или неосознанно. В бодрствующем человеке мы имеем то, что нам известно как чувственные впечатления: то отношение к земному и внеземному окружению, которое передается чувственными впечатлениями, — и далее, в бодрствующем человеке мы указали на проявления в нем волевой природы. Способность человека двигаться — это проявление его волевых побуждений.

Рассматривая человека извне, мы обнаруживаем, что внутренние жизненные процессы, протекающие для бодрствующего человека в сфере неосознанного, продолжаются и во время сна. Мы обнаруживаем, что деятельность внешних чувств и опирающееся на нее мышление во время сна подавлено. Мы обнаруживаем, что во время сна подавлено и проявление воли, а также то, что связывает ее с мышлением, что стоит некоторым образом

между ними, — деятельная жизнь чувств.

Если мы просто непредвзято рассматриваем эти полученные посредством обычного сознания данные, то, не потакая тем или иным предрассудкам, мы должны будем сказать себе: процессы, которые следует обозначить как душевные, и процессы, разыгрывающиеся между душевным миром и миром внешним, — все они прекращаются во сне. Самое большое, что доносится из глубин сна — это жизнь сновидений. Мы, разумеется, не вправе предполагать, что с каждым пробуждением душевные процессы каким-то образом заново создаются из ничего. Без всякого сомнения, даже для обычного сознания это была бы нелепая мысль. Для непредвзятого же наблюдения не остается ничего иного, как предположить: все, что является в человеке носителем душевных процессов, существует и в состоянии сна. Но тогда мы должны признаться себе, что носитель душевных процессов во время сна не действует в существе человека, — то есть в существе человека не действует то, что вызывает в его восприятиях сознание о внешнем мире и что побуждает это сознание о внешнем мире к мышлению; и равным образом в существе человека не действует то, что посредством воли приводит в движение тело, как не воздействует на человека и то, что побуждает обычные органические процессы рождать ощущения.

Во время бодрствования мы, конечно, осознаем, что на наш организм воздействуют мысли, хотя с помощью обычного сознания мы не усматриваем, каким образом мысль или представление вливаются в мышечную и в костную систему, передавая им волю. Но мы осознаем это воздействие душевных сил на нашу телесность и должны признать, что во время сна отсутствует именно это воздействие души на жизнь нашего тела.

Отсюда уже на основании чисто внешних данных можно сказать: сон что-то отнимает у человеческого существа. И теперь следует только спросить: что же отнимает сон у человеческого существа? Если мы посмотрим сначала на то, что обозначили как физическое тело человека, то физическое тело и во время сна, как и во время бодрствования, не перестает оставаться деятельным. Но и все процессы, которые мы охарактеризовали как процессы, свойственные эфирному организму, также продолжают и во время сна. Человек во время сна продолжает расти. Внутренне он продолжает ту деятельность, которая связана с питанием, вернее, с перевариванием продуктов питания. Во время сна он продолжает дышать, и так далее. Все эти виды деятельности не могут быть приписаны физическому телу, потому что с превращением физического тела в труп они как раз прекращаются. Тогда физическое тело поступает в распоряжение внешней земной природы. А она действует разрушающим образом. Но то, что действует разрушающим образом, во время сна еще не одолевает человека. Значит, в человеке имеется какое-то противодействие распаду физического тела. Отсюда мы уже на основании чисто внешних данных должны прийти к выводу: эфирный организм имеется в человеке и во время сна

Из предыдущих лекций мы знаем, что этот эфирный организм можно реально познать посредством имажинации. Можно переживать его в образах совершенно так же, как посредством чувственных впечатлений мы воспринимаем физическое тело. Мы уже знаем также, что то, что можно назвать астральным организмом, переживают посредством инспирации.

Не будем в данном случае оставаться при умозаключениях — мы можем сделать и это, но лучше выведем эти умозаключения об астральном теле и организме "Я" после того, как перед вами предстанут данные действительных наблюдений, доступных для развитого сознания.

Вспомним, что мы говорили о действии астрального тела в человеке. Оно действует посредством воздушной стихии, газообразного начала в человеческом организме. Так что во всем, что совершается в человеке как действие, как импульс воздушного, мы прежде всего имеем дело с астральным телом.

И мы знаем, что самым существенным в этой деятельности астрального тела в воздушном элементе является прежде всего дыхание, и уже из обычного опыта знаем, что нужно различать вдох и выдох. Далее, мы знаем, что вдох является для нас живительным процессом. Вдыхая, мы извлекаем из окружающего воздуха живительные силы. Но мы знаем также, что возвращаем окружающему воздуху уже не живительный элемент, но, напротив, умерщвляющий. Говоря научным языком, мы поглощаем кислород, а выделяем углекислый газ. Но только это нас меньше интересует. Нас интересует как раз известное из повседневного опыта: мы вдыхаем то, что дает жизнь, а выдыхаем то, что умерщвляет.

Теперь все дело в том, чтобы применить высшее познание, протекающее в форме имажинации, инспирации и интуиции, — о чем мы говорили в последние дни, — применить инспиративное познание к жизни человека во время сна, чтобы действительно выяснить, имеет ли здесь место нечто, делающее справедливым выведенное нами с необходимостью умозаключение, что от человека что-то отделяется во время сна.

На этот вопрос можно ответить, только получив ответ на другой вопрос: если существует нечто, присущее человеку, но находящееся вне его, когда он спит, как тогда соотносится с человеком то, что находится вне его?

Допустим, посредством тех внутренних душевных упражнений, которые я охарактеризовал, человек достиг того, чтобы с помощью инспирации нечто могло вступить в его пустотное сознание. Он обладает возможностью иметь инспиративное познание. В это мгновение у него кроме того появляется возможность вызвать состояние сна искусственно, но таким образом, что это как раз состояние не сна, но состояние, при котором находятся в полном сознании, — состояние инспирации, когда в человека вливается духовный мир.

Здесь мне хотелось бы все это изложить как можно более доступно. Представьте себе: тот, кто добился такого инспирированного сознания, может как бы в духовно-музыкальном элементе ощутить проникновение в себя мировых существ — ощутить проникающую в него речь духовных существ Вселенной. При таком инспиративном познании человек приобретает определенный опыт. А это позволяет ему, в свою очередь, сказать: да, он — этот опыт — обуславливает нечто своеобразное; этот опыт обуславливает для меня следующее: то, что по моему предположению, уходит из человека, когда человек спит, уже не является чем-то неведомым для меня. То, что при этом происходит, на самом деле можно сравнить вот с чем.

Представьте себе, десять лет назад вы пережили какое-то событие. Вы забыли о нем. И вот по какой-то причине переживание десятилетней давности вы вспомнили снова. Таким образом, вы вновь вернули в сознание находившееся вне него давнее переживание — применив какой-нибудь мнемонический прием или иным подобным способом. Оно теперь внутри сознания. То, что было вне вашего сознания, но все же оставалось каким-то образом связанным с вами, вы снова вернули в сферу вашего сознания.

Такое происходит с тем, кто пришел к более сокровенной форме сознания и достиг инспирации. Перед ним начинает «всплывать» то, что происходило в состоянии сна, как прежде всплывали в памяти различные переживания. Единственное отличие в том, что переживания, оживающие в памяти, однажды присутствовали в сознании. Переживания случившегося во время сна прежде в сознании не было, но при инспирации оно входит в него так, что человеком овладевает чувство, будто он вспоминает о чем-то пережитом им в этой земной жизни, хотя и не вполне осознанно, и оно вступает в сознание как воспоминание; и тогда нам открывается, — как открывается с помощью воспоминания когда-то пережитое нами, — что происходит во время сна. Итак, в инспиративном сознании попросту всплывает переживание того, что существует вне человека во время его сна, и что-то неведомое превращается в нечто знакомое. И мы учимся познавать, что, собственно говоря, совершает во

время сна это нечто, ускользающее от человека, когда он спит.

Если бы вы претворили в слова то, что вы переживаете при дыхании в состоянии бодрствования, вы бы сказали: благодаря тому элементу, который я вдыхаю, я становлюсь внутренне пронизан жизнью, но тот элемент, который я выдыхаю, никак не мог бы способствовать жизни, ибо он — нечто умертвляющее.

Но если во время сна вы находитесь вне вашего тела, как находились до того внутри, то выдыхаемый вами воздух превратится для вас в исключительно привлекательный элемент. Во время бодрствования вы не обращали внимания на переживания, которые возможны в связи с выдыхаемым воздухом, потому что вы тогда обращали внимание только на вдыхаемый воздух, дававший вам живительное начало именно тогда, когда вы своей душой находились внутри физического тела. Но то же самое, и даже еще более возвышенное чувство вы испытаете по отношению к воздуху, которого вы избегали, когда его концентрация в какой-нибудь комнате становилась слишком высокой. Вы говорите о том, что вам неприятен этот выдыхаемый воздух. Физическое тело тоже не может выносить его во время сна, но то душевно-духовное существо, что находится вне тела, оно, говоря научной терминологией, дышит как раз тем углекислым газом, который мы выдыхаем. Однако это процесс духовный. Это вообще не процесс дыхания. Это — впитывание впечатления, которое производит выдыхаемый воздух. Но не только это. В этом выдыхаемом воздухе вы, во-первых, остаетесь и во время сна в связи с вашим физическим телом. Вы принадлежите к нему, поскольку можете себе сказать: оно выдыхает этот «умертвляющий» воздух, и это — мое тело. Вы говорите это себе неосознанно. Вы чувствуете себя связанными с вашим телом благодаря тому, что оно возвращает вам воздух, которым дышит, в этом «умертвляющем» виде. Вы ощущаете себя всецело в выдыхаемой вами атмосфере.

Но то, что вы тут выдыхаете, постоянно открывает вам тайны вашей внутренней жизни. Вы воспринимаете их — для обычного сознания, находящегося в состоянии сна, конечно, бессознательно, — со стороны вашей внутренней жизни. Выдыхаемый воздух рассеивается, выходя из вас. И этот выдыхаемый воздух является вам таким, что вы говорите: ведь это я сам, это моя внутренняя человеческая сущность, и она расходится, выходя из меня, во Вселенную. И ваш собственный дух, текущий в выдыхаемом воздухе вам навстречу, является вам как нечто солнечное.

Теперь вы знаете, что астральное тело человека, находясь внутри человека, получает свое удовольствие во вдыхаемом воздухе и использует этот вдыхаемый воздух в подсознательной сфере для того, чтобы стимулировать органические процессы, пронизывая их внутренней динамикой. Но теперь вы знаете также и то, что астральное тело, когда вы спите, попросту находится вне вашего физического тела и воспринимает — в виде ощущений — в выдыхаемом воздухе тайны вашей собственной сущности.

Когда, распространяясь, вы выходите в Космос, душа неосознанно, — осознанно только в инспирации, — взирает на то, что является в вас внутренним процессом.

И тогда возникает удивительное впечатление. Такое впечатление, как будто из некоего мрака (рисует) выделяется то, что выступает навстречу спящему, как будто на заднем фоне мрак, и в этом мраке появляется, по-другому это нельзя выразить, нечто светящееся — выдыхаемый воздух. Сущность же того, что здесь является во тьме, мы узнаем благодаря тому, что при его появлении нас оставляют повседневные мысли и в бьющем из нас потоке словно всплывает то, что можно назвать вершащими мировыми мыслями, объективными творящими мыслями. Сначала — мрак, затем — струящийся свет, в котором постепенно возникают творящие мысли. Тот мрак, что здесь явлен, — это тьма, простирающаяся над обыкновенными повседневными мыслями, над мыслями, зарожденными в нашем мозгу. Тут мы

получаем отчетливое впечатление: то, что для физической земной жизни считается нами наиболее важным, стоит нам выйти из физического тела, тут же тускнеет, и гораздо интенсивнее, чем можно предполагать при обычном сознании, мы замечаем, что мысли эти зависят от физического орудия, от мозга. Мозг, так сказать, удерживает обыденные, повседневные мысли, словно приклеивая их к себе. Там, вне тела, нет необходимости думать в том смысле, как думают в повседневности. Ибо там мы видим мысли, пронизывающие то, что нам является в качестве нас же самих в исходящем из нас воздухе. Таким образом, инспиративное познание обнаруживает, что во время бодрствования астральное тело находится в физическом, и сразу же начинает исполнять подобающие ему в физическом теле отправления при помощи вдыхаемого воздуха; и что астральное тело, будучи во время сна человека вовне, воспринимает впечатления, производимые собственным существом человека. Во время бодрствования мир, образующий плоскость горизонта, на которой мы стоим, и смыкающий над нею небесный свод, составляет наш внешний мир; во время сна внешним миром для нас является тот, что прежде был миром внутренним, — тот, что заключался внутри нашей кожи. Только мы сначала чувствуем то, что струится к нам в нашем дыхании. Сначала мы имеем дело с внешним миром, переживаемым в чувства.

Далее происходит еще кое-что. Во время бодрствования человек не осознает того процесса, что примыкает к дыханию: процесса циркуляции, кровообращения. Этот процесс во время бодрствования остается бессознательным. Теперь же во время сна он начинает весьма осознаваться. Он всплывает как совершенно новый мир, а именно, мир, не только чувствуемый, но мир, который мы начинаем постигать под другим углом зрения, нежели обыденным сознанием мы постигали предметы внешнего мира. Так же, как во время повседневной жизни мы смотрим на процессы, происходящие во внешней природе, так инспиративным сознанием мы взираем — при том, что воля как жизненный процесс у всякого спящего остается в сфере бессознательного, — на процесс кровообращения. Теперь мы научаемся постигать, что все то, что мы развиваем посредством воли, остающейся для обыденного сознания именно бессознательной, имеет в нашем внутреннем существе соответствующий сопряженный с ним процесс — негатив, противонаправленный процесс.

Когда вы делаете шаг вперед, происходит не только то, что вы осознанно переносите ваше тело на другое место, но происходит и другое: в недрах вашего существа разыгрывается тепловой процесс, воздействующий на воздушный элемент. Это — самый внешний отпрыск всего класса процессов обмена веществ, что подобным образом разыгрываются внутри вас в связи с кровообращением. В то время, как в обыденном сознании вы наблюдаете внешнее передвижение человека в пространстве как проявление его воли, теперь вы смотрите в самих себя и находите исключительно процессы, происходящие в том внутреннем естестве человека, которое стало теперь вашим внешним миром.

Этот процесс, на который вы теперь взираете, совершенно не то, что констатируют, опираясь на обычную анатомию, естествоиспытатели и врачи. Нет, это — грандиозный духовный процесс, процесс, скрывающий в себе невообразимо много тайн, процесс, уже сам по себе показывающий, что, по сути дела, подлинная движущая сила, действующая в недрах естества человека, совсем не совпадает с его нынешним "Я". То, что человек в обиходе называет своим "Я", — ведь это всего лишь идея, и только. То же, что действует в человеке — это "Я" его прошлых земных жизней. И во всех этих внутренних процессах (особенно в процессах тепловых) вы видите, что в недрах человека из далеко отстоящих времен действует реальное "Я", которое прошло период развития между смертью и новым рождением: в человеке действует чисто духовная реальность, и самый слабый, и самый интенсивный обмен веществ суть проявления именно высшего существа, высшей сущности

человека.

И вы приходите к тому, что "Я" сменило арену, на которой действовало. Оно проявляется внутри человека, перерабатывая в дыхание механические процессы вдоха и выдоха. Но отдельно от дыхательных процессов вы затем рассматриваете тепловые процессы извне и видите деятельное "Я" в его целостности, видите, что начиная с прадревних времен оно действует как реальное "Я" человека и, по сути, вершит его устройство.

Теперь вы начинаете понимать, что во время сна "Я" и астральное тело фактически покидают физическое и эфирное тело человека, оказываясь вне их, и все, что прежде переживалось и осуществлялось изнутри, вы теперь переживаете и производите извне. Но дело в том, что для обычного сознания организм "Я" и астральный организм еще слабы, еще слишком не развиты, чтобы пережить все описанное осознанно. Инспирация лишь в том и заключается, чтобы так внутренне организовать "Я" и астральное тело, чтобы они могли воспринимать то, что прежде восприятию не было доступно.

Поэтому фактически можно сказать: посредством инспирации мы приходим к тому, чем в человеке является астральное тело, посредством интуиции — к тому, чем в человеке является его "Я". Интуиция и инспирация во время сна имеются в "Я" и в астральном теле в подавленном состоянии; когда же они пробуждены, человек посредством них созерцает себя извне. Но что это, в конце концов, такое — созерцание себя извне?

Вспомните о том, что я уже сказал. Я говорил вам: вот человек в его современном воплощении (справа и в центре рисунка). Если он развивает имагинацию, то видит свое эфирное тело как нечто уходящее за пределы момента рождения, точнее, зачатия (желтый справа); но его астральное тело посредством инспирации приводит его к тому времени, которое протекло между его последней смертью и нынешним рождением (красный). А интуиция ведет его еще дальше назад к прежней земной жизни (желтый слева).

Когда же вы спите, это не означает ничего иного, как то, что вы перенесли находившееся до этого в физическом теле сознание назад, в прошлое, вы переместили его, вы вернулись с ним назад. Таким образом, сон — это, собственно говоря, движение вспять во времени, к бытию, о котором я уже говорил, что для обыденного сознания оно представляется прошедшим, но тем не менее существует. Вы видите, что и тут, если мы хотим прийти к пониманию духовного, нам нужно изменить все понятия сравнительно с теми, какие обычно употребляются в физической жизни. Итак, нужно, собственно, осознать, что сон всякий раз является возвращением в те сферы, которые мы прошли в предземном бытии, или даже возвращением в прежние воплощения. Спящий действительно переживает, — хотя и не может этого постигнуть, — то, что он пережил в прежних инкарнациях, а также то, что он пережил в предземном бытии.

Нужно проделать полную метаморфозу понятия времени: оно должно стать совершенно другим. Если мы теперь спросим кого-нибудь: где же человек находится, когда спит? — то нужно ответить: он, по сути, вернулся в свое предземное бытие или даже в прежние земные жизни... Популярно говоря: человек находится вне своего физического и эфирного тела. Реальностью же при этом является то, что я вам изложил. Вот что представляет собой ритмическое чередование состояний бодрствования и сна.

Совсем другие соотношения устанавливаются со смертью человека. Тут прежде всего бросается в глаза, что человек оставляет свое физическое тело в пределах земной жизни — тело это принимается силами физического мира и расплывается, уничтожается. Это физическое тело уже не может теперь вызывать впечатления, описанные мною, — впечатления, выступающие перед спящим человеком благодаря выдыхаемому воздуху, ибо тело уже больше ничего не выдыхает. Физическое тело, так сказать, в своем устройстве для самого человека теперь потеряно. Но что-то не утрачено; и то, что не

утрачено, можно понять, даже опираясь лишь на обыденное сознание. Наша душевная жизнь включает мышление, чувствование и воление. Но кроме мысли, чувства и воли мы имеем еще нечто особенное. Это воспоминание. Мы думаем не только о том, что наличествует перед нами или вокруг нас в данный момент. Наш внутренний мир сохраняет остатки пережитого. То, что мы пережили когда-то, снова приходит в голову. Да, особенно об этом феномене воспоминания примечательные обитатели Земли, называемые психологами, разработали весьма курьезные теории. Эти исследователи души говорят примерно следующее: человек пользуется своими органами чувств; он воспринимает то или другое и обдумывает воспринятое. Теперь у него есть мысли. Он отворачивается — и забывает все происходящее. А через некоторое время извлекает все это из своей памяти: вспоминается то, что когда-то было. Мы можем снова представить себе то, что в промежутке между этими двумя моментами мы себе не представляли, чего в данный момент уже нет, что уже прошло. Стало быть, полагают эти люди, происходит следующее: человек строит себе именно представление, мысль о том, что он воспринял, затем мысль эта как бы куда-то погружается, словно в душе есть шкаф с ящиками, и когда человек вспоминает, мысль выходит из этого шкафа наружу. Либо она сама собой оттуда выскакивает, либо мы ее оттуда извлекаем.

Вот вам образец путаного мышления. Потому что эта вера, будто мысль, являющаяся воспоминанием, где-то лежит, откуда ее можно извлечь, совершенно не соответствует тому положению дел, которое, собственно, обнаруживается. Только сравните непосредственное восприятие, имеющееся у вас, восприятие, с которым вы связываете мысль, — с тем, как всплывает представление-воспоминание, мысль-воспоминание. Вы ведь не отличаете первое от второго. Вы получаете извне чувственное впечатление, к нему присоединяется мысль. То, что находится за чувственным впечатлением и что вызывает в вас мысль, вы ведь обычно тоже называете неведомым. Мысль, поднимающаяся из внутреннего мира как воспоминание, — ничуть не отличается от мысли, выступающей при восприятии. Один раз перед вами, если схематически изобразить здесь человека, то тут будет окружающая его действительность (желтый); мысль выступает извне (красный), выступает из окружающей действительности. В другой раз она приходит изнутри: тогда это — мысль-воспоминание (красная стрела снизу вверх). Она только приходит с разных сторон.

Когда мы что-то воспринимаем или переживаем, то под покровом представления, под покровом мышления постоянно что-то совершается. Ведь это так: мы воспринимаем — думая. Но воспринятое погружается и в наше тело. Мысль только отделяется. Нечто погружается в наше тело, и этого-то мы не воспринимаем. Это разыгрывается, когда мы думаем о воспринятом, и из этого складывается впечатление. То, что при этом погружается в наш организм, это вовсе не мысль, а нечто совершенно другое. Но это «совершенно другое», в свою очередь, вызывает в нас процесс, который мы позднее воспринимаем и о котором мы потом формируем мысли-воспоминания так же, как формируем мысли в связи с внешним миром. Мысль всегда в настоящем. А непредвзятое наблюдение как раз показывает, что это так, что мысль не хранится где-то в ящике. Но имеется некоторый процесс, и этот-то разыгрывающийся процесс мы совместно с воспоминанием преобразуем затем в мысль, так же, как преобразовываем в мысль внешнее восприятие.

Я обременяю вас всеми этими соображениями, поскольку иначе вы никак не сможете прийти к пониманию природы воспоминания. Дети, хотя и полусознательно, знают, а иногда, в особенных случаях, знают и взрослые, что мысль никак не хочет погружаться в нас. Поэтому если мы хотим что-то заучить наизусть, то призываем на помощь совсем другие вещи. Только подумайте: некоторые декламируют вслух, другие помогают себе всякими странными жестами, когда что-нибудь зубрят. И в самом деле, суть в том, что

параллельно процессу простого представления здесь происходит еще совершенно другой процесс. И то, что мы в этом случае вспоминаем, представляет собой только самую незначительную часть всего того, что происходит.

Вы же знаете, мы постоянно, начиная с пробуждения и до засыпания, идем по жизни — впечатления сыплются на нас со всех сторон. Мы замечаем очень немногое из них, но зато они «замечают» нас, и тогда многое, многое запечатлевается в нас такого, что мы потом не вспоминаем. Там, в глубине нашего существа, таится богатейший мир, лишь жалкие фрагменты которого поднимаются в наше сознание в виде мыслей. Этот мир, реально заключенный в нас, подобен глубочайшему морю, и то, что является представлением-воспоминанием, напоминает отдельную волну. Но все это существует в нас. Видите ли, все, что таким образом существует в нас, дано нам не физическим миром. Но он не может также этого у нас отнять. И когда физическое тело отделяется от человеческого существа, то весь этот мир продолжает существовать, оставаясь в эфирном теле. Непосредственно после смерти человек в действительности хранит все свои переживания запечатленными в эфирном теле — он несет их как бы в свернутом виде.

И самое первое, что человек переживает непосредственно после смерти: что существуют не только привычные отрывочные воспоминания, являвшиеся ему прежде в его земном сознании, но существует все, что произвело на него какое-то впечатление: свою земную жизнь со всем, что в ней произвело на него впечатление, полностью человек встречает сразу же после смерти. И человек был бы обречен вечно созерцать свою прошедшую жизнь на Земле, если бы нечто другое не наступило теперь в отношении эфирного тела, подобно тому, что в отношении физического тела наступает из-за воздействия Земли и ее сил. Стихии Земли принимают физическое тело и уничтожают его. Мировой эфир, о котором я вам говорил, излучается в нашу сторону с периферии и, вливаясь в нас, распыляет все запечатленное в нас по всем направлениям Космоса. Поэтому следующим переживанием человека является то многое, очень многое, что во время земной жизни производило на него впечатление. Все это вошло в мое эфирное тело, — осознает человек. Я созерцаю все это, но созерцаю все неотчетливей. Как если бы я видел дерево, которое во время жизни произвело на меня сильное впечатление. Я сначала вижу его такой же величины, каким оно было в физическом пространстве, когда произвело на меня впечатление. Затем оно растет. Оно становится больше, но и расплывчатее: оно все время увеличивается в размерах и достигает гигантской величины, становится все больше и больше, все прозрачней и тенеподобней. И так же здесь: я знал человека в его физическом облике, и этот его облик таким, как он запечатлелся в моем эфирном теле, является мне непосредственно после смерти; но тут он начинает расти и становится все более прозрачным; и все растет и делается все прозрачней, покуда не вырастает во весь Космос и становится тем самым совершенно прозрачным, полностью исчезая.

Так проходит несколько дней. Все стало гигантских размеров, все стало совершенно прозрачным от этого гигантского увеличения в размерах и при этом, теряя интенсивность, отпадает от человека как его второй труп. Но это, собственно, значит: Космос забирает эфирное тело у человека. Теперь человек находится в своем "Я" и в своем астральном теле. И все, что было запечатлено в эфирном теле, теперь — в Космосе, все это истекло в Космос. И мы видим воздействие мира за кулисами нашего собственного бытия.

Мы приведены в мир — мы, люди. В то время, как протекает наша земная жизнь, весь мир воздействует на нас. Все, что воздействует на нас, мы некоторым образом сворачиваем в себя, как свиток. Многое дает нам мир. Мы удерживаем все это. В то мгновение, как мы умираем, мир снова забирает себе все, что он нам передал. Но тем самым он воспринимает что-то для себя новое. Все, что он нам в свое время дал, мы пережили свойственным нам

образом. То, что мир получает от нас, отличается от того, что он нам передал. Он принимает в себя все, что мы пережили. В своем собственном эфире он запечатлевает *для* себя всю нашу жизнь.

И вот мы стоим в мире, и, учитывая это переживание с нашим эфирным телом, говорим себе: действительно, мы в этом мире не ради одних себя, но у мира есть в связи с нами какие-то намерения — мир воплотил нас для того, чтобы имеющееся в нем прошло через нас и чтобы получить это назад в измененном нами виде. Будучи людьми, мы не просто существуем на свете ради себя, но, что касается, скажем, нашего эфирного тела, находимся здесь ради всего мира. Мир нуждается в человеке, ибо тем самым снова и снова он наполняется содержанием — всякий раз по-новому. Это не обмен веществ, но обмен мыслей между миром и человеком. Мир передает эфирному телу человека свои вселенские мысли и получает их обратно в проникнутой человеческим началом форме. Человек существует не ради одного себя, он живет здесь — во имя Вселенной. Эта мысль не должна оставаться всего лишь теоретической абстракцией. Да и не может. Нужно быть не живым, чувствующим человеком, но марионеткой, если эту мысль воспринять только как мысль наряду с другими, хотя я не хочу отрицать, что наша цивилизация и в самом деле склонна часто делать человека столь бесчувственным к подобным вещам, словно он какая-то марионетка. Иногда современные цивилизованные люди, пожалуй, могут показаться такими, словно они и вправду марионетки. Ведь такая мысль, исполненная эмоционального сопереживания всего мира, непосредственно смыкается с тем, от чего мы отправлялись в начале этого курса. А начинали мы с того, что сказали: человек в двояком смысле чувствует себя чуждым миру — с одной стороны, в отношении внешней природы, о которой он может сказать только, что она его уничтожит в том, что касается его физического тела; с другой стороны, внутренне в отношении своей душевной жизни, которая то разгорается, то гаснет, что опять-таки составляет для него мировую загадку. Теперь же, согласно данным духовного созерцания, человек начинает ощущать: он не только не чужд миру, но мир дает ему нечто и снова забирает для себя. Человек начинает чувствовать себя внутренне родственным с миром. Обе мысли, высказанные мной и являющиеся подлинно мировыми идеями: «О, природа, ты только уничтожаешь мое физическое тело; меня не связывает с тобой ничего родственного, ни в мысли, ни в чувстве, ни в воле — они вспыхивают в моем внутреннем мире и гаснут в нем же; в моем подлинном бытии у меня нет с тобой ничего родственного», — обе эти мысли, которые предстают нам как мировые загадки, получают совсем новое обличье, когда мы начинаем чувствовать себя родственными миру, чувствовать себя как нечто органическое внутри мира, как нечто вплетенное в мировой процесс. В этом и состоит начало антропософского рассмотрения: подружиться с миром, познакомиться с ним, с тем миром, который сначала отталкивал нас при внешнем его рассмотрении. Стать более человеческим — вот что такое антропософское познание. И кто не способен почувствовать этих нюансов души и сердца в антропософском познании, тот и самой антропософии не приметил. Ибо теоретическая антропософия есть, собственно, нечто сравнимое вот с чем: некто очень хочет познакомиться с человеком, виденным им или ставшим для него почему-то близким, а ему дают фотографию. Фотография, возможно, доставит ему какую-то радость, но она никогда не согреет его, ибо перед ним не будет живого человеческого существа.

То, что является теоретической антропософией, — только фотография того, чем, собственно, антропософия хочет быть. А она хочет быть живой. И она хочет, собственно, пользоваться словами, понятиями и идеями только для того, чтобы влить живое из духовного мира — в физический. Антропософия не хочет сообщать только знания, она хочет пробудить жизнь. И она это может. И вообще, чтобы ощутить живое, надо самому быть живым.

Седьмая лекция
Дорнах, 8 февраля 1924 г.
О ЖИЗНИ СНОВИДЕНИЙ.

ОТНОШЕНИЕ ЖИЗНИ СНОВИДЕНИЙ КО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В последних лекциях я уже обращал внимание на то, что наука посвящения должна указывать на смену состояний сна и бодрствования, известную человеку из опыта обычного сознания, и благодаря которой он действительно может обрести один из путей, приближающий его к тайнам человеческого бытия. Ведь из сна всплывает душевная жизнь, жизнь сновидений, — жизнь, которую бесспорно вправе не принимать всерьез обычное сознание, если только это обычное сознание не склонно к мистике или чему-то подобному. Жизнь сновидений с некоторым правом не принимается серьезно здравомыслящим человеком, ибо он видит, что вся эта жизнь сновидений передает ему всевозможные образы, реминисценции из обыденной жизни. И если он сравнит то, с чем знаком по обычной жизни, с жизнью сновидений, то будет вынужден держаться обычной жизни, и, само собой, действительностью будет считать ее же. Но вот приходит сновидение со своими комбинациями привычных переживаний действительности, и человек в обычном сознании оказывается не способен ответить на вопрос: что же, собственно говоря, означает эта жизнь сновидения для всего существа человека в целом?

Давайте же рассмотрим пресловутую сновидческую жизнь, как она нам дана. Тут мы можем различить два специфических, отличных друг от друга, вида сновидений. Первый вид сновидений являет перед нашей душой образы внешних переживаний. Несколько лет тому назад или недавно, несколько дней назад, мы что-то пережили. Мы пережили это определенным образом. Сновидение как по волшебству вызывает из сна более или менее схожий с внешним переживанием образ, а бывает и вовсе не схожий с ним, в большинстве даже случаев — несхожий. Если же затем человек понимает, что такое сновидение имеет некоторое отношение к внешнему переживанию, он замечает, сколь изменилось в сновидении это внешнее переживание. Чаще всего происходит так, что человек, переживая сновидение, вовсе не связывает его с тем или иным переживанием внешнего мира, поскольку сходство не бросается ему в глаза. Но если пристальнее всмотреться в жизнь сновидения, в тот вид сновидений, которые являют перед душой превращенное в образы внешнее переживание, то можно обнаружить, что в человеке есть нечто фиксирующее и эти переживания, но не способное так их удержать, как их удерживает человек, когда в бодрствующем состоянии может без ограничений пользоваться органами тела и когда в его воспоминании присутствуют образы, похожие на внешнюю жизнь, по возможности, отражающие ее. В наших воспоминаниях мы видим точные образы нашей внешней жизни, по крайней мере, более или менее точные. Существуют люди, которые в своих воспоминаниях живут как в произвольных сновидениях, однако это считается аномалией. В воспоминаниях мы имеем более или менее точные отображения жизни. В образах же сновидений мы видим измененные образы внешней жизни. Это первый вид сновидений.

Другой вид сновидений для познания жизни сновидений в общем-то более характерен. Это такое, например, сновидение, когда человек видит во сне ряд белых столбов, из которых один поврежден или, может быть, запачкан. Увидев этот сон, человек просыпается и замечает, что у него болит зуб. Тогда он догадывается, что ряд столбов как бы символически изображает собой ряд зубов. Один зуб — больной: он обозначен поврежденным или даже запачканным столбом. Или человек, увидев во сне пылающую печь, просыпается и замечает, что у него сильное сердцебиение. Или человека мучает во сне ощущение, что у него на ладони — лягушка, он сжимает ее рукой и чувствует, какая она противно мягкая, — человек содрогается и,

проснувшись, обнаруживает, что схватился рукой за край одеяла, он вцепился за его край во сне. Но можно привести еще более впечатляющие примеры. Человек видит во сне всевозможных змей — и просыпается с болью в кишечнике.

Тогда-то человек и догадывается, что существует еще один вид сновидений, в образно-символической форме передающих внутренние органы человека. В дальнейшем, раз он уже понял, как определенные сны с их удивительными образами являются символическим изображением внутренних органов, он уже учится именно в этом направлении истолковывать значение тех или иных образов сновидений.

Вот мы во сне спускаемся в погребок со сводами. Свод весь прокопченный, всюду висит паутина. Отвратительное, в общем, зрелище. Мы просыпаемся и чувствуем, что у нас болит голова. Эта головная боль, вернее, недра черепа, изображаются сводом погребка. Мы замечаем даже, как были символически изображены извилины мозга в своеобразных формах, образующих свод. Продолжая свои изыскания в этом направлении, человек обнаружит, что во сне ему могут являться все его органы таким же путем — в виде образов.

Здесь налицо даже нечто такое, что, скажу я вам, посредством сновидения весьма точно представляет внутреннюю жизнь человека. Есть люди, черпающие из снов, действительно грезя, мотивы для прекраснейшей живописи.

Тот, кто занимался изучением этих вещей, знает, какой внутренний орган изображается в подобной живописи, как он изменен и символизирован. Иногда в такой картине бывает необычайная красота. Но если художник услышит, какой орган он, собственно, символически изобразил в столь прекрасном произведении, то не на шутку испугается, ибо к этому органу человека не испытывает того же пиетета, как к своему произведению.

При внимательном рассмотрении мира снов оба вида сновидений отличаются друг от друга весьма отчетливо. В одном случае мы имеем дело с образами внешних переживаний, которые мы, будучи людьми, получили во внешнем мире, в другом — с образной передачей недр нашего организма.

Довести наблюдение мира сновидений до этой стадии сравнительно нетрудно. И большинство людей, если обратить их внимание на то, что существует два вида сновидений, несомненно припомнят, что их собственный опыт подтверждает такую классификацию.

Однако на что указывает эта классификация сновидений? Видите ли, если мы глубже вникнем в первый вид сновидений, рассмотрим специфику свойственных ему образов, то придем к выводу, что различные внешние переживания могут быть представлены похожим сновидением, и, наоборот, одно и то же переживание у разных людей может найти выражение в разных образах.

Допустим, кто-то видит во сне, как он подходит к скале. В скале — углубление, нечто вроде входа в пещеру. В эту пещеру еще проникает свет Солнца. Человек во сне входит в пещеру. Становится все темнее, вскоре воцаряется мрак. Тот, кто видит этот сон, продвигается дальше на ощупь. Он натывается на препятствие. Он чувствует, что там, внутри, — маленькое озеро. Опасность подстерегает его. Ход сновидения приобретает драматический оборот.

Такой сон может изображать самые разные внешние переживания. Одно и то же сновидение, описанное сейчас мной, может, например, относиться к тому, что видящий его некогда попал в железнодорожную катастрофу. То, что он тогда испытал, по прошествии нескольких лет выразилось в описанном сновидческом переживании, которое по своим образам очень отличается от того, что он видел на самом деле. Или же он, может быть, попал в кораблекрушение. Его мог предать друг, и так далее. Если вы сравните образ сновидения с тем, что пережито в жизни, и достаточно продвинетесь в таком его сокровенно-интимном рассмотрении, то обнаружите, что само содержание

образов сновидения, по сути, большого значения не имеет, но, напротив, очень большое значение имеет драматическое развитие, динамика происходящих во сне событий: есть ли ожидание, наступает ли разрядка или внутренний кризис. Вся конфигурация пережитых чувств превращается, претерпевает метаморфозу в жизнь сновидения.

И если, исходя из сказанного, исследовать человека в отношении его сновидений первого вида, — правда, мы не вправе делать это так, как делают психиатры, стригущие всех под одну гребенку, — то обнаружим: эти образы сновидений, прежде всего, получают тот или иной характер в зависимости от всего склада человека, от индивидуальности его "Я". Понимая сновидения — не истолковывая сны, а понимая сами сновидения, — мы во многих случаях научимся лучше понимать человека по его сновидениям, чем если бы наблюдали только за внешней его жизнью. Но, рассматривая все то, что человеческое существо получает в сновидении, мы видим: все это указывает на то, что "Я" человека переживает во внешней жизни.

И наоборот, рассматривая второй вид сновидения, мы можем сказать: явленное здесь душе в образах сновидения человек переживает исключительно во сне. Ибо в бодрствующем состоянии он переживает в лучшем случае форму своих внутренних органов с помощью данных анатомии и физиологии. Но ведь это вовсе не действительное переживание, а всего лишь внешнее рассматривание, подобное тому, как мы рассматриваем камни или растения. Так что на этом дальше не стоит останавливаться. Значит, в сознании, с которым человек проходит по жизни, он переживает внутренние органы своего организма или исключительно мало, или не переживает их совсем. Но сновидение второго вида являет ему, по сути, весь его организм, пусть и в измененных, но обязательно в образах.

Если мы теперь рассмотрим человека в жизни, то обнаружим, что вся его жизнь обусловлена, прежде всего, вмешательством "Я", в большей или меньшей степени, в зависимости от его силы воли и крепости характера, причем воздействие этого "Я" на человеческую жизнь чрезвычайно схоже с переживанием сновидений первого вида. Попробуйте как-нибудь разведать, нет ли у человека сновидений, в которых его внешние переживания были сильно, в корне изменены. Если кому-то являются такие сны, вы видите перед собой человека с очень крепкой силой воли. Если же человек видит жизнь во сне почти такой же, какова она бывает, если он не изменяет свою внешнюю жизнь в сновидениях, то это — слабовольный человек.

Таким образом, вы видите: в том способе, каким человек образует свои сновидения, выражается воздействие его "Я" на его жизнь. Зная это, нам следует связывать сновидения первого вида с "Я" человека. И если мы вспомним, как это мы узнали из последних лекций, что "Я" и астральное тело во время сна находятся вне физического и эфирного тел, то нам не покажется слишком странным, что духовная наука учит, в конце концов, тому, что находящееся вне физического и эфирного тела "Я" человека соприкасается во время сновидения с теми образами из своей жизни, с которыми во время бодрствования оно соприкасалось при помощи физического и эфирного тел во внешней действительности. Сновидение первого вида есть действие "Я" вне физического и эфирного тела.

Что же представляет собой сновидение второго вида? Само собой разумеется, оно тоже должно быть чем-то таким, что имеет отношение к существу, находящемуся во сне вне физического и эфирного тела. Это не может быть "Я", потому что "Я" человека ничего не знает о том, что сновидение показывает, как символические, образы его внутренних органов. Мы увидим, что это астральное тело человека формирует в сновидении символические образы внутренних органов, как его "Я" формирует образы внешнего переживания. Таким образом, благодаря двум видам сновидений у нас есть свидетельство относительно активности "Я" и астрального тела с момента засыпания до момента пробуждения человека.

Теперь мы можем продвинуться дальше. Теперь, когда мы знаем, что совершает в своих сновидениях слабовольный человек и что — человек, обладающий сильной волей, когда мы знаем, что слабовольный человек видит вещи во сне почти такими же, как он переживает их наяву, когда мы знаем, что человек с сильной волей перелицовывает все вещи, перемешивает их, в результате чего все приобретает сильную окрашенность его характером, — когда мы надлежащим образом исследуем все это, тогда полученное в итоге мы можем сравнить с поведением человека наяву. Тут-то мы и подходим к чрезвычайно интересным вещам. А именно, мы понимаем истинность следующего: попросите человека рассказать о своих сновидениях, следите, как один образ присоединяется к другому, как формируется сновидение. Затем, составив себе представление о характере его сновидений, взгляните на него самого, и тогда вы сможете, побуждаемые тем, что смогли представить себе по его сновидениям, составить четкое представление о том, как этот человек поступает в жизни. Тут, по сути, мы подступаем к удивительным тайнам в человеке. Мы видим, как поступает человек в жизни, знакомимся с его индивидуальностью. Мы говорим: лишь часть того, что творит этот человек, проистекает из его собственной человеческой сущности, из его "Я". Если бы все это проистекало из его "Я", то человек, собственно, делал бы в жизни то, что он видит во сне. Сильный, властный характер, если бы поступки полностью исходили из его "Я", был бы и в жизни так напорист, каким он является во сне; а тот, кто видит свою жизнь во сне почти в неизменном виде, был бы и в жизни склонен всегда тушеваться, позволяя жизни определяться самой жизнью, давая всему плыть по течению, и как можно меньше влиял бы на жизнь, то есть вмешивался в нее ровно столько, сколько и в сон.

Но откуда же берется то другое, что исходит от человека, кроме этого? Дорогие друзья мои, можно с уверенностью сказать: это делает Бог, это делают мировые духовные существа... Поистине человек не все, что делает, делает сам. Поистине он делает в меру того, как он видит сны. Все остальное совершается через него или в нем. Только в жизни мы обычно не учимся обращать внимание на эти вещи. Если бы этому научились, то поняли бы, что человек принимает активное участие в жизни в той же мере, в какой он активно участвует в своих сновидениях. Мир препятствует чрезмерно волевому человеку стать таким напористым, каким он бывает во сне. В слабом же человеке работают инстинкты, и сама жизнь восполняет то, что исходит от такого человека, чем-то, что тому не приснилось бы во сне.

Интересно наблюдать за поведением человека и спрашивать себя: что тут от самого человека, а что — от мира? От него самого в его поступках ровно столько, сколько ему может присниться. В случае со слабовольным человеком мир что-то прибавляет от себя, в случае с чрезмерно волевым — что-то отнимает. Если рассматривать сновидения под таким углом зрения, они начинают становиться чрезвычайно интересными, позволяя глубже заглянуть в существо человека.

Многое из того, о чем я здесь сказал, поняли и психоаналитики, правда, в искаженной, карикатурной форме, потому что они не в состоянии проникнуть духовным взором в подлинное становление человеческой жизни, суть человеческой природы, поэтому-то они все искажают до карикатуры.

Но из сегодняшнего рассмотрения, которое я целиком построил сообразно внешним данным, вы видите, что, если мы хотим вообще хотя бы только прикоснуться к этим вещам, мы должны продвинуться до весьма тонкого постижения души. Без него-то как раз ничего нельзя узнать о том, как сновидения соотносятся с внешней действительностью человека. Вот почему я однажды сказал: психоанализ — это дилетантизм, ибо он ничего не знает о внешней жизни человека. Но он дилетантизм еще и потому, что ничего не знает и о внутренней жизни человека. И эти два дилетантизма не просто складываются, а умножаются друг на друга, поскольку из-за незнания внутренней жизни портят внешнюю, а из-за незнания внешней жизни —

портят все, что происходит во внутренней. Если умножить d на d , получится дилетантизм в квадрате. Отсюда: психоанализ есть дилетантизм в квадрате: $dx d = d^2$.

Можно настолько глубоко прозревать человеческое существо, интимно вникая в смену состояний жизни наяву и жизни во сне, что такое наблюдение действительно приводит к науке инициации.

Возьмите теперь другое, о чем я говорил в этих лекциях: тот факт, что человек может посредством упражнений души, посредством медитаций развить свои душевные силы, продвигаясь от обычного, более или менее бессодержательного, абстрактного мышления, к внутреннему наглядному, образному, — к имагинации. Должен вам сказать, что человек с помощью этой имагинации действительно продвигается к постижению всей своей жизни, но в том виде, как она вписывается через рождение и зачатие, — собственно, еще до рождения, до зачатия, — в качестве эфирного импульса в земное бытие. В сновидении нам являются реминисценции того, что мы внешне пережили с того момента, как в данной жизни ступили на Землю. С помощью имагинации мы получаем образы, которые по характеру переживаемого в них могут быть очень похожими на образы сновидений; только в них содержатся не реминисценции из жизни, а воспоминания о том, что было перед земной жизнью.

Смешно, когда люди, не знающие духовной науки, говорят, что имагинации могут тоже оказаться снами. Они должны поразмыслить хотя бы о том, что же в таком случае снится в имагинациях. Ничего такого, что дается внешними чувствами, но содержание увиденного составляет именно то, что являет собой существо человека до того, как у него появились внешние чувства. Имагинацией человек вводится в новый мир.

Однако между вторым видом сновидений и тем, что переживается в имагинации, когда эта имагинация образуется путем упражнений, есть весьма значительное сходство. Тогда ведь переживаются именно образы, причем они переживаются со всей их отчетливостью, можно сказать, четкостью, эти мощные образы. Я бы сказал, мы переживаем целый мир, чудесные красочные образы, образы, которые столь мощны, что в сознании не остается ничего, кроме них. Если бы мы захотели их нарисовать, мы должны бы написать великолепное панно, но в нем мы смогли бы запечатлеть лишь мгновение; так нельзя нарисовать молнию — изобразить можно лишь одно мгновение, ведь все протекает во времени. Но если удержать хотя бы мгновение, мы получим грандиозную картину.

Давайте покажем ее схематически. Разумеется, здесь не будет слишком уж большого сходства с тем, что созерцается. Но чтобы получить внутреннее представление, о чем идет речь, давайте все-таки изобразим это в виде схемы.

Посмотрим на картину, которую я нарисовал лишь схематически. Она представляет собой связную конфигурацию. Она содержит самые разнообразные по форме образы. Внутренне и внешне такое зрелище представляет собой нечто грандиозное. Если мы будем все усиливать степень сосредоточения, инструмент удержания этого видения, то оно не просто мелькнет на один миг (только надо ловить этот миг с полным присутствием духа, иначе оно ускользнет прежде, чем вообще удастся его заметить; присутствие духа вообще необходимо при всяком духовном созерцании), если мы способны не только проявить минимум присутствия духа, требующегося, чтобы не упустить созерцаемое и вообще его осознать, но если мы сможем его удержать, тогда это видение начнет стягиваться и вместо того, чтобы оставаться, я бы сказал, вселенской по охвату картиной, оно будет становиться все меньше и меньше, и мы увидим, что оно погружается в поток времени. И если можно так выразиться, в мгновение ока оно складывается в нечто. Из одного образа получается человеческая голова, из другого — легкие, из третьего — печень. Физическая материя, притекающая из тела

матери, только наполняет собой то, что вступает сюда из духовного мира. Из этого получается человек. В конце концов мы говорим себе: то, что здесь представляет собой печень, мы духовно созерцаем в грандиозном образе в ее предземном бытии; и легкие человека мы духовно созерцаем в подобном же грандиозном образе в их предземном бытии. А теперь сравним увиденное с тем, что мы видим в сновидениях второго типа. И там тоже перед человеком является какой-нибудь орган тела, как я уже недавно описал, возможно, тоже в каком-нибудь великолепном образе: но по сравнению с тем, что дает имажинация, это будет все равно бледной тенью.

Так мы получаем впечатление: имажинация дает нечто, сотворенное с величайшим мастерством, сновидение же дает нечто, сработанное более топорно. Но оба указывают на одно и то же. И оба они — в духовной реальности — изображают, как устроен внутренний организм человека.

Отсюда недалеко уже до другого очень важного представления. Когда мы благодаря имажинации замечаем этого предземного человека в виде мощного эфирного образа, замечаем, как этот мощный эфирный образ словно кристаллизуется в физического человека, нам приходит на ум вопрос: а что, если образы сновидений, относящиеся к внутренним органам, начнут делать то же самое? И мы догадываемся: тогда бы возникла карикатура на человеческую печень... Человеческая совершенная печень выстроена из имажинативного образа, уводящего к предземному бытию. Но если бы в печень оформился образ сновидения, человек получил бы из него не человеческую печень, и даже не гусиную печенку, а карикатуру на печень.

Это различие позволяет действительно глубже увидеть суть человеческого существа. Потому что, видите ли, между образом сновидения и образом имажинации все же существует какое-то сходство, и это кажется очевидным. Отсюда вопрос: откуда происходит это сходство?

Но тут можно продвинуться дальше. Возьмем образы сновидения первого вида, связанные с внешним опытом. Сначала мы не находим у них с имажинативными представлениями никакого сходства. Ведь имажинативное представление приводит к предземному опыту человека, где человек не имеет никакого отношения к другим физическим людям; имажинативное созерцание приводит к отображению предземных духовных переживаний. Только представьте себе, что тем самым сказано.

Рассматривая внутренний мир человека, мы получаем впечатление, что определенные символические образы, являются ли они в имажинации или в сновидении, имеют в виду внутренние органы человека, недра человеческого организма; в противоположность этому, имажинации, относящиеся к внешним переживаниям, не связаны с тем, что содержится в организме человека, но также не связаны и с внешней земной жизнью, — они указывают на опыт предземного бытия. И рядом с ними можно поставить только переживания сновидений, соответствующие внешним переживаниям земного бытия, но не находящиеся с последними в какой-нибудь внутренней связи. Эта внутренняя связь существует для сновидений второго вида.

Что же я всем этим хотел сказать? Подобным описанием я прежде всего хотел указать на то, что существует сокровенно-интимный способ рассмотрения человеческой жизни, предлагающий подлинные загадки жизни. Это факт, что нынешний человек смотрит на жизнь чрезвычайно поверхностно. Если бы он пристальней, проникновенней взгляделся бы в нее, он заметил бы те вещи, о которых я сегодня рассказал. В некотором смысле они, конечно, встречаются ему. Только он ничего не знает о встреченном. Человек, по существу, совершенно не сознает, какое сильное влияние оказывает на его жизнь все то, что он видит во сне. Он считает сновидение чем-то мимолетным, поскольку не знает, что на один вид сновидений воздействует его "Я", а на другой — астральное тело. Но если мы рассмотрим жизнь в ее еще более радикальных проявлениях, указанные загадки станут еще более животрепещущими.

Давним участникам нашего движения подобные факты уже известны. Я только хочу еще раз указать на то, что у людей бывают такие патологические состояния, которые выражаются в том, что у человека случаются провалы памяти и он теряет связующую нить своей жизни. Я говорил уже об одном моем знакомом, который однажды, не отдавая себе сознательно в том отчета, вышел из квартиры, оставил семью, пошел на вокзал, взял билет и, как лунатик, доехал до определенной станции. На ней он сделал пересадку, снова купил билет и поехал дальше. И ездил так довольно долго. Он отправился из одного южногерманского городка. Позднее, когда занялись этим случаем, установили, что он проехал через Будапешт, Польшу, Лемберг и так далее. Наконец он обнаружил себя, — тут его сознание снова стало к нему возвращаться, — в одной берлинской ночлежке, где он в итоге нашел приют. К тому моменту, как он оказался в ночлежке, прошло уже несколько недель, которые оказались стертыми в его сознании. Он помнил только о том, что в последний раз делал, когда еще был дома, все остальное стерлось в его памяти. Все его путешествие нужно было восстанавливать по внешним фактам.

Вы видите, "Я" в этом случае совсем не присутствует при том, что человек делает. Проследив за соответствующей литературой, вы найдете сотни и сотни подобных случаев отключения сознания "Я". Но что же является причиной этого? Если бы вы занялись изучением мира снов человека, впавшего в подобное патологическое состояние, то наткнулись бы на весьма примечательные вещи. Вы прежде всего обнаружили бы, что он, — по крайней мере, в определенные моменты жизни — видел немисливо живые сны, отличительной чертой которых было то, что в сновидении он задумывал то или иное, намеревался что-то сделать.

Если вы станете изучать сновидения здорового человека, то обнаружите, что как раз такое вмешательство намерений во время сновидения или очень слабое, или его вовсе нет. Человек видит во сне всевозможные чудеса, но намерения, как правило, не играют в них никакой роли. Если же они играют какую-то роль в сновидении, то, как правило, проснувшись, человек смеется над собой.

Однако если вы исследуете людей с перемежающимся сознанием, с временной потерей сознания, если вы изучите их сны, то увидите, что именно такие люди лелеют в своих сновидениях какие-то намерения и, просыпаясь, относятся к ним чрезвычайно серьезно, — настолько серьезно, что даже чувствуют угрызения совести, если не могут исполнить наяву взлелеянные во сне намерения. Иногда эти намерения настолько нелепы и настолько неуместны по отношению к внешнему физическому миру, что они не могут исполнить их: но людей это мучает и приводит в страшное возбуждение. Это изнанка подобного отключенного сознания — чересчур серьезное отношение к сновидению, особенно к сновидению с намерениями, не к сновидению с желаниями, а именно к сновидению с намерениями.

Тот, кто обладает опытом в этой области, при случае уже видит, может ли у данного человека наступать подобная потеря сознания. Таким людям свойственно нечто, показывающее, что они не вполне бодрствуют в отношении определенных внешних и внутренних переживаний: наблюдая такого человека, мы постепенно убеждаемся в том, что каждую ночь в состоянии сна он слишком далеко выходит своим "Я" из физического и астрального тела, слишком далеко удаляется, так что уже не может принести с собой все то, что он там, вовне, переживает. Он слишком глубоко погружается в дух, чтобы все пережитое в духовном мире снова внести в физическое и эфирное тело. И, наконец, поскольку зачастую он не полностью приносит назад все то, что пережито им в духе, то и остается вне физического и эфирного тела. То, что он так глубоко переживает в духе, в конце концов удерживает "Я" вообще вне физического тела, и человек приходит в состояние, когда внутри его физического тела "Я" больше не присутствует.

В подобном радикальном случае, когда описанным образом проявляется нарушение сознания, особенно интересно наблюдать у человека жизнь сновидений. Она иная, чем жизнь сновидений обычных его современников, она, скажем так, много интереснее. Разумеется, эти интересные моменты имеют свою оборотную сторону. Но, в конце концов, как рассматриваемая извне болезнь также есть нечто более интересное, чем здоровье (разумеется, не с внутренней точки зрения самого больного, а также не в обычной жизни, но для познания существа человека), так сновидения страдающего патологией человека, патологией, описанной только что, действительно гораздо интереснее, чем жизнь сновидений, я не хочу сказать, какого-нибудь филистера, но просто нашего современника.

Тут уже заметна определенная связь между "Я" и всем миром сновидений. Я сказал бы, вы даже можете «нащупать» эту связь "Я" с миром сновидений. И здесь перед вами встают следующие вопросы: как относятся эти образы сновидений, связанные с внутренними органами, к связанным с внутренними органами имагинациям? Как с этим обстоит дело?

Так вот, внешне обнаруживается следующее: явленные в имагинации образы наших внутренних органов указывают на то, что имеется в человеке, прежде чем он получит земное тело, прежде того, как он ступит на Землю; образы же сновидений возникают тогда, когда он уже здесь. Итак, имагинации ведут назад. Образы сновидений указывают на настоящее. Но даже учитывая то, что обычному образу сновидения, указующему на какой-нибудь внутренний орган, соответствовала бы карикатура этого органа, в то время как имагинации соответствует совершенный внутренний орган, мы все же можем сказать: эта карикатура, несмотря ни на что, имеет заложенные в ней возможности вырасти в орган; изучая эту карикатуру, можно сказать, что она могла бы дорасти до совершенного органа.

Вот вам начало того рассмотрения, которое мы предпримем завтра и которое коренится в вопросе: не относится ли, может быть, то, что дает имагинация, к прошедшей земной жизни, и не является ли сновидение началом имагинации будущего? Не возникнут ли из образов сновидений, занимающих нас сегодня, те имагинации, на которые мы сможем оглядываться в будущей земной жизни? Не является ли содержание сновидения зачатком содержания будущей имагинации?

Перед нами встает этот существенный вопрос. Мы видим: то, что можно узнать из исследования сновидений, смыкается здесь с вопросом о повторных земных жизнях человека. Но вы видите также, что нужно, действительно, глубже проникнуть взором в человеческую жизнь, чем это обычно находят удобным, чтобы найти соприкосновение с тем, что говорит о существовании человека наука инициации.

С помощью такой лекции, как сегодняшняя, мне хотелось бы создать, главным образом, представление о том, сколь поверхностным является рассмотрение человека в рамках сегодняшней цивилизации, и что такое исследование должно стать во всех отношениях более проникновенным. Но такая проникновенность исследования как раз и ведет к духовной науке.

Восьмая лекция

Дорнах, 9 февраля 1924 г.

ОТНОШЕНИЕ ЖИЗНИ СНОВИДЕНИЙ К ИМАГИНАТИВНОМУ ПОЗНАНИЮ. НАКОПЛЕНИЕ ВИНЫ. ОСНОВАНИЯ КАРМЫ

Вчера я попытался показать, каким образом через более сокровенное наблюдение жизни сновидений можно приблизиться к науке посвящения. Сегодняшней моей задачей будет углубить то, что вчера я постарался обрисовать вам в общих чертах с позиции обычного сознания, рассматривая его с точки зрения имагинативного познания, то есть учитывая, как выглядят исследованные нами вчера вещи, когда их созерцает человек, способный обозревать мир в имагинациях. Для начала оставим в стороне различие между

двумя видами сновидений, возьмем сновидения как таковые. Мы войдем в суть дела, если опишем, как переживается сама жизнь имагинации, имагинативное созерцание по сравнению со сновидением человека, имеющего дар имагинации. Сравним сновидение с тем самосозерцанием, к которому приходит человек в состоянии имагинации, когда он взирает на собственное существо, когда он имагинативно рассматривает человеческие органы, будь то его собственные или же органы другого человека; либо же рассматривает органическую взаимосвязь, то есть рассматривает всего человека как единый организм. Видите ли, как мир сновидений, так и человеческий организм, физический или эфирный, выглядят для имагинативного сознания совершенно иначе, чем для сознания обычного. Человек, одаренный имагинацией, тоже может видеть сны, и его сны подчас могут быть такими же хаотичными, как и у других людей. Так что он вполне может судить о мире сновидений, опираясь на собственные переживания, ибо равно, как человек без дара имагинации с его будничным сознанием, наряду с имагинативной жизнью, внутренне упорядоченной, исполненной внутреннего света, и он погружен в жизнь сновидений. Я не раз подчеркивал, что тот, кто приходит к действительному духовному созерцанию, не становится мечтателем или сновидцем, постоянно живущим в высших мирах и не замечающим внешней действительности. Тот, кто беспрестанно пребывает в высших мирах или же все время грезит о них, не замечая действительности, не является посвященным, то есть прошедшим через инициацию: его нужно рассматривать как человека, страдающего пусть только душевной, но все-таки патологией. Действительная наука посвящения не уводит посвященных от обычной жизни в физическом мире и ее реалий, но как раз наоборот, делает человека более тщательным и более добросовестным наблюдателем, чем он был бы без способности ясновидения. Можно даже сказать, что если у человека нет интереса к подробностям обыденной действительности и он не питает интереса к отдельным обстоятельствам в жизни других людей, если он «возвышенно», — беру это слово в кавычки, — если он «возвышенно» воспаряет над жизнью и не вникает в ее частности, то одно это уже может быть знаком того, что подлинным ясновидением он не обладает. Так что человек с имагинативным сознанием, — я говорю сейчас только о нем одном, хотя, разумеется, он может обладать также инспиративным и интуитивным сознанием, — прекрасно знает жизнь сновидений из своего собственного опыта. Однако различие в восприятии снов все же остается. Обладающий имагинативным сознанием ощущает сновидение как нечто, с чем он связан, с чем он в гораздо большей степени сливается в единое целое, чем это может происходить при обычном сознании. Он способен принимать сновидение серьезнее. И, собственно, только имагинация дает право отнестись к сновидению серьезно, потому что дает возможность в известной мере заглянуть по ту сторону снов, воспринимая в сновидении по преимуществу его драматическое развитие, обострения и разрешения, его катастрофы и кризисы, и гораздо менее — содержание отдельной картины сна. На ступени имагинации содержание картины сна даже начинает терять для нас интерес. Гораздо более интересует человека то, ведет ли его сновидение к кризису, ведет ли к радости или к чему-то такому, что ему легче или тяжелее переживать, и тому подобное.

Могу лишь повторить, что человека тогда начинает преимущественно интересовать сам ход сновидения, сам драматизм сна, то есть именно то, чем обычное сознание чаще всего не интересуется. Тут мы заглядываем за кулисы сновидения. И если мы таким образом смотрим за кулисы сновидения, то замечаем, что в сновидении встречаем нечто, находящееся в совершенно определенном отношении с духовным естеством человека. Мы должны сказать: сновидение в духовном аспекте представляет собой по отношению к существу человека то же, что семя растения в отношении самого растения. Мы учимся в содержании сна, в драматизме сновидения видеть прежде всего

духовного человека в его зачаточном состоянии. И учимся понимать в таком зачатке человека то, что, по сути, чуждо нынешней жизни, — так же, как зерна растения, собранные осенью, чужды произрастанию растений этого года и произрастут лишь в будущем году. И как раз такое наблюдение сновидений производит в имажинативном сознании сильнейшее впечатление, поскольку мы все больше и больше ощущаем, как несем в себе нечто, переходящее в следующую земную жизнь, нечто, произрастающее в промежутке между смертью и новым рождением и перерастающее в следующую земную жизнь. Мы учимся чувствовать в сновидении зерно будущей земной жизни. Это исключительно важно и дополнительно подтверждается при сравнении этого специфического переживания, к тому же сильно эмоционально окрашенного, с тем, что может открыться ясновидческому созерцанию, когда созерцают отдельные телесные органы физического человека. Перед видящим имажинативным сознанием человек так изменяется, что у нас возникает ощущение, сходное с ощущением от начинающегося увядания растения, которое мы видели зеленым, цветущим и свежим. Перед лицом имажинативного сознания, рассматривая эти легкие, эту печень, этот желудок и особенно мозг человека в качестве физических органов, мы говорим: ведь все это по сравнению с духовным есть нечто увядающее.

Вы скажете, что мало приятного в том, чтобы посредством имажинации лицезреть перед собой физического человека как некое увядающее существо. Но всякий, кто знаком с наукой инициации, не станет утверждать, что наука эта существует только для того, чтобы умножать удобства человека. Она должна приносить истину, а не создавать комфорт. С другой стороны, нужно принять во внимание, что, узнавая физического человека как увядающее существо, мы в нем как раз и видим духовного человека. Вы, так сказать, никогда не увидите духовного человека, если определенным образом не познаете физическое начало как истлевающую, увядающую сущность.

Вследствие этого феномен человека не станет отталкивающим, а наоборот, станет прекрасней и в то же время истинней. И когда мы способны наблюдать постепенное духовное увядание человеческих органов, то эти физические органы с их эфирным содержанием предстают как нечто пришедшее из предыдущей земной жизни и увядающее в нынешней. Так реально приходят к представлению, что в ходе развития увядающего человека, — увядающего по отношению к его существу прежней земной жизни, — образуется зерно для будущей жизни на Земле. В наибольшей же мере увядает человеческая голова. И потому сновидение предстает имажинативному созерцанию как порождение именно человеческой головы.

Напротив того, система обмена веществ и конечности организма предстают перед имажинативным взором почти подобными обычному сновидению, то есть менее всего увядая и оказываясь — по своей форме, по своему содержанию — наиболее связанными с будущим человека; в то время, как ритмический организм, заключенный в грудной клетке, служит связующим звеном между организмом конечностей и организмом головы. Ритмическая система поддерживает равновесие.

Удивительным органом для духовного созерцания является сердце. При духовном созерцании физическое сердце увядает, но остается почти в сохранности (почти, говорю я, не полностью); выступая в духовно-имажинативном облике, оно почти сохраняется в той форме, которой оно обладает как физическое сердце, и становится лишь красивее, лишь облагоустроенней.

Поэтому известная доля истины может заключаться в том, когда духовный образ человека пытаются символизировать примерно так, что выглядящий как довольно мудрый, а пожалуй, даже старческий, лик изображают с присоединенными к нему детскими ножками и ручками, с крыльями, указывающими на удаленность от земного, — но так, что каким-то образом

всегда рисуют сердце, в очертаниях напоминающее этот физический орган.

Когда же обладают имагинативным видением человека, тогда то, что так пытаются изобразить, не будет символично в том худшем смысле, который получило все символическое в нынешней цивилизации, превратившись в нечто безвкусное, — но будет содержать элементы физического бытия, которые одновременно выделяют его из физической обыденности. Описывая духовный мир, приходится говорить несколько парадоксально, поскольку по сравнению с физическим духовный мир фактически выглядит совсем иначе, выглядит как раз парадоксально; так что можно сказать, что когда мы начинаем воспринимать человека с помощью имагинативного познания, то по отношению к голове у нас появляется чувство: ах, как остроумно ты должен теперь мыслить, чтобы не уронить себя, лицезрея эту самую голову! Когда мы в имагинативном сознании начинаем осмысливать человеческую голову, то все больше и больше кажемся себе совершенно слабоумными, ибо и с самыми хитроумными из мыслей, к которым мы привыкли в обыденной жизни, нелегко подступить к этому чудесному образованию — физическому облику головы.

Теперь же, превращаясь в духовный образ, она предстает еще более чудесной в своем увядании, являя свою форму с такой силой, ибо фактически мозговые извилины становятся увядшими, чем-то содержащими в себе глубокие тайны сотворения мира. Ведь мы глубоко заглядываем в тайны сотворения мира, когда начинаем постигать человеческую голову, и все время чувствуем, что наша голова «буксует», когда мы хотим понять, что она, собственно, такое.

Напротив, если мы хотим понять систему конечностей и обмена веществ человека посредством имагинативного сознания, то говорим себе: тут тебе не поможет твой пронизательный рассудок, тут тебе нужно спать и грезить о человеке, ибо, что касается этой системы человеческого организма, мы лучше всего постигаем человека, когда о ней грезим, — как бы спим наяву.

Как видите, приходится менять подход, когда начинаешь созерцать человека имагинативно в отношении его физической организации. Приходится быть разумным, страшно разумным, исследуя его голову. Приходится быть сновидцем, созерцая систему обмена веществ и организм конечностей. И приходится действительно раскачиваться, как маятник, туда и сюда от сновидения к бодрствованию, если мы хотим постичь ритмическую систему человека, это чудесное образование в нем. Но все это предстает чем-то оставшимся от прежней земной жизни. Так что то, что человек переживает во время бодрствования, является реликтом прежней земной жизни. И он лишь вмешивается в нынешнюю земную жизнь и дает человеку ровно столько, сколько я приписывал ему в его поступках, когда говорил: действительно сам он совершает лишь столько, сколько относительно своих поступков он грезит во сне, — остальное делают в нем боги... Таковы границы проявления настоящего. Все остальное приходит из прежних земных жизней. Вот что мы видим в человеке, созерцая его в увядающей физической организации. А если мы созерцаем то, что ему известно о себе, когда он видит сны, ночные сны, то имеем перед собой то, что он подготавливает для будущей земной жизни. Можно четко отличать эти вещи друг от друга.

Поэтому имагинативное наблюдение человека — как бодрствующего, так и спящего — непосредственно приводит к созерцанию того развития, которое переходит от одной земной жизни к другой.

Но совершенно особое место в этом как бодрствующем, так и спящем человеке занимает то душевное начало, которое мы называем воспоминанием, — то, что сохраняется в памяти человека. Понаблюдайте за вашими обычными воспоминаниями. Вы знаете: все, что вы вспоминаете, вы извлекаете из себя как мысли, как представления. Вы образуете представления о прошлых переживаниях. Вы знаете: в этих воспоминаниях переживания теряют свою жизненность, свою силу производить впечатление, теряют красочность, и так далее. В воспоминаниях переживания блекнут. Но, с другой стороны,

воспоминание все же кажется нам неразрывно связанным с существом человека, и даже больше — представляется самим существом человека. Дело лишь в том, что человек в общем-то недостаточно честен, чтобы довести это для себя до надлежащей ясности.

Но спрошу я вас: когда вы смотрите внутрь себя самих, чтобы толком понять, что вы, собственно, из себя представляете, называя себя "Я" — что это, как не воспоминание? Вы вряд ли найдете в себе, если захотите добраться до своего "Я", что-либо иное, чем воспоминания о вашей жизни. Вы, конечно, найдете эти воспоминания пронизанными своего рода активностью, но она остается тенеподобной и смутной. То, что реально является в качестве "Я", для земной жизни оказывается именно воспоминаниями.

Этот мир воспоминаний, на который стоит лишь обратить внимание, чтобы разглядеть его в его тенеподобности и призрачности, — этот мир воспоминаний — чем он становится для имагинативного сознания? Этот мир тут же расширяется, для имагинативного сознания он становится колоссальных размеров панорамой, и на ней мы обзираем в образах пережитое нами в нынешней земной жизни. Можно сказать (рисует): если это человек, а это воспоминание в нем, — то в имагинации воспоминание это тотчас же распространяется вплоть до момента рождения. Мы чувствуем себя как бы вне пространства: там все свершившееся. Обзревая всю пережитую до сих пор земную жизнь, мы рассматриваем таким образом некую панораму. Время становится пространством. Мы словно смотрим внутрь аллеи. Все происшедшее с нами мы видим на огромном панно, в панораме, и можно сказать: воспоминание расширяется, распространяется. Оно присутствует как бы в одном единственном моменте времени, когда мы переживаем его в обычном сознании. Но оно распространено во времени, когда разворачивается перед сознанием имагинативным. Для обычного сознания все действительно так: если кому-то, например, скажем, сорок, и он вспоминает о чем-то пережитом двадцать лет назад, однако не в имагинации, а в обычном представлении, то он обычно представляет себе, будто это хотя и было на значительном отдалении, пространственно отдалено — но все-таки присутствует. В случае же имагинации мы теперь знаем: пережитое осталось, оно так же никуда не делось, как никуда не пропадают деревья в конце аллеи. Оно — существует. Слово вглубь аллеи, вглядываемся мы в это панно. И понимаем, что воспоминание, присутствующее в обычном сознании, является злейшей иллюзией.

Когда то, что мы храним в обычном сознании в качестве воспоминания, принимаем за действительность, это на самом деле похоже на то, как, распилив дерево, за реальный ствол дерева принимают сечение спила. Но одно это сечение по сути — ничто. Это только образ, получающийся при распиле, ствол же находится под сечением и над ним. Реальное постигается, когда в состоянии имагинации мы воспринимаем воспоминания. Тогда мы замечаем малоценность содержания отдельной картины воспоминания. Здесь же целое содержит все вплоть до момента, близкого к моменту рождения, а при известных условиях даже за пределами этого момента. Тогда-то все прошедшее становится настоящим. Оно есть, правда, оно подчинено законам перспективы, но существует.

И если мы поняли это, если мы пришли к этому прозрению, тогда возникает познание, способное к неограниченному наблюдению; оно сообщает нам, что человек, покидая со смертью свое физическое тело, вскоре после смерти, уже через несколько дней переживает обратный обзор событий прошедшей жизни как свою закономерную, естественную жизнь. Пройдя сквозь врата смерти, человек сначала в течение нескольких дней живет тем, что созерцает эту панораму собственной жизни, созерцает в могучих образах, в сияющих, ярких, неотразимых образах.

Но теперь дело в том, чтобы в сфере имагинативного познания пойти дальше. И если мы продвигаемся в имагинативном познании дальше, то жизнь

в некотором смысле обогащается, и мы начинаем воспринимать соответствующим образом то, что прежде воспринималось иначе. Скажем, к примеру, поведение, поступки, совершенные нами по отношению к другим людям. Мы учитываем намерения, руководившие нашими поступками, нашим поведением, нашим образом действий в отношении окружающих. В обычной жизни надо всем этим можно больше или меньше размышлять, в зависимости от того, насколько неосмысленно мы в отдельных случаях поступаем. Но теперь все это перед нами. Мы получаем представление о характере своего поведения. Но то, что мы при этом воспринимаем, есть, собственно, лишь часть происшедшего. Представим себе, что мы сделали добро другому человеку или причинили ему зло. Мы усматриваем последствия благого поступка в удовлетворенности, в удовлетворении другого человека. Может быть, этим добрым поступком мы поможем ему в жизни. То есть мы можем увидеть такие последствия нашего образа действий, которые могут наступить в области физического. Если мы сделаем злое дело, мы можем увидеть, какой ущерб нанесли человеку, мы можем увидеть его недовольство, возможно, даже его физические страдания, и так далее. Если мы не отвращаемся от последствий своих поступков по отношению к другим людям, если это нам не слишком неприятно, — все это мы можем увидеть в пределах физической жизни. Но это только один аспект событий. Всякое действие по отношению к людям, да и в отношении других царств природы имеет и другую сторону. Допустим, вы сделали человеку добро. Это доброе дело обладает в духовном мире своим бытием, имеет определенное значение. В духовных мирах оно как бы согревает. Оно становится как бы очагом духовного излучения тепла. В духовном мире из доброго поступка, совершенного по отношению к другому человеку, излучается душевное тепло. Душевный холод исходит из злодеяния, совершенного по отношению к другому человеку. И действительно все обстоит так, словно мы вносим в духовный мир душевное тепло или душевный холод, в зависимости от того, как мы ведем себя по отношению к другим людям. Существуют поступки человека, которые действуют в духовном мире как светлые лучи, распространяющиеся в том или ином направлении, и другие поступки, которые действуют помрачающее. Короче говоря: из того, что мы осуществляем во время жизни на Земле, мы переживаем, собственно, только половину.

Если же мы подходим к имажинативному сознанию, то перед имажинативным сознанием, по сути, исчезает все, что и без него было известно сознанию обычному. Нанесен человеку ущерб или ему помогли, решать это — дело обычного сознания. Но то, как поступок, добрый он или злой, мудрый или глупый, действует в духовном мире в проявлениях душевного тепла, душевного холода, свечения души или помраченности ее, и так далее, — здесь возможно большое разнообразие, — все это предстает имажинативному сознанию, все это начинает в нем присутствовать. И мы говорим себе: хоть ты и не осознавал этого, когда действовал, исходя из своего обычного сознания, тем не менее все это имело место. Мы говорим себе: не думай, будто то, чего ты не сознавал, совершая поступки (что они могут быть источником светлых и согревающих душевных лучей, и тому подобного), — что если ты этого не видел, не ощутил, — не думай, будто поэтому всего этого нет. Не надо так заблуждаться. Ты все это пережил, но пережил в подсознании. Ты через все это прошел. Теперь твои глаза, душевные глаза высшего сознания, видят: помог ли ты кому добрым делом, навредил ли человеку, причинив ему зло, параллельно в своем подсознании ты пережил то, какое значение имел твой поступок в духовном мире.

И в тот момент, когда человек настолько развил свое имажинативное сознание, что оно стало достаточно интенсивным, он не только созерцает свою жизнь в виде панорамы пережитого, но и принужден заметить, что если он устранялся, избегал переживать этот другой аспект своих поступков, эту оборотную сторону своей земной жизни, он не является полноценным

человеком. И в отношении этой панорамы жизни, простирающейся вплоть до момента рождения или даже за его пределы, нам начинает казаться, будто мы неполноценны, будто у нас отняли часть нас самих. Мы все время говорим себе: ты обязан был бы все это пережить; а ты, собственно говоря, находишься в жалком положении — будто ты лишен глаза, или у тебя отняли ногу: ты же не являешься полноценным человеком. Ведь в действительности из твоих переживаний ты не испытал и половины. Вот что должно наступить в ходе имажинативного сознания — что таким образом мы чувствуем себя увечными в плане переживаний: прежде всего мы чувствуем, что обычная жизнь что-то утаивает от нас.

В наше нынешнее материалистическое время все это проявляется особенно резко, потому что нынешнее материалистическое время ничуть не верит, что человеческие поступки имеют большую ценность и значение, чем они имеют для непосредственной жизни, происходящей во внешнем физическом мире. Что в духовном мире разыгрывается нечто особенное — считается более или менее глупостью, стоит только завести об этом речь; и все же это так. И перед имажинативным сознанием выступает это чувство увечности. Мы говорим себе: ты должен действительно найти возможность пережить все то, что ты не пережил. Но это почти невозможно — это удастся лишь в мелочах, лишь в малой мере.

Но ведь это то, что налагает серьезную ответственность на человека, который глубже прозревает жизнь: что, по сути, во время земного бытия, в этой жизни он не может исполнить очень многого, что в известном смысле он вынужден выдать долговое обязательство на будущее, что он должен сказать: жизнь ставит перед нашим переживанием задачи, разрешение которых в этой земной жизни невозможно довести до конца. Надо оставить их как долг перед Вселенной и сказать: я смогу пережить это лишь тогда, когда пройду через смерть. Это очень сильное, но зачастую также и совершенно трагическое обогащение жизни, обогащение, приносимое мудростью посвящения, когда чувствуют неизбежную человеческую вину перед жизнью и видят необходимость подписать долговое обязательство перед богами, сказав: я смогу это пережить только тогда, когда умру — только тогда я смогу впервые пережить, сколько я задолжал Вселенной.

Это сознание, что внутренняя жизнь на Земле должна отчасти протекать в счет своего рода векселя на грядущее бытие после смерти, это внутреннее сознание невообразимо углубляет человеческую жизнь... Духовная наука существует не только для того, чтобы мы учились теоретически узнавать то или иное. Тот, кто изучает духовную науку, как изучают прочие науки, мог бы с большей пользой изучать поваренную книгу. Тогда бы, по крайней мере, он был вынужден смотреть на вещи не только теоретически. Ибо жизнь, главным образом, жизнь желудка и все связанное с ним, позаботятся о том, чтобы поваренную книгу принимали серьезнее чистой теории. И уж совершенно необходимо, чтобы духовная наука, когда она приходит к человеку, делала жизнь более глубокой в отношении эмоций и сердечности.

Такую глубину мы привносим в жизнь, когда, обратив внимание на то, что мы оказываемся в долгу перед богами, говорим себе: на Земле мы проходим мимо, по сути, половины жизни, поскольку она скрыта под поверхностью бытия. Если мы через посвящение ознакомимся с тем, что скрыто от обычного сознания, то сможем отчасти заглянуть в то, что мы задолжали. И тогда мы могли бы сказать: то, что мы оказываемся в долгу, можно увидеть и обычным сознанием, но прочесть выданную нами долговую расписку мы не в состоянии. Благодаря сознанию посвящения мы можем, правда, прочесть ее, но все же заплатить по ней в обычной жизни нельзя. Нужно ждать, пока не придет смерть. И если мы достигнем такого сознания, если это сознание отягченного долгом существования оживет в нашей совести, тогда мы достигнем зрелости, достаточной для того, чтобы дальше проследить панораму нашей жизни, которая, как я сказал, уводит нас вплоть до момента

рождения. И тогда мы увидим, что через несколько дней после смерти начинается следующее: придется пережить то, что было оставлено нами не пережитым.

То, что не было нами пережито, нужно будет пережить для каждого отдельного поступка, который мы совершили по отношению к людям и к миру. Первыми выступают деяния, совершенные незадолго до смерти; далее, в обратном порядке, проходится все испытанное нами в жизни. Сначала мы обращаем внимание на мировое значение поступков, злых или добрых, совершенных в последние дни жизни. Все, что мы пережили в связи с этими поступками на Земле, устраняется — теперь переживается только то, что в них имеет значение для мира.

И мы идем дальше назад. Мы переживаем снова всю жизнь, но только с конца ее до начала. И при этом мы сознаем, что в то время, когда мы еще раз переживаем жизнь с конца до начала, переживаем значение этой жизни для мира, мы еще остаемся связанными с Землей, ибо все это только другой аспект земных деяний, которые мы там переживаем.

Видите ли, там человек чувствует себя так, как если бы его дальнейшая жизнь вынашивалась в лоне Вселенной. То, что человек тут переживает, — это некоторого рода эмбриональная стадия последующей жизни между смертью и новым рождением; разница лишь в том, что как эмбрион он вынашивается не матерью, но миром — а именно миром того, что человек здесь, в физическом бытии, не переживал. Он снова переживает свое физическое бытие в обратном порядке, но на этот раз во всем его значении для мира. Он переживает его при этом в сильно раздвоенном сознании. Когда мы живем здесь, в физическом мире, и созерцаем существ, нас окружающих, то чувствуем себя, будучи людьми, по отношению к другим живым существам поистине царями. Даже если мы льва называем царем зверей, то все равно мы — люди — чувствуем себя выше его. Человек воспринимает существ других царств природы стоящими ниже него. Он может судить о других — но он никогда не приписывает другим существам способности судить о нем. Он возвышается над другими созданиями других царств природы. Совсем иное чувство охватывает человека, когда он после смерти проходит через опыт, только что описанный мной. Там он чувствует себя не перед царствами природы, над которыми он вознесен, а перед царствами духовного мира, по отношению к которым он самый низкий. Он чувствует себя низшим существом, чувствует, что все другие существа иерархически выше.

И, проходя через непережитое им до этого, он всюду ощущает существ, стоящих теперь выше него, как существ, по отношению к которым он стоит ниже. Эти существа ниспосылают свои симпатии и антипатии тому, что он переживает в связи с прошедшей земной жизнью. Там, в этом переживании непосредственно сразу после смерти, вы словно находитесь под дождем, под неким духовным дождем. Мы переживаем наши поступки еще раз, именно духовные их аспекты, но когда мы переживаем эти поступки, на нас свыше изливаются симпатии и антипатии более высоких существ, стоящих над нами. Мы как бы залиты и пропитаны симпатиями и антипатиями. Тогда нас в нашем духовном существе охватывает чувство: то, на что падают лучи симпатий возвышенных существ более высоких иерархий, воспринимается Вселенной и образует в ней в грядущем положительное начало; а то, на что изливаются антипатии высших существ, отвергается. Мы чувствуем, что это сделалось бы дурным компонентом во Вселенной, если бы мы этого не удержали в себе.

Злой поступок, совершенный по отношению к другому человеку, заливается дождем антипатий, исходящих высшими существами. И мы чувствуем: ввиду антипатий высших существ для Вселенной обернулось бы чем-то чрезвычайно дурным, если бы мы не удержали в себе того, что означает злое деяние для Вселенной, если бы мы позволили ему выйти из нас. И на этом основании мы копит в себе то, что вызывает антипатию высших

существ.

Тем самым мы закладываем основу для кармы, основу того, действие чего переходит в следующую жизнь на Земле, чтобы оно уравнилось другими поступками.

Это прохождение человеческого существа через мир душ после смерти можно описывать и с более внешней стороны, как я это сделал в моей книге «Теософия». Там все описывается в большей степени соответственно тому образу мыслей, к которому привыкли в нашу эпоху. Сейчас, когда я снова, уже в рамках Всеобщего антропософского общества предлагаю то, что в некотором смысле является как бы системным изложением антропософии, мне хотелось бы сделать это более внутренним способом, чтобы вы смогли почувствовать, что переживает человек своим человеческим существом, своей человеческой индивидуальностью в том состоянии, в котором пребывает после смерти.

Но теперь, когда мы подобным образом прозреваем эти вещи, мы можем еще раз бросить взор на мир сновидений, и сновидения предстанут нам в некоем новом свете. Если мы таким образом видим, как человек после смерти переживает духовные аспекты своих земных поступков, своего земного бытия, а также своих земных мыслей, то мы можем снова бросить взгляд на видящих сны людей, на все то, что человек переживал во время сна, и тогда говорим себе: во время сна человек один раз все это уже пережил, но только совершенно бессознательно. И тогда-то отчетливо выступает все различие между переживанием во сне и переживанием, которое имеет место после смерти.

Посмотрите на земную жизнь человека. В ней присутствуют состояния бодрствования, постоянно прерываемые сном. Так вот, представьте себе: даже если человек не любитель поспать, то около трети своей жизни он тем не менее проводит во сне. Во время этой трети своей жизни он фактически переживает, только ничего об этом не ведая, второй, духовный аспект своих деяний. Сновидение поднимает лишь едва заметную рябь на поверхности. В нем мы замечаем кое-что из этой оборотной стороны бытия, но это все равно лишь легкая рябь на поверхности. Глубокий сон позволяет, однако, бессознательно пережить все то, что является духовным аспектом дневной жизни.

И мы уже можем отметить: в сознательной жизни наяву мы переживаем то, что думают и чувствуют люди, переживаем, как мы им помогли или не помогли. Во сне же мы бессознательно переживаем, что думают боги о наших деяниях и о наших мыслях, имевших место в бодрствующем сознании, — но как раз об этом мы ничего не знаем. Поэтому тот, кто заглядывает в тайны бытия, кажется себе увечным в том смысле, как я вам описывал, — увечным и обремененным долгом. Все это остается в подсознании. После смерти все это будет проходить осознанно. И поэтому та часть жизни, которую мы проспали, будет переживаться вновь, а это означает приблизительно треть всего времени земной жизни. Когда человек прошел через смерть, он снова проживает в обратном порядке ночь за ночью, — только то, чем он ночь за ночью жил бессознательно, будет теперь переживаться осознанно. И уже можно высказать, несмотря на то, что это кажется почти насмешкой над исключительно серьезными вещами: кто проспал большую часть своей жизни, для того посмертное переживание длится дольше; тот, кто спит мало, — для того это время проходит быстрее: в среднем это составляет как раз треть, поскольку человек тратит на сон треть своей жизни. Если кто-то прожил в земной жизни шестьдесят лет, то посмертное переживание ее длится двадцать. И во время этого посмертного переживания мы проходим своего рода эмбриональную стадию в духовном мире.

Только пройдя эту стадию, мы расстаемся с Землей. Тогда оно, земное бытие, больше не опутывает нас. Только тогда мы, по существу, и рождаемся для духовного мира, в котором мы живем в промежутке между смертью и новым рождением. Тогда мы чувствуем после смерти как бы рождение для

духовного мира, отбросив скорлупу земного бытия, которой мы до сих пор духовно, разумеется, были покрыты.

Девятая лекция
Дорнах, 10 февраля 1924 г.
СПОСОБНОСТЬ ВОСПОМИНАНИЯ

Из вчерашней лекции, а равным образом из предыдущих, вы увидели, какие значительные виды открываются на все человеческое бытие и на его связь с миром, если внимательно исследовать человеческую способность вспоминать. Давайте поэтому сегодня рассмотрим эту способность саму по себе, какой она может встретиться нам в своих разных стадиях в человеческой жизни, и начнем со способности вспоминать, известной обычному сознанию, которым человек обладает между рождением и смертью.

То, что человек переживает, так сказать, в гуще жизни, что он переживает всем своим мышлением, чувствованием и волением, что он испытывает, подчас пуская в ход и физическую силу, — все это человек претворяет в воспоминания, и время от времени в своей душевной жизни он возвращается к образам того, что испытал.

Но сравните эти образы воспоминаний, — всплывающие непроизвольно или же подконтрольно, — своим бытием теней сопоставимых разве что с мыслями или представлениями, — сравните все это с теми полнокровными переживаниями, к которым они относятся, и вы скажете себе: воспоминания — это просто образы. Но в качестве образов они являются тем, что мы удерживаем в своем "Я" из пережитого нами во внешнем мире. Мы носим, так сказать, воспоминания с собой как достояние, добытое нами из пережитого. И если в случае болезни — я ведь об этом уже говорил — мы что-то утрачиваем из этих воспоминаний, то это означает, что нарушается само наше "Я". Мы чувствуем, что нашему глубочайшему существу, нашему "Я", нанесен ущерб, если в результате болезни что-то утрачивается из сокровищницы воспоминаний, делающих нашу жизнь единым целым. Можно также указать на те тяжелые состояния, наступающие иногда в другой области, при апоплексических ударах, когда в памяти стираются целые промежутки прошедшей жизни... Если мы с данного момента нашей жизни обратим взор на прошедшее со времени нашего последнего рождения существование, то для того, чтобы мы были вправе рассматривать самих себя как людей, имеющих душу, нам необходимо чувствовать и ощущать связующую нить воспоминаний.

Таковы отдельные качества, указывающие на то, что такое способность вспоминать во время физической, земной жизни. Но эта способность означает много больше. Чем был бы для нас внешний мир с его все новыми, полнокровными впечатлениями, не будь мы способны связывать все эти новые впечатления с тем, что мы вспоминаем! Недаром мы можем сказать: Всякое обучение состоит, в конечном счете, в том, чтобы преподносимое человеку новое примыкало к тому, что уже живет в его воспоминаниях. Ведь методика обучения в школе по большей части основана на том, что мы находим, как оптимально связать то новое, что мы даем детям, с тем, что мы можем извлечь из сокровищницы их воспоминаний.

Короче говоря, всюду, где дело в том, чтобы привести внешний мир к миру душевному или вызвать из глубины сам этот душевный мир, чтобы он ощутил и внутреннее пережил свое собственное бытие, — все это в конце концов апеллирует к воспоминанию. Так что приходится сказать: воспоминания составляют важнейшую, наиболее обширную часть внутреннего мира человека во время этой земной жизни.

Рассмотрим же теперь воспоминание еще и с другой точки зрения. Легко убедиться в том, что наши воспоминания, сумма воспоминаний, хранимых нами, является, собственно говоря, всего лишь фрагментом. В течение жизни столь многое забывается, но порой бывают моменты, нередко прямо-таки

патологические, когда вновь всплывает давно забытое. Особенно это мгновения, когда мы приближаемся к смерти; тогда всплывает многое, совсем ушедшее из области нашего сознательного воспоминания. Умиравшие старики вдруг вспоминают вещи, давно исчезнувшие из их сознательной памяти. И если внимательно исследовать сновидение, а ведь оно тоже соприкасается с воспоминанием, мы непременно обнаружим, что в сновидении всплывают вещи, несомненно пережитые, но мимо которых прошли, оставив их без внимания; вещи, которые, так сказать, не примечены, но тем не менее присутствующие в жизни души и являющиеся именно тогда, когда физический и эфирный организм этому не препятствуют, — во сне, когда астральное тело и "Я" пребывают одни. Обычно на это не обращают внимания. И поэтому не догадываются, что сознательное, подконтрольное воспоминание как раз и есть лишь фрагмент воспринятого нами и что, по сути, в такой же форме мы воспринимаем многое из встречаемого в жизни потом и внутренне перерабатываем его, но только оно сразу погружается в подсознание.

Пока мы живем на Земле, то самое, что может всплыть из глубины души в виде мыслей-воспоминаний, мы считаем самым существенным свойством воспоминания. Мысли о пережитом приходят и уходят опять. Мы ищем их в памяти. Мы считаем, что в этом суть воспоминания.

Когда же мы проходим сквозь врата смерти, за земным бытием следуют дни, в течение которых в мощной перспективе выступают картины только что прошедшей земной жизни. Они разом оказываются перед вами. То, что произошло много лет тому назад, появляется одновременно с тем, что произошло совсем недавно. Как пространственные объекты находятся рядом друг с другом, образуя исключительно пространственную перспективу, так и хронологически наши переживания соседствуют друг с другом, образуя внутреннюю перспективу во времени, и вот все это является разом. Но за то короткое время, пока все это существует, оно становится все тенеподобнее и прозрачнее, все бледнее и бледнее. Тогда как во время физической жизни, если мы смотрим в себя, нас посещает чувство: образы пережитого присутствуют в нас словно свернутыми в виде картин воспоминаний, — теперь же, после смерти, они растут, становятся мощнее и могущественнее. Такое чувство, как будто картины наших воспоминаний поглощаются миром. То, что после смерти предстает поначалу в этой панораме воспоминаний в четких очертаниях, расширяется все больше, но тем самым становится все прозрачнее, пока мы не обнаружим, что оно сравнялось величиной со Вселенной, но стало таким слабо различимым, что мы с трудом разбираем то, что поначалу отчетливо видели. Теперь мы это только предчувствуем. И затем оно исчезает в мировых даях — его больше нет.

Такова вторая форма, которую принимает воспоминание, в определенном смысле вторая метаморфоза, происходящая непосредственно в первые дни после смерти. Это та стадия, о которой мы можем сказать, что воспоминания «улетают» от нас во Вселенную. Все, с чем мы так тесно связывали наше бытие между рождением и смертью, все эти воспоминания, — все увеличивается в размерах, растет, становится прозрачнее и наконец теряется в даях Вселенной.

Происходит так, словно то самое "Я", которое мы, собственно, называли нашим "Я" во время земной жизни, мы увидели исчезающим в даях Вселенной. Завершение же тех немногих дней, когда мы переживаем подобные вещи, таково, что о наших уносящихся воспоминаниях приходится сказать: это мы сами расплываемся, распространяемся по Вселенной так далеко, что переживаем мгновение, когда, по сути, ощущаем, что по отношению к той сущности, в которой мы ощущали самих себя между рождением и смертью, мы словно поглощены просторами Вселенной.

После того, как мы прошли через эту, так сказать, сверхчувственную оглушенность, этот сверхчувственный обморок, отнявший у нас состоящее в

совокупности воспоминаний внутреннее сознание земного бытия, мы вновь оживаем в третьей стадии воспоминаний. И эта третья стадия учит нас: да, то, что мы, опираясь на воспоминания, во время нашего земного бытия считали нашим "Я", — расплылось в далях Вселенной, все это разоблачило перед нами самими нашу ничтожность. И будь мы только тем, что могло сохраняться в наших воспоминаниях, имевших место в промежутке между рождением и смертью, уже через несколько дней после смерти мы превратились бы в ничто.

Тут мы погружаемся во что-то совершенно иное. Мы замечаем, что не можем удержать наши воспоминания. То, что имелось в нас как наши воспоминания, удержать мы не можем — мир отнимает все это у нас после смерти.

Но за всеми воспоминаниями, которыми мы обладали при земной жизни, стоит нечто объективное. Духовный негатив, духовная матрица, о которой я вчера говорил, вписана в мир. И мы погружаемся теперь в эту духовную матрицу нашим воспоминаниям. Начиная с нашего рождения до самой смерти мы испытывали то или иное и к данному человеку, и к такому-то растению, и к виденному нами источнику, ко всему, с чем сталкивались на протяжении жизни. Ничто из пережитого не остается не вписанным — в виде своего рода духовной матрицы — в духовную действительность, в которой мы также непрерывно пребываем, помимо того, что находимся в физической действительности. Каждое рукопожатие, которым мы с кем-то обменялись, имеет свой духовный негатив. Он вписан в духовный мир, он наличествует. Только в первые дни после смерти, когда мы созерцаем свою жизнь, перед нами встают картины этой жизни. Они словно закрывают от нас то, что вписано в мир нашими поступками, нашими чувствами.

В то мгновение, когда мы проходим через врата смерти и вступаем, скажем так, в мир иной, в это мгновение мы преисполнены тем, что представляется нам в панораме жизни, состоящей как раз из картин, ретроспективно уходящих вплоть до события рождения и дальше, за его пределы. Но как раз эти образы исчезают в далях Вселенной. И тогда становится видимым то, что в духовном мире соответствует всем поступкам, которые мы совершили в жизни вплоть до момента рождения, если смотреть вспять. Все содеянное становится зримым в виде духовных противоположностей, но так, что нами непосредственно овладевает стремление проделать на деле этот путь назад, проходя еще раз через все пережитое. Человек обычно знает, когда перемещается, скажем, из Дорнаха в Базель, что сможет вернуться из Базеля в Дорнах, поскольку здесь, в физическом мире, о пространстве у него есть соответствующее представление. Но в своем обычном сознании он понятия не имеет о том, что раз он идет от рождения к смерти, то может также идти и от смерти к рождению. Точно так же, как, переместившись в физическом мире из Дорнаха в Базель, мы можем вернуться обратной дорогой из Базеля в Дорнах, точно так же, прожив в физическом мире от рождения до смерти, мы теперь идем от смерти к рождению.

Это мы и делаем в духовном мире, проживая в обратном порядке духовные противоположности всего испытанного здесь, на Земле. Во время земной жизни мы, например, испытали какое-то переживание по отношению к чему-то из царства внечеловеческой природы: скажем, имелось какое-то переживание по отношению к дереву. Человек рассматривал это дерево, а если он был дровосеком, он срубил его. У всего этого имеется духовный противоположный образ. Прежде всего, для всей Вселенной, для духовного мира имеет значение, просто ли мы смотрели на дерево или срубили его, или же сделали с ним еще что-то другое: то, что можно было испытать по поводу этого физического дерева, мы пережили в физической, в земной жизни; но то, что в отношении испытанного нами является его духовным противоположным образом, мы переживаем теперь, продвигаясь в обратном порядке от смерти к рождению.

Если мы нечто испытали в связи с другим человеком, скажем, причинили

ему какую-то боль, то уже и в физическом мире имеется соответствующий этому духовный противобраз, только он не испытывается нами — это та боль, которую испытывает другой человек. Для нас же боль эта, может быть, стала причиной некоторого чувства удовлетворения — мы и хотели, чтобы он пережил боль. Чувство мести или нечто подобное, — вот что нас переполняло. Когда же теперь мы проходим жизнь в обратном порядке, то наполняем не нашими переживаниями, но переживанием другого человека, тем переживанием, которое было вызвано нашим поступком. Оно также входит в соответствующий духовный противобраз и вписано в духовный мир. Короче говоря, на пути от смерти к рождению человек духовным образом еще раз переживает все бывшее.

Это переживание связано — как я вчера уже говорил — с тем, что мы при этом ощущаем, как в нем участвуют существа, превосходящие человека. Когда мы пробираемся сквозь духовные противобразы наших переживаний, нас словно свыше орошают симпатии и антипатии духовных существ — существа эти в ходе указанного ретроспективного переживания питают к нашим поступкам, к нашим мыслям именно симпатии и антипатии. И в этом ретроспективном переживании мы чувствуем по отношению к каждому отдельному поступку, совершенному нами на Земле: будь то в мысли или в чувстве, или в побуждении воли, будь то в действии, — относительно каждого поступка мы переживаем, какую вообще ценность он представляет с точки зрения духовного мира бытия. С горькой скорбью ощущаем мы ущерб от того или иного совершенного нами поступка. Мы переживаем страсти, как палящую жажду, наполнявшую нашу душу. Мы, как палящую жажду, переживаем эти страсти ровно до тех пор, пока никчемность их для духовного мира не будет достаточно испытана нами и пока мы не преодолеем эти страсти, поскольку это было обусловлено физической земной личностью.

При созерцании этого и может резко обозначиться граница между душевным и физическим. Видите ли, человек легко может счесть жажду или голод чем-то физическим. И это понятно, ведь жажда и голод представляют собой определенные физические изменения в организме. Однако представьте себе случай, когда те же самые физические изменения, происходящие в физическом организме человека, когда тот испытывает чувство жажды, происходили бы в каком-то неодушевленном теле. Ведь в таком теле могут иметь место те же самые изменения, но неодушевленное тело жажды не ощущает. Вы можете провести химическое исследование, какие в вас происходят изменения, когда вы чувствуете жажду. Вызовите точно такие же изменения в каком-нибудь теле, не одушевленном человеческой душой, и у него не возникнет чувства жажды. Жажда как раз не является чем-то живущим в физическом теле, жажда есть нечто, появляющееся в связи с изменениями физического тела в душевном, астральном. Так же обстоит дело и с голодом. И если кто-то ощущает в душе большое удовольствие от чего-то такого, что в земной, физической жизни может быть удовлетворено только физическими средствами, то это не отличается от того, что бывает при жажде, — душевное существо ощущает жажду, жгучую жажду по тем вещам, которые по привычке приносят удовлетворение с помощью физических средств. Ведь для покинувшего физическое тело физические средства становятся недоступны. Большая часть жизни после смерти в ходе того ретроспективного проживания, которого я здесь коснулся, заключается в том, что человек должен сначала приучиться, пребывая в своем душевно-духовном существе, обходиться без физического тела. Постоянную жгучую жажду он испытывает в первую очередь к тому, что может найти удовлетворение только посредством физического тела. Точно так же, как ребенок должен научиться пользоваться своими органами, как он должен научиться говорить, точно так же и человек в жизни, протекающей между смертью и новым рождением, должен привыкнуть обходиться в дальнейшем без физического тела как основы его душевных переживаний — он должен вращаться в духовный мир.

Существуют описания этого состояния, длящегося одну треть продолжительности жизни на Земле, изображающие эти переживания как сущий ад. И если вы прочтете описания, встречающиеся, к примеру, в литературе Теософского общества, где эта стадия жизни в соответствии с восточной традицией называется Камалока, — у вас мороз пойдет по коже. Но вообще-то вещи не таковы. Они могут показаться такими ужасными потому, что в сравнении их непосредственно с земной жизнью они предстают как нечто небывалое, ибо нам нужно сразу же свыкнуться с духовными противоположностями и духовными эквивалентами того, что было пережито на Земле: потому что все, что мы испытали на Земле как благополучную и привольную жизнь, здесь становится лишением, горьким лишением и нуждой; и удовлетворение, собственно, приносит только то, что мы претерпели на Земле как неудовлетворенность, как страдания и скорбь. Во многих отношениях, если сравнивать с жизнью на Земле, многое из переживаемого здесь покажется нам чем-то жутким — но именно с земной жизнью непосредственно это все сравнивать нельзя, поскольку мы ведь переживаем все это не в земной жизни, но как раз после нее, и, раз земная жизнь прошла, по земным понятиям уже не судят.

Итак, когда, вы, к примеру, причинив другому человеку боль, переживаете затем боль этого человека, в этом переживании после смерти вы говорите себе: если я не испытаю эту боль, то останусь несовершенной человеческой душой, потому что совершенное мной в ущерб Вселенной будет постоянно от меня нечто отнимать. Я только тогда стану совершенным человеком, когда достигну уравнивания, компенсации этого ущерба.

В зависимости от внутреннего душевного склада может оказаться трудным вынести суждение *«post mortem»*, посмертное суждение, что это, по сути, благодеяние для нас — ощутить скорбь от доставленной другому боли. К такому суждению, возможно, будет трудно прийти, но существует душевный строй, облегчающий это решение, и это тот случай, когда уже здесь, на Земле, душа узнает что-то о жизни сверхчувственной. Имеется такой душевный строй, способный принять испытываемое там горестное уравнивание многого совершенного в земной жизни даже как некое блаженство, поскольку благодаря этому скорбному искуплению мы совершенствуем наше человеческое начало. Иначе мы отстали бы в совершенствовании своей человеческой природы. Если вы причинили страдание другому человеку, вы утратили часть вашей ценности сравнительно с тем, когда вы этого еще не совершили. И если вы рассуждаете разумно, то скажете: причинив другому страдание, я стал для Вселенной худшей человеческой душой, чем до этого. Я был более ценным для нее до того, как заставил страдать другого человека. И вы примете как благодеяние возможность найти для вас уравнивание вашему поступку тем, что это страдание вы теперь испытаете сами.

Видите ли, мои дорогие друзья, такова третья стадия того, что живет в нас как воспоминание. Сначала в течение нескольких дней после смерти все хранимые в нас воспоминания уплотняются до образов и затем расплываются по Вселенной. Наша внутренняя жизнь в форме мыслей возвращается во Вселенную. Но и в сам мир духовным способом уже вписано то, что мы пережили. И когда мы утратили все воспоминания, которые в течение земной жизни удерживали в себе, когда субъективное, бывшее сокрытым в нас, устремилось в мировые дали, мир возвращает нам все это обратно из того, что в него уже было вписано, возвращает нам из объективного бытия.

Вряд ли можно найти более сильное доказательство связи человека с миром, чем то, что после смерти наша внутренняя жизнь сначала отбирается для того, чтобы затем мир снова даровал ее нам. И после смерти мы ощущаем это даже и в отношении горестных событий — как нечто неотъемлемое от нашей человеческой природы во всей ее полноте. Можно сказать: нас посещает чувство, что Вселенная забирает себе наш внутренний мир, имевшийся у нас во время земной жизни. А то, что мы запечатлели во

Вселенной, она отдает нам обратно. Как раз то, на что мы не обращали внимания, мимо чего проходили не замечая, но что четкими штрихами было внесено в духовное бытие, оно-то и возвращает нам обратно нашу «Самость», наше "Я". И тогда, в ходе ретроспективного течения жизни, пройдя через момент рождения, мы попадаем в мировые дали духовного бытия.

То, что мы таким образом испытали, только и дает нам тот вид бытия, позволяющий нам пребывать в духовном мире. В духовный мир мы вступаем только через все то, что мы так пережили. И способность вспоминать претерпевает четвертую метаморфозу. Мы чувствуем теперь, что, в сущности, во время земной жизни за обычным воспоминанием в нас всюду жило нечто — только нами оно не осознавалось. Оно было вписано в мир — теперь мы сами стали этим. Мы вобрали в себя нашу земную жизнь в ее духовном значении для мира — мы сами стали этим духовным смыслом ее. Пройдя жизнь в обратном направлении и вступив, миновав момент рождения, в духовный мир, мы оказываемся в весьма своеобразном положении по отношению к этому духовному миру. Мы словно сами стоим перед миром в своем духовном эквиваленте. Проходя предыдущий этап, переживая ли страдание, которое мы принесли другому, испытывая ли духовный эквивалент переживания, связанного, к примеру, с деревом: все это было, конечно, переживанием, но еще не переживанием человеком самого себя. Этот этап действительно еще вполне можно сравнить с эмбриональным существованием человека, имевшим место до рождения. Все, что он тогда переживает, еще не пробудилось в самосознании и не пробудится даже в первые годы его физической земной жизни. Самосознание пробуждается только постепенно.

Так все то, что мы переживаем, двигаясь в обратном направлении, лишь мало-помалу, по мере нашего вхождения в мир, становится нашей самостью, нашим духовным самосознанием; и тогда мы становимся тем, что пережили. Мы стали нашим собственным духовным эквивалентом. И с этим бытием, представляющим собой действительно изнанку нашего земного бытия, мы вступаем в тот мир, где нет решительно ничего из привычных нам царств внешней природы, — ни из минерального, ни из растительного, ни из животного царства (ведь это все принадлежит земному бытию), но в котором тотчас являются, во-первых, души отошедших прежде нас людей, с которыми нас связывали какие-то отношения, и индивидуальности высших духовных существ.

Мы живем как духи среди человеческих и прочих духов, и это окружение духовных индивидуальностей стало теперь нашим миром; отношение духовных индивидуальностей, будь то другие люди или будь то существа, не принадлежащие к человечеству, отношение этих существ к нам самим, отношения, в которые мы вступаем в нашем духовном бытии в духовном мире, становятся теперь нашим опытом и нашим переживанием. Как здесь, на Земле, мы испытывали переживания в связи с существами внешних природных царств, так теперь мы испытываем нечто в связи с духовными существами различных иерархий. И вот что исключительно важно: при нашем прохождении через жизнь между смертью и новым рождением, при этом возвратном течении жизни мы ощущали симпатии и антипатии, которые, — как я вчера метафорически сказал, — подобно душевному дождю орошали переживаемое нами. Теперь мы духовно лицезреем существ, от которых прежде, переживая духовную оборотную сторону нашей земной жизни, воспринимали только симпатии и антипатии, — теперь, после того, как мы вступили в духовный мир, мы живем среди них. И теперь мы постепенно начинаем ощущать нечто вроде внутренней наполненности той силой, теми импульсами, которые исходят от окружающих нас духовных существ. Все, что мы до сих пор испытали, становится реальнее благодаря тому, что наше "Я" в духовном смысле становится для нас реальнее. Все сильнее и сильнее ощущаем мы, что стоим словно на свету или в тени этих духовных существ, с которыми мы сживаемся. Прежде мы кое-что чувствовали, переживая

духовные противоположности: это или ценно или наносит ущерб во Вселенной. Теперь мы чувствуем: во всем осуществленном нами в трудах или мыслях на Земле есть нечто, имеющее свои духовные противоположности и оно вписано в духовную Вселенную. Существа, с которыми мы встречаемся, или могут что-то сделать с этим, или нет. Это совпадает с направлением их развития, или того развития, к которому они стремятся, или же лежит в стороне от него. Мы чувствуем себя совершенно на виду у существ духовного мира, когда говорим себе: мы действовали либо сообразно этим существам, либо поступали наперекор им. Мы либо что-то привнесли своими поступками в то, что они хотели для мирового развития, либо что-то отняли у него.

Мы чувствуем себя прежде всего не просто судимыми в идеальном аспекте, но ощущаем, что подвергаемся реальной оценке, и эта оценка есть сама реальность нашего бытия, когда после смерти мы выходим в духовный мир.

Живя в физическом мире, мы, люди, совершив нечто дурное, сами осуждаем этот проступок, если обладаем совестью и разумом, или же его осуждает закон, или судит судья, или его осуждают другие люди, презирая нас. Но от самого осуждения мы не похудеем, по крайней мере, не слишком, разве что у нас совершенно исключительная натура, — похудеть мы можем лишь от последствий осуждения. Но когда мы вступаем в мир духовных существ, то здесь уже осуждение не является просто идеей: наша ценность становится меньше; здесь мы чувствуем покоящийся на нас взор духовных существ, оценивающих всю нашу никчемность, всю нашу злокозненность так, будто под этим взором умалается наше бытие. По отношению же ко всему ценному, что мы совершили, взор этот встречает нас так, будто только тем самым мы обретаем реальность действительного духовно-душевного существа. Наша реальность обуславливается нашей ценностью. Как будто тьма поглощает наше бытие, если мы тормозим развитие, предусмотренное духовным миром. Как будто свет зовет нас в обновленное духовное бытие, если мы совершили нечто, способствующее развитию духовного мира.

Пройдя через все описанное мною, мы вступаем в мир духовных существ. Это усиливает наше сознание в духовном мире. Это поддерживает в духовном мире наше бодрствование. И мы говорим себе, если соответствуем предъявленным нам требованиям: мы приобрели кое-что во Вселенной в отношении нашей собственной реальности.

Предположим, мы сделали нечто, задерживающее развитие мира, способное вызвать лишь антипатию со стороны духовных существ, в область которых мы вступаем. Тогда, по мере того, как реализуются последствия нашего поступка в том роде, как я это описал, мы чувствуем: вот наше сознание затемняется, оно угасает, временами — полностью. Мы должны выбраться из этого состояния — мы должны снова проснуться. И, проснувшись, мы чувствуем в отношении нашего духовного существа намного сильнее, чем это ощущается в физическом мире, — а ведь в физическом мире такое ощущается вполне реально, словно что-то вырезано из нашей плоти: такое чувство посещает нас в отношении нашего духовного существа. Короче говоря, то, чем мы являемся в духовном мире, проявляется как следствие причины, созданной нами самими. Отсюда вы видите, что у человека достаточно поводов вернуться назад, в земное бытие.

Вернуться? Но зачем? Так вот, переживая вписанное в духовный мир, человек пережил нечто, в хорошем или дурном смысле осуществленное им в земном бытии. Но на деле кармически уравновесить то, о чем, по сути дела, человек узнает только через посмертное переживание, он может только тогда, когда вновь вернется в земное бытие. И действительно, когда человек, — разумеется, это только метафора, — перед ликами духовных существ воспримет, какую ценность он представляет для мира, тогда благодаря этому впечатлению он получит необходимое побуждение снова вернуться в физический мир, после того, как созреет для того, чтобы прожить жизнь

совершенно иначе, чем он прожил ее только что. Однако в нем остается еще множество недостатков, делающих его неспособным прожить ее как следует, и такое уравнивание на самом деле может наступить только после ряда разнообразных земных жизней.

Обратив взор в себя во время земной жизни, мы обнаружим в первую очередь воспоминания — те воспоминания, из которых, отгородившись от внешнего мира, мы сначала создаем наш душевный мир, те воспоминания, опираясь на которые созидает даже сама творческая, художественная фантазия. Это первая форма воспоминания. За этими воспоминаниями стоят могучие образы, которые становятся зримы непосредственно после того, как мы пройдем через врата смерти. Они отбираются у нас. Они уходят в дали Вселенной. Оглядываясь назад на наши воспоминания, мы можем сказать себе: за ними стоит нечто, сразу же устремляющееся — после того, как у нас отнято наше тело — по пути к мировым далям. Мы удерживаем с помощью нашего тела то, что, собственно, стремится влиться в разум Вселенной. Но, проходя по жизни и собирая обо всем воспоминания, мы оставляем в мире нечто, стоящее по ту сторону воспоминаний, но оставляем в хронологической последовательности. Мы должны снова пережить это в обратном порядке. Вот что стоит за воспоминаниями уже как третье образование. Прежде всего мы имеем дело с ковром воспоминаний — за его тканью располагается то, что мы удерживаем в свернутом виде как могучую мировую картину, потому что за этой тканью стоит то, что вписано в мир. И если мы это пережили, то за этим только и находимся сами: духовно обнаженными перед духовной Вселенной, облачающей нас в свои одеяния, когда теперь мы вступаем в нее.

Мы должны обратить внимание на воспоминания, если хотим постепенно выйти за пределы преходящей человеческой жизни. Воспоминания, которые у нас есть во время жизни на Земле, преходящи, они распыляются в мире. Но за воспоминаниями стоит наше "Я", стоит то, что затем даруется нам из духовного мира, чтобы мы смогли найти дорогу из времени в вечность.

Антропософия и Мистерии Нового времени

Введение в антропософское мировоззрение

Девять лекций, прочитанных в Дорнахе с 19 января по 10 февраля 1924 г.

Библ. №234

Редакторы *С. Шнитцер, Т. Логачева*

Компьютерная верстка *И. Коршунов*

Корректор *А. Лев*

Подписано в печать 25.02.08. Формат 84x108/32. Печать офсетная. Объем 6,5 п.л.
Тираж 2000 экз. Заказ 3131. Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль»

Издательство «Лонгин Гратаракчутюн», 375078, Ереван, ул. Башинджагына, 189-12

<http://longin.ru>

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат». 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Перевод осуществлен по изданию 1994 г. ANTHROPOSOPHIE Eine Zusammenfassung nach einundzwanzig Jahren Zugleich eine Anleitung zu ihrer Vertretung vor der Welt из Собрания сочинений Р. Штайнера (Gesamtausgabe, GA), выпускаемого издательством Rudolf Steiner Verlag (Дорнах, Швейцария) под редакцией

Управления наследием Р. Штайнера.

В Управление входит Архив Рудольфа Штайнера, продолжающий публикацию материалов за счет пожертвований. Информацию об Архиве можно получить по адресу: Rudolf Steiner Archiv, Postfach 135, CH-4143 Dornach,

<http://rudolf-steiner.com>.

Rudolf Steiner

Anthroposophie

Eine Zusammenfassung nach einundzwanzig Jahren Zugleich eine Anleitung zu ihrer Vertretung

vor der Welt Neun Vorträge, gehalten in Dornach vom 19. Januar bis 10. Februar 1924 1994

RUDOLF STEINER VERLAG DORNACH/SCHWEIZ

Антропософия и Мистерии Нового времени

Введение в антропософское мировоззрение

Девять лекций, прочитанных в Дорнахе с 19 января по 10 февраля 1924 года

Библ. №234 Перевод с немецкого А. П. Прокопьева

В оформлении обложки использованы рисунки, сделанные Рудольфом Штайнером на доске во время лекций

«Лонгин» Ереван · 2008

УДК 1/14 ББК 87 Ш-871 Штайнер, Рудольф

Антропософия и Мистерии Нового времени / Пер. с нем. А.П. Прокопьева — Ереван : Лонгин, 2008. — 208 с.

Этот цикл лекция является вводным, но не элементарным, курсом в антропософское мировоззрение. Он показывает, как строятся основные антропософские понятия и какой образ мысли характерен для современной духовной науки.

Рассматривая взаимодействие человека и природы, Рудольф Штайнер подводит к выводу, что и облик человека, и его сущность происходят из внеземного, нефизического мира. Штайнер показывает, как, укрепив мышление, добиться следующих степеней познания действительности. Анализируя необычные ракурсы человеческой жизни в противоречиях между событиями бодрственной жизни и сновидениями, сновидениями и воспоминаниями, воспоминаниями и тем, что ускользнуло от памяти, и дополняя эти рассуждения опытом сверхчувственного познания, автор рисует картины прохождения человеком не только земной жизни, но и духовных миров. Четкие логические построения шаг за шагом вводят читателя в систему понятий антропософии — посвятительной науки нашего времени.

Оригинал этой книги опубликован на немецком языке под названием

ANTHROPOSOPHIE

Eine Zusammenfassung nach einundzwanzig Jahren in der Gesamtausgabe Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz) как том 234 в Собрании трудов Рудольфа Штайнера (Rudolf Steiner Gesamtausgabe).

Публикация данного перевода согласована с Управлением наследием Рудольфа

Штайнера

(Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung, Dornach)

© Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, 1994 Лонгин Гратаракчутюн, 2008 ISBN 978-99941-984-9-8

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция, 19 января 1924 г.

Антропософия — искание современного человека

Два настоятельных вопроса человеческой души. Человек не может слиться с природой, не будучи уничтоженным ею. Природа не может проникнуть во внутренний мир человека, не превратившись в видимость. Традиционные ответы древних наук, искусств и религий не удовлетворяют современного человека. Антропософия намерена дать новый ответ.

Вторая лекция, 20 января 1924 г.

Медитативное сознание

Физическая природа воздействует на физическое тело разрушительными силами. Силы, созидающие тело, происходят из другого мира. Человек воспринимает внешние субстанции и возвращает их обратно. Начало и конец внутренних процессов родственен внешней природе, но это не относится к трансформации между этими полюсами. Внутренние процессы человеческого организма сродни минувшим состояниям Земли. Человек воспроизводит внутри себя то, что имело место в начале земного развития. Эти минувшие состояния Земли доступны наблюдению при помощи медитации. Восприятие эфирного и астрального в себе самом и в их развитии во времени.

Третья лекция, 27 января 1924 г.

Переход от обычного знания к посвятельному познанию

Отношение человека к светилам и Вселенной должно проникнуть в сознание. Задача антропософии. Двое врат в сверхчувственный мир: врата Солнца и врата Луны. Луна и Солнце с точки зрения духовной науки; их отношение к прошлому и будущему, а также к судьбе человека. Кармическая связь с людьми, производящими впечатление на наш рассудок, и людьми, воздействующими на нашу волю.

Четвертая лекция, 1 февраля 1924 г.

Укрепленное мышление и «второй» человек. Динамика дыхания и «воздушный человек»

Обычным мышлением невозможно решать загадки природы и загадки души. Укрепление мышления при помощи медитации ведет к опытному переживанию «второго» человека и его связи с миром звезд. Физический человек и твердый элемент. «Жидкий человек» и его связь с эфирным элементом. Пустотное сознание благодаря инспирации приводит к переживанию внедрения духовного мира, астрального плана. Астральное и «воздушный человек». Лира Аполлона и внутренняя музыка.

Пятая лекция, 2 февраля 1924 г.

Любовь как сила познания. Организм человеческого "Я"

Сущность эфирного и астрального. Эфирное тело как временной организм. Астральное тело явлено из духовного. Любовь как сила познания. Страдания при посвящении. Познание "Я" предыдущей инкарнации. Внедрение "Я" в тепловой организм. Воздействие моральных импульсов из предыдущей земной жизни благодаря «тепловому человеку».

Шестая лекция, 3 февраля 1924 г.

Созидательные мировые мысли в выдыхаемом воздухе. Деятельное "Я" в тепловом организме

Состояние сна. Содержание инспирированного сознания выступает из жизни в виде воспоминаний. "Я" и астральный организм во время сна и бодрствования. Сущность инспирации и интуиции. Во время сна человек возвращается в свое состояние до рождения или в предыдущую земную жизнь. Метаморфоза понятия времени. Смерть. Сущность воспоминания. Распространение образов воспоминания по всему миру после смерти. Процесс обмена между человеком и миром.

Седьмая лекция, 8 февраля 1924 г.

О жизни сновидений. Отношение жизни сновидений ко внешней и внутренней действительности

Анализ жизни сновидений — отправной пункт духовно-научного рассмотрения человека в его связи с прошлым и будущим. Два вида сновидений: сны, отображающие внешние реалии, и сны, символически выражающие внутренние

процессы. Первый вид сновидений выражает отношение "Я" к внешнему миру, а также силу или слабость воли. Второй вид сновидений связан с участием астрального тела; он сходен с переживанием образов на ступени имажинации. Отношение имажинации и образов сновидения ко внутренним органам.

Восьмая лекция, 9 февраля 1924 г..

Отношение жизни сновидений к имажинативному познанию. Накопление вины. Основания кармы

Имажинативное восприятие. Тройственная структура организма с точки зрения имажинации. Связь организма с прошлой и будущей земными жизнями. Воспоминание с точки зрения имажинации. Посмертный обратный обзор. Моральная сторона деяний человека с позиций имажинации. Земная жизнь как накопление вины в отношении Вселенной. Образование кармы при переживании обратного обзора. Бессознательное переживание во сне духовной стороны дневной жизни.

Девятая лекция, 10 февраля 1924 г.

Способность воспоминания

Воспоминание с точки зрения физической жизни. Посмертная панорама воспоминаний, растворяющаяся во Вселенной, подобно тени. Погружение в духовный эквивалент воспоминания при ретроспективном переживании земной жизни и болезненное переживание кармического выравнивания; Камалока. Становление духовного самосознания. Вступление в духовный мир. Переживание духовных существ. Побуждение к кармическому выравниванию в новой земной жизни.